

Ольга Куно
Екатерина Каблукова

ИНСТИТУТ
ИДЕАЛЬНЫХ ЖЕН

Магия, меняющая мир

Annotation

Что делать, если овдовевшая мачеха сдала тебя в пансион, а после подыскала старого жениха? Конечно же, бежать!

Как быть, если любящие родители надумали выдать тебя замуж за самодовольного наглеца, который даже не потрудился узнать, как ты выглядишь? Бежать, бежать и еще раз бежать! Пускай он тысячу раз красив, знатен и ироничен.

Как поступить, если тебя бросила навязанная против воли невеста? Мчаться за ней сломя голову – как минимум дабы высказать все, что ты думаешь об избалованных девчонках!

Как исправить положение, если твой верный слуга, управляя каретой, окатил водой замерзавшую на улице девушку? Предложить подвезти, а там будь что будет!

А вот разрешать эту запутанную ситуацию придется уже вчетвером.

- [Ольга Куно, Екатерина Каблукова](#)

-
- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Эпилог](#)

Ольга Куно, Екатерина Каблукова
Институт идеальных жен

© О. Куно, Е. Каблукова, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Пролог

Как правило, ворота пансиона благородных девиц Святой Матильды были наглухо закрыты для представителей мужской половины человечества, вне зависимости от возраста и положения в обществе. Исключения делались лишь для официальных женихов, да и то не всегда, к тому же подобные свидания непременно проводились в присутствии нескольких наставниц, дабы невеста не была никоим образом скомпрометирована. Пансион почитался заведением престижным, строгим и благопристойным, а это накладывало на его попечительниц определенные обязательства. Однако местные обычаи были мало известны приезжим. Поэтому кавалер Эндрю Гейтс даже не подозревал, сколь сильно ему повезло, когда степенный привратник распахнул перед ним внушительную кованую дверь. Впрочем, вряд ли юноша счел бы себя везунчиком, если бы знал, к чему приведет простое, казалось бы, поручение: передать девице Флоре Энбрасс, бывшей его соседке, письмо от ее матери.

Если бы в тот день случайный свидетель оказался рядом с Эндрю во внутреннем дворе, он мог бы наблюдать незабываемую картину. Молодая девушка в пышном светлом платье стояла на карнизе, вцепившись обеими руками в водосточную трубу, и, тяжело дыша, глядела вниз, будто набиралась решимости. По румяным щекам в два ручья текли слезы, а затянутая в корсет грудь чувственно вздымалась и опускалась, что было особенно очевидно, учитывая глубокое декольте.

– Нет-нет, не отговаривайте меня! Я прыгну! – решительно воскликнула она, не отнимая, однако, рук от спасительного желоба.

– Ни в коем случае! Леди, вы не должны этого делать! – вскричал, запрокинув голову, молодой человек.

Он нервно переступал с ноги на ногу и машинально вытянул перед собой руки, дабы попытаться поймать девушку, если она все же решится на отчаянный шаг.

Многочисленные пансионерки жадно следили за развитием событий, высунувшись из того самого окна, через которое Флора совсем недавно выбралась на карниз. Девушки старались незаметно,

как того требовали приличия, вытеснить соседок с наиболее выгодных с точки зрения обзора мест.

– Меня ничто не держит на этом свете! – пафосно воскликнула ученица, немного погрешив против истины: широкий карниз держал ее весьма неплохо.

– Неправда! Вот увидите: завтра вы проснетесь, и мир представится вам совсем другим! – попытался внушить ей оптимизм Эндрю и тут же, сглотнув, опустил глаза: нижняя юбка потенциальной самоубийцы задралась ровно настолько, чтобы обнажить изящные икры, плотно обтянутые светлыми чулочками.

Разумеется, он тут же вновь задрал голову – и, несколько не рассчитав, встретился взглядом с каменной горгульей, в пасти которой как раз и брала свое начало труба водостока. Чудовище с ехидным прищуром словно говорило: «Ну что, парень, вляпался?»

– Ах, завтра ровным счетом ничего не изменится! – вздохнула девица. – В моей жизни ничего не складывается. Я плохо учусь!

– Ой, ну что вы, кого беспокоят такие глупости? – пылко возразил юноша. – Знали бы вы, сколько раз мне доставалось от нашего капитана!

– У меня слабое здоровье!

Такие мелочи, как конфликт собеседника с командиром, не могли отвлечь Флору от собственных неприятностей.

– Вам просто нужен человек, который станет о вас заботиться и опекать! – заверил Эндрю и лишь затем почувствовал, что из него весьма ловко вытянули именно этот ответ.

– Ну какой человек? У меня даже подруг совсем нет!

Здесь для пущей убедительности следовало бы заломить руки, но девушка была достаточно благоразумна, чтобы продолжить держаться за злосчастный водоотвод.

– Да что вы! Вот же они! Видите, как всех этих милых девушек волнует ваша судьба?

Милые девушки с громким хихиканьем отпрянули от окна.

– Меня никто не любит!

Русло, которое принимал разговор, нравилось кавалеру все меньше. Может быть, пусть прыгает? Он прикинул, сможет ли благополучно поймать девушку при таком раскладе. Увы, он даже в полку своем успел прославиться худобой, а пансионерка была хотя

изящна, но все же не миниатюрна. Вряд ли она весила намного меньше его.

– Ваша мама вас любит! – Юноша попытался спасти положение с отчаянием солдата, который понимает, что сражение проиграно, но мысленно слышит приказ командира: «Ни шагу назад!»

– Ах, Эндрю, вы так наивны! Разве женщине может быть этого достаточно?

Кавалер опасливо огляделся. Его мозг внезапно переключился на решение физической задачи: на сколько шагов следует отступить, чтобы его одежду не забрызгало кровью, если девушка все-таки решится оставить вместо себя крупное пятно на мощеном дворе?

– А... ну... – Эх, была не была! – А знаете, вы Дикю Лойсу очень нравитесь. Из особняка на Еловой улице, помните его? Я вот прямо сейчас поскачу и с ним поговорю.

И, не оглядываясь, бравый кавалер Эндрю Гейтс капитулировал с позорно высокой скоростью.

Жизнь пансиона потихоньку возвращалась к своему обычному размеренному течению. Ученицы расходились, хихикая и перешептываясь. Несостоявшаяся самоубийца осторожно влезла обратно в окно с помощью одной из преподавательниц.

– А что здесь случилось? – испуганно спросила молоденькая белокурая девушка, совсем недавно начавшая свое обучение, у более опытной пансионерки.

– А это Флора Энбрасс в пятый раз завалила курсовую работу на тему «Самоубийство как средство манипуляции мужчинами», – равнодушно ответила та.

Глава 1

Помолвлены по принуждению

Мейбл

Из-за столпотворения в коридорах я опасалась, что опоздаю на лекцию, но повезло: успела буквально за минуту до начала. Заняла привычное место, приготовила чистый лист бумаги для записей. Подставки для перьев и чернильницы были заранее расставлены на партах. Пожилая учительница мисс Маргарет, невысокая и полноватая, с волосами, собранными в пучок на затылке, и идеальной осанкой, степенно прошествовала к своему месту, окидывая класс критическим взглядом. Мы все невольно подобрались, тоже распрямляя спины. И застыли, задаваясь вопросом, что принесет нам ближайший час.

Разумеется, мы знали, что пришли на урок литературы. Но дело в том, что все занятия в нашем пансионе направлены на одну-единственную цель: подготовить нас к семейной жизни. Цель эта оставляла свой отпечаток на занятиях по любым предметам, так что я ничуть не сомневалась, что и сейчас дело не ограничится определениями ямба и хорея. И конечно же, оказалась права.

– Сейчас я зачитаю вам вслух стихотворение, и затем мы его обсудим, – хорошо поставленным преподавательским голосом объявила мисс Маргарет. – Можете делать записи. По окончании декламации вы расскажете мне о достоинствах этих виршей.

Я обмакнула перо в чернильницу и постаралась максимально сконцентрироваться. Одновременно слушать, обдумывать и конспектировать – задача, требующая немалой сосредоточенности.

Наставница прокашлялась и приступила к чтению. Текст оказался таким:

Моя судьба – вот это истинная мука,
Меня терзают скорбь, неистовство и скука.
Стезя такая – мне наука,
Тому отчаянье порука.
И сердце бьется, учащая ритмы стука,

Стучит, как будто старой перечницы клюка.

Мы недоуменно переглянулись с Лизеттой, моей лучшей подругой в пансионе и по совместительству соседкой по парте. Другие девушки в классе выглядели столь же растерянно.

– Итак, леди Комстилл, не могли бы вы прокомментировать для нас это стихотворение?

Кайра Комстилл, двадцатилетняя рыжеволосая пансионерка, встала и, неловко переступив с ноги на ногу, неуверенно произнесла:

– Мне кажется, мисс, что это не очень хорошее стихотворение.

Мисс Маргарет неодобрительно качнула головой и жестом велела Кайре садиться. Та опустила на стул, красная как рак.

– Вы невнимательно слушали задание. Я ведь просила обратить внимание на достоинства виршей, а не их недостатки.

– А какие тут могут быть достоинства? – Амелия де Кресси, одна из самых юных учениц в классе (как раз на прошлой неделе ей исполнилось восемнадцать), встала без спросу и теперь вызывающе смотрела преподавательнице прямо в глаза. – Здесь нет ничего хорошего. Ритм хромает, смысла вообще никакого. Слова «клюка» не существует. И еще: рифма «скука – наука» у кого-то из поэтов уже была.

Я резко выдохнула, сердито косясь на выскочку. Кто, ради всего святого, просил ее высказывать свое ценное мнение? Любому понятно, что стихотворение написал полнейший бездарь. Но правила жизни в пансионе, да и почти любом учебном заведении, просты: делай что говорят и не высовывайся – и будет тебе счастье. Ладно, пусть не счастье, но, по крайней мере, спокойствие. Сказали «найди достоинства» – значит, найди. Буквы в словах использованы правильные? Уже достоинство. А спорить с наставницей – себе дороже. Хорошо, если получит проблемы только на свою голову, а ведь может и всему классу достаться!

– Юная леди, вы полагаете, что это высказывание доставило бы поэту удовольствие? – холодно поинтересовалась учительница.

– А почему я должна доставлять ему удовольствие? – возмутилась Амелия.

Тут уже выдохнула не только я, а несколько девушек и вовсе шикнули на соученицу. Не хватало еще, чтобы мисс Маргарет разозлилась и задала очередное эссе. Но обошлось.

– Садитесь, леди де Кресси, – с укоризной произнесла наставница. – И хорошенько подумайте!

Ученица послушалась, но неохотно, поджав губы, а мисс Маргарет продолжила:

– Девушки, запомните, основная задача пансиона – подготовить вас к достойной семейной жизни. Вы полагаете, каждое слово, которое произнесет ваш супруг, будет умно и оригинально? Возможно, в силу юного возраста вы склонны к романтическим преувеличениям, но я вынуждена разочаровать вас: так не будет. Многие мужья говорят глупости. Притом с чрезвычайно умным видом, полностью убежденные, что глаголят величайшую на свете мудрость. Ваша задача как хорошей жены – ни в коем случае не развеивать их иллюзий. При этом обычного «Да-да, дорогой, ты прав» быстро станет недостаточно. Нет, вы должны прислушиваться к его речам со всем вниманием и постоянно находить повод для похвалы. Это необходимо для поддержания мира в семье и, главное, для вашего собственного благополучия. Если супруг будет доволен, то и вы внакладе не останетесь. Поэтому берите перо и записывайте, и прилежно учитесь, пока есть такая возможность! Итак, – она расправила плечи после несколько эмоционального отступления и вновь приняла официально-требовательный вид, – кто расскажет нам о достоинствах услышанного произведения?

– Оно длинное? – осторожно предположила Данэлла, белокурая девушка, сидевшая за первой партой.

– Этого недостаточно, – покачала головой мисс Маргарет. – За длину вы будете хвалить вашего супруга в опочивальне. Впрочем, об этом мисс Клавдия вам объяснит на специальном занятии.

Девушки захихикали, деликатно прикрывая рты ладошками. Впрочем, не все: Амелия, например, пренебрежительно фыркнула.

– Есть другие идеи? Думайте, леди, думайте! Хорошая жена должна быть находчивой. Леди Уайт?

– Оно концептуальное, – высказалась худосочная пансионерка в очках.

– Вот это хорошо. Вот это правильно! – похвалила наставница. – Если не знаете, что сказать, используйте умные слова. А вы записывайте, дамы, записывайте! – строго посоветовала она, и мы ожесточенно закрипели перьями. – «Концептуальный», «инновационный», «интригующий», «бескомпромиссный». Все это следует заучить и произносить с правильным ударением и ярко выраженным восхищением. Продолжаем. Леди Фэйтон?

Вопрос не застал меня врасплох: я знала, чего от нас ожидают, и потому уже успела подготовить ответ.

– Многообразие рифм к слову «мука».

Я решила высказаться лаконично и по существу.

– Хорошо, – одобрительно кивнула мисс Маргарет. – Другие предложения?

Лизетта тайком приподняла большой палец, показывая мне, что я молодец. Я опустилась на стул, облегченно выдохнув. Хорошо, что никто до меня не использовал ту же самую идею. Боюсь, придумать для своеобразного стихотворения второе достоинство было бы выше моих сил.

Мимоходом успела заметить, как раздраженно закатила глаза Амелия. Я обиженно поджала губы. Конечно, ей-то зачем стараться? Избалованное создание, в котором родители наверняка души не чают, девица на выданье из богатой и знатной семьи. Ее и в пансион-то отправили недавно и наверняка ненадолго, просто потому, что это престижно для невесты и добавит ей очков в поисках такого же благополучного мужа. Так что она по-своему права: в ее положении можно не слишком прислушиваться к распоряжениям преподавательниц. Только, увы, не ко всем судьба так благосклонна. Меня, к примеру, сюда сослали исключительно ради того, чтобы отделаться. Отношения с мачехой не заладились с самого начала, а после того как два года назад скончался отец, она стала искать способ удалить меня из поместья. В итоге придумала пансион. Так что другого жилья у меня, по сути, и не было. А следовательно, приходилось соблюдать правила нового дома во всей их строгости.

Будущее тоже не представлялось радужным. Хорошего приданого за мной точно не дадут. Недаром мачеха несколько последних дней перед моим отъездом без конца жаловалась, как дорого нынче стоит обучение в пансионах. Якобы просто стремилась поделиться, на самом

же деле, конечно, настраивала меня на нужный лад. Вкратце суть ее причитаний сводилась к следующему: я потратила на тебя уйму денег, дальше ты уж как-нибудь сама. Видимо, подразумевалось, что учеба «на невесту» поможет мне выйти замуж. Но я прекрасно понимала: без приданого это смешно. Я и в семнадцать не страдала романтическими иллюзиями, тем паче теперь, в двадцать два, когда меня вот-вот назовут старой девой. После того как это случится, у меня останется всего три пути. Либо в компаньонки к пожилой сварливой даме, либо в гувернантки к молодой избалованной девчонке вроде Амелии, либо в монастырь. Причем, хоть мне и не была свойственна особая набожность, из этих трех вариантов монастырь представлялся отнюдь не самым худшим.

По окончании занятий я не спешила уходить из класса. Возвращаться в свою комнату не хотелось. Увы, даже там я ощущала себя недостаточно комфортно, чтобы полноценно расслабиться. С предыдущей соседкой мы нашли общий язык, можно даже сказать, подружились, но несколько месяцев назад она вышла замуж и уехала. Вместо нее ко мне подселили Амелию, а с ней мы были слишком разными, чтобы понимать друг друга. Лучше бы я делила комнату с Лизеттой, но, увы, пансионеров о таких вещах никто не спрашивал...

Словом, все разошлись, а я осталась сидеть за столом и, дабы как-то себя занять, принялась переписывать начисто хаотичные конспекты, сделанные во время уроков. В чистовик попадали не все материалы, а только то, что могло пригодиться в перспективе. Я имею в виду экзамены. В том, что анализ стихотворения про «клю`ку» и тому подобная информация может оказаться полезной в реальной жизни, я сильно сомневалась.

– Леди Фэйтон! – В приоткрытую дверь класса просунулась голова Джекки, одной из наших горничных. – Мисс Уэлси вызывает вас к себе в кабинет.

– Благодарю, – вежливо кивнула я и, аккуратно сложив свои вещи, чинно направилась к выходу.

Вызов оказался для меня неожиданностью, но не расстроил. Мисс Уэлси, второй человек в нашем пансионе после директрисы, была моей любимой учительницей. Она преподавала математику и астрономию, причем поговаривали, что право вести второй из этих предметов она выбила себе с немалым трудом. Попечительский совет

не мог взять в толк, какую пользу принесет будущим женам наука о планетах и звездах. Наставнице пришлось пойти на хитрость и заявить, будто речь, среди прочего, пойдет о способах предсказать судьбу будущего ребенка и, соответственно, избрать наиболее удачное время для зачатия. Дамы, принимавшие решения, плохо разбирались в таких нюансах, как разница между астрономией и астрологией, и дали добро. Правда, всего на один урок раз в две недели, но и этого оказалось достаточно, чтобы я влюбилась в новый предмет.

Занятия математикой также были интересны, а главное, не ограничивались одним лишь планированием семейного бюджета. Находилась место и для более абстрактных расчетов, и для древней философии, и для основ рационального мышления. Как любой преподаватель от Бога, мисс Уэлси давала своим подопечным намного больше знаний, чем можно прочесть в учебнике.

– Вы позволите? – спросила я, робко постучавшись и затем самую капельку приоткрыв дверь.

– Да, Мейбл, проходите.

Я не в первый раз оказалась в кабинете мисс Уэлси, и потому меня нисколько не удивил царивший здесь беспорядок. Да, возможно, это прозвучит странно, но слово «хаос» лучше всего описывало обычное состояние вотчины математички. Письменный стол был буквально завален бумагами, тетрадями, книгами, закладками, старыми перьями и вскрытыми конвертами. Подоконник пребывал в ненамного лучшем виде. Для того чтобы привести все это в порядок, потребовалась бы целая неделя, но, впрочем, хозяйка кабинета явно не собиралась затруднять себя подобными мелочами. В воздухе витал едва уловимый запах сладковатого табака. Присмотревшись, я обнаружила выглядывавший из-под бумаг мундштук. Курение в пансионе, мягко говоря, не поощрялось, но наставница, прослужившая здесь добрых двадцать лет, могла позволить себе некоторые вольности. Исключительно в нерабочее время и на своей территории, разумеется.

– Присаживайтесь.

Я опустилась в неглубокое кресло с высокой спинкой. Мягкое, удобное, но одновременно дисциплинирующее.

– У меня для вас новости, Мейбл. – Учительница метнула на меня острый взгляд поверх маленьких круглых очков. – И боюсь, что не самые приятные.

Я напряглась. А кто бы на моем месте не напрягся при подобном предисловии?

– Пришло письмо от вашей... матушки.

– Мачехи, – поправила я.

В некоторых вопросах я имела привычку проявлять настойчивость.

– Мачехи, – легко согласилась мисс Уэлси.

– Кто-нибудь умер?

Мне так редко писали из дома (можно сказать, вообще не писали: пара переправленных с посыльным документов не в счет), что такое предположение казалось совершенно логичным.

– О нет. Все живы и, насколько я понимаю, здоровы, – успокоила меня наставница, однако что-то в ее взгляде будто говорило: «Но лучше бы кто-нибудь умер».

– Очень рада это слышать.

Я напряженно ждала продолжения, и мисс Уэлси не стала тянуть: это вообще было не в ее характере.

– Виконтесса Фэйтон пишет, – учительница взяла в руки письмо и заглянула в текст, – что, движимая заботой о вашей судьбе и стремясь устроить ваше будущее, нашла для вас достойного жениха. Он выразил согласие вступить в брак, и свадьба планируется в следующем месяце. Со своим женихом вы познакомитесь на балу, который, как вы знаете, состоится в эту субботу в городской ратуше.

Она подняла глаза, вероятно, стремясь увидеть мою реакцию, но я поспешила уставиться в пол. Крепко сцепила руки и тихо поинтересовалась:

– Могу я узнать имя будущего мужа? Или виконтесса Фэйтон не сочла нужным сообщить мне такую незначительную деталь?

– Сообщила, – сочувственно откликнулась наставница, и я сцепила руки еще сильнее. – Его зовут мистер Томас Годфри. Его положение в обществе ниже вашего, но виконтесса пишет, что это вряд ли вас смутит, поскольку вы нечестолюбивы.

Я кивнула, просто в знак того, что услышала. Наверное, в данном случае мачеха права, но мне сейчас было не до того, чтобы копаться в собственной натуре. Слишком ошеломительная на меня свалилась новость.

– Здесь также указано, что мистер Годфри – человек состоятельный, – продолжала наставница. – Среди прочего, ему принадлежат дом в столице и родовое поместье, приносящее постоянный доход. Таким образом, пишет виконтесса Фэйтон, она будет спокойна за ваше благополучие.

Я снова склонила голову. Мачеха будет спокойна: в чем в чем, а в этом я не сомневалась ни секунды.

– Возраст жениха – шестьдесят четыре года, – припечатала мисс Уэлси с жестокостью хирурга, считающего, что лучше одним ударом отрубить подлежащий ампутации орган, чем долго и болезненно отпиливать его из мнимой жалости к пациенту. – Виконтесса убеждена, что и это обстоятельство не составит проблемы, поскольку вы девушка, благоразумная не по летам, и излишняя романтичность вам не свойственна.

Теперь я опустила голову так низко, словно к ней был привязан кирпич. Ссутулила плечи, обхватила себя руками и едва слышно пробормотала:

– Все понятно.

Шестьдесят четыре года. Будущий муж годился мне даже не в отцы – в деды. Сколь ни глупо, но до сих пор меня не покидала надежда, что навязанный жених случайным образом окажется моим принцем на белом коне. Ну, пусть не принцем, пусть не на белом, но – моим. Не знаю, откуда взялись такие иллюзии: то ли, вопреки словам мачехи, я была романтична до идиотизма, то ли человеку просто свойственно надеяться вплоть до самого последнего мига. В любом случае сообщение о возрасте, наподобие хлесткой пощечины, вернуло меня в реальность.

– Благодарю вас за заботу, мисс Уэлси. Больше ничего виконтесса Фэйтон не пишет? Надеюсь, урожай пшеницы в этом году был не хуже, чем в прошлом?

– Господи, Мейбл, да не будьте вы так неестественно спокойны!

Это восклицание со стороны учительницы, которая всегда оставалась хладнокровной, немного циничной, но никак не эмоциональной, явилось для меня полнейшей неожиданностью и заставило поднять глаза.

– Пейте.

Мисс Уэлси переставила поближе ко мне кружку, которая прежде кое-как умещалась между учебником астрономии и стопкой старых документов. Я только теперь сообразила, что напиток был подготовлен заранее и, по всей видимости, именно для меня.

– Спасибо. Что это? Сок?

Стекло не было прозрачным, и я заглянула внутрь. В кружке плескалась жидкость теплого оттенка коричневого.

– Бренди. Сок не принесет вам сейчас ровным счетом никакой пользы.

Такое угощение противоречило всем правилам пансиона. Может быть, именно поэтому я его приняла. Принюхалась (по-моему, у меня имелись шансы опьянеть от одного только запаха) и, прикрыв глаза, сделала большой глоток. Горло мгновенно обожгло, дыхание перехватило, я закашлялась и принялась оглядываться в поисках хоть какой-то закуски или хотя бы простой воды. Хозяйка кабинета пододвинула ко мне блюдо, на котором красовались долька апельсина и несколько кусочков горького шоколада.

– Вы не возражаете, если я закурю? – Мисс Уэлси не переставала меня удивлять. – Я, знаете ли, и сама немного нервничаю.

– Курите, конечно. Мне нравится запах вашего табака, – призналась я. – Я плохо в этом разбираюсь, но, по-моему, мой отец курил нечто подобное.

– Вам и не надо в этом разбираться, – заверила наставница, извлекая с подоконника длинный эбонитовый мундштук. – Крайне бесполезное занятие, хотя в некоторых случаях ощутимо способствует мыслительному процессу.

Она закурила, и я с наслаждением вдохнула такой вредный, но такой родной сладковатый фруктовый аромат. Голова чуть-чуть кружилась: содержимое кружки уже давало о себе знать.

– Вы очень хорошая ученица, Мейбл. Не скрою, я была бы рада, если бы вы могли получить полноценное образование, к которому, без сомнения, тяготеете. Судьба распорядится иначе. Я понимаю ваше расстройство, но хочу сказать: действительность вовсе не так плоха, как кажется вам сейчас. Нет, я не стану кормить вас сказками о добрых намерениях, которые питает ваша мачеха, и о нередко перевозносимых достоинствах возрастных женихов. На этот счет у вас есть собственное мнение, и вряд ли я смогу многое к нему добавить. Тем не менее

выслушайте меня, Мейбл. Брак, пусть даже не самый счастливый, – это не так уж и плохо. У вас будет свой дом, который вы сможете обустроить, как вам заблагорассудится. Будет круг общения, который вы, опять же, сами выберете. Вещи, от книг и до платьев, которые вам приглянутся. Вполне вероятно, вы даже телескоп себе сможете купить и установить его, к примеру, на балконе. Это намного больше, чем есть у вас сейчас, в пансионе. Да, ко всему этому прилагается муж. Смотрите на данное обстоятельство как на досадную нагрузку. В конце концов, ничто в нашем мире не дается бесплатно. Пройдет немного времени – и вы при желании сможете даже разъехаться.

– Вы имеете в виду развестись? – с сомнением спросила я.

Разводы были делом редким, сложным и в высшем свете не одобрявшимся. А уж для женщины, которая входит в семью так, как я, на птичьих правах, – практически нереализуемым.

– Ну, зачем такие сложности? – возразила мисс Уэлси. – Вы ведь слышали: у мистера Годфри по меньшей мере два дома. Выясните, в котором из них он проводит большую часть времени. Если супруг предпочитает город, пожалуйста на слабое здоровье, объявите, что вам необходим свежий воздух и удалитесь в поместье. Если, напротив, он предпочитает деревню... Пожалуйста на слабое здоровье и заявите, что вам требуются регулярные консультации городских врачей.

– Жить в одном доме, возможно, не так страшно, – пробормотала я, краснея. – Но муж – это ведь не просто сосед. С ним же еще нужно...

Я замолчала, окончательно смутившись. Впрочем, наставнице продолжения и не требовалось.

– Да, я понимаю, – кивнула она. – Юных девушек обычно пугают такие вещи. Даже те, кто выходит замуж по большой любви, побаиваются брачной ночи. Но, Мейбл, поймите, не так уж это все и страшно.

– Я понимаю, – солгала я, не поднимая глаз. Страшно было до безумия. – Но будь он хотя бы чуть-чуть моложе...

– Как раз молодой мог бы вас измучить, – не согласилась мисс Уэлси. – А ваш жених – это идеальный вариант. Учитывая его годы, не думаю, что его вообще станут интересовать подобные глупости. А если даже и станут, то крайне редко.

Меня передернуло от одной только мысли, и я прикрыла глаза, чувствуя себя крайне неблагодарным существом.

Наставница тяжело вздохнула.

– Если вас настолько беспокоит этот вопрос...

Она встала, подошла к двери, резко ее распахнула и, убедившись, что снаружи никого нет, возвратилась на свое место.

– Я могу дать вам одно зелье... Это магический отвар, который отобьет у супруга желание беспокоить молодую жену, – с некоторой неохотой произнесла она. – Обычно я подобного не предлагаю, не считаю это правильным, но в вашем случае... Однако это должно остаться между нами, – строго добавила она. – И вы пообещаете мне не злоупотреблять подобными средствами.

– Спасибо. – Я судорожно сглотнула. – Я непременно это обдумаю.

– Не за что. Думаю, встреча на балу многое расставит по местам. Постарайтесь не переживать прежде времени. Брак – это не всегда так хорошо для женщины, как принято считать. Но не стоит видеть в нем жизненную трагедию.

– Мисс Уэлси... – Я бы никогда не задала этот вопрос, если бы не выпитое несколькими минутами ранее «успокоительное». – Скажите, а вы... были замужем?

В том, что наставница не замужем сейчас, я не сомневалась. И дело было даже не в обращении «мисс», общепринятом, когда речь шла о преподавательницах. А в том, что леди жила в пансионе, проводила здесь практически круглые сутки. Трудно было представить себе мужа, которого бы устроило такое положение вещей.

К счастью, мисс Уэлси не оскорбилась, даже улыбнулась.

– Все верно, Мейбл. Я действительно никогда не была замужем. Не из-за нехватки предложений. То был мой личный выбор. Основанный в немалой степени на недостатках супружеской жизни. Правильное ли это было решение... На этот вопрос у меня нет ответа. Не уверена, что объективные ответы такого рода вообще существуют. Но в одном я убеждена: прежде чем сделать такой же выбор, молодая современная девушка непременно должна тщательно взвесить все за и против.

– Благодарю вас, мисс Уэлси, – проговорила я, поднимаясь из-за стола. – Вы мне очень помогли. Я никогда не забуду ваших уроков и

ваших советов. И постараюсь всегда им следовать.

– О, вот с этим вам стоит быть очень осторожной, мисс Фэйтон. – Наставница тоже вышла из-за стола, чтобы проводить меня до двери. – Какие бы советы вы ни получали и кто бы ни был автором этих советов, старайтесь всегда делать собственные выводы и принимать собственные решения. Это самый главный урок, который я могу вам преподать.

Амелия

– Черт, черт, черт! – Под удивленным взглядом соседки по комнате я скомкала письмо от родителей и запустила им в стену, даже не стремясь скрыть свое раздражение. Еще бы мне не злиться! В этом послании родители извещали меня, что на балу я должна буду познакомиться со своим женихом, которого в глаза не видела.

Вернее, видела. На собственных крестинах, в возрасте сорока дней от роду. Моих, конечно же, самому жениху тогда было лет двенадцать. Единственный сын ближайшего соседа, он был просто обречен обручиться со мной, чтобы объединить земли двух родов. Граф Рейнард Аттисон.

Достигнув возраста тридцати лет, он до сих пор не был женат, что вызывало во мне массу подозрений на его счет.

Мейбл неодобрительно поджала губы, но ничего не сказала. Это разозлило меня еще больше. Терпеть не могла тихонь, а уж соседка по комнате и вовсе напоминала мою гувернантку: такая же молчаливая, чопорная и правильная. Благодаря той даме любая моя проказа становилась известна родителям, и наказание следовало незамедлительно.

Сколько времени я провела за партой, либо переписывая строки из Писания, либо сочиняя очередное эссе на тему «Почему благовоспитанной девице не следует лезть на дерево, спасая котенка, прыгать в пруд за тонущим щенком и таскать за вихры деревенского парнишку, обижающего своего младшего брата».

Впрочем, в последние годы я старалась быть осмотрительной, и мисс Джонсон почти нечего было докладывать папеньке.

Последней моей шалостью было то, что я заперла калитку в сад, оставив нашего vicar наедине с этой чопорной леди. Кто бы мог подумать, что на следующий день vicarий с радостью сделает моей

наставнице предложение, а она с такой же радостью его примет. После этого разразился скандал, мисс Джонсон уехала, а на семейном совете было решено не нанимать более гувернанток, а вместо этого отправить меня в пансион благородных девиц. Хотя вот чем кому-то могла помешать новая гувернантка, я не понимала: викарий-то теперь был женат!

Вздыхнув, я подобрала письмо и посмотрела на соседку по комнате. Мейбл ответила мне спокойным взглядом.

– Что-то случилось дома? – вежливо поинтересовалась она.

Я покачала головой, не желая посвящать Мейбл в свои горести. Наверняка она тут же побежит рассказывать надзирательницам, тьфу, воспитательницам. Лицемерка, как и все здесь. Одно ее высказывание про многообразие рифм чего стоит!

– Мне прислали платье для городского бала, – коротко проинформировала я, подходя к кровати, на которой лежала красиво упакованная коробка.

Бесцеремонно разорвав обертку, я сняла крышку и застонала от досады. Ну скажите на милость, почему моя матушка считает, что юным девушкам положено надевать на бал лишь белое?

Меня, унаследовавшую от бабки-южанки золотистую кожу и горячий нрав, этот снежно-белый цвет просто убивал. Точнее, делал настолько смуглой, что даже самой себе я казалась крестьянкой, вернувшейся с полевых работ.

Погруженная в переживания, я и не услышала, как соседка подошла и встала за спиной.

– Какое красивое! – воскликнула она, заставив меня подпрыгнуть. Я недовольно покосилась на Мейбл, но та даже не заметила, с тихой грустью рассматривая нежную ткань, расшитую мелким речным жемчугом так, что на свету платье переливалось.

– Да уж, – проворчала я,

– Повезло тебе, – грустно улыбнулась девушка.

– В чем же? – Я все-таки достала платье из коробки и приложила к себе, взглянула в зеркало, скривилась и небрежно отбросила на кровать.

Мейбл с укором взглянула на меня и нежно расправила смявшуюся ткань.

– Да во всем. У тебя приятная внешность, хорошее приданое, любящие родители, которые тебя балуют, – начала перечислять она, загибая пальцы.

Я задумчиво посмотрела на соседку, гадая, она действительно такая дура или прикидывается в надежде выведать что-то по поручению наставниц. Удивительно, но сейчас Мейбл казалась абсолютно искренней. Я вдруг вспомнила, что сама она почти бесприданница, которую мачеха сослала в пансион. Девочки рассказывали, будто за два года Мейбл ни разу не получила весточки от родных. Что же касается нарядов, то я сама видела, как соседка недавно перешивала старое бальное платье в надежде хоть как-то его обновить. Надевать одно и то же на несколько балов подряд считалось дурным тоном.

Наверное, в глазах Мейбл я действительно выглядела избалованной богатой девчонкой. Я бросила на девушку задумчивый взгляд. А ведь ей это платье было бы к лицу. Фигуры у нас похожие, а вот цвет кожи – совершенно разный.

– Знаешь, если оно тебе нравится – бери! – заявила я.

Соседка, все еще любующаяся платьем, вздрогнула и быстро отошла на свою половину комнаты, потом внимательно взглянула на меня.

– Ты серьезно?

– Конечно.

– Но... Амелия, это очень дорогое платье!

Еще бы! Когда это родители покупали мне дешевые вещи!

– И что? – как можно более беззаботно ответила я. – Я все равно его не надену ни за какие коврижки!

В глазах Мейбл читалась внутренняя борьба. Ей действительно хотелось надеть это платье, но воспитание не позволяло принять мое щедрое предложение.

– А... – сделала она еще одну попытку, – что на это скажут твои родители?

– Они и не узнают, – отмахнулась я. – Ну же, Мейбл, хотя бы примерь его!

Соседка шумно выдохнула, решаясь.

– Хорошо, но только примерю! – строго сказала она, успокаивая, вероятно, саму себя.

Я закивала, с готовностью подавая наряд.

Мейбл действительно была хороша в этом платье. У нее даже глаза засияли, когда она оглядывала свое отражение в зеркале.

– Вот видишь! – продолжала искушать я. – Я никогда не буду выглядеть в нем так же хорошо! Так что – забирай!

– Спасибо, – соседка вдруг порывисто обняла меня, но тут же отпрянула, несколько устыдившись своих чувств.

Я только хмыкнула: а может, не такая уж она и лицемерка. Во всяком случае, сейчас она мне даже нравилась.

– А, ерунда, – отмахнулась я, подходя к огромному сундуку и вытаскивая оттуда несколько платьев. – Знаешь, пожалуй, сама я надену вот это, из золотистого шелка...

Чуть позже, вечером, мы стояли в коридоре, готовые к инспекции мадам Клодиль. Как рассказала Мейбл, директриса пансиона перед балом лично проверяла воспитанниц, и не дай Создатель было не соответствовать ее высоким идеалам о приличиях.

Во всяком случае, тем, кто не соблюдал строгие правила, на балы в этом сезоне можно было не рассчитывать.

– Девушки, запомните, на балу вы должны вести себя скромно, – напутствовала нас наставница. – Ваша задача – показать себя в выгодном свете перед теми лордами, которые ищут себе именно жен!

– А кого еще могут искать себе лорды? – донеслось откуда-то сбоку.

Несколько девушек рассмеялись.

– Они могут искать себе собаку, – предположила я, втайне надеясь, что за дерзость меня оставят в пансионе. Признаться, в свете родительского письма меня бы это очень устроило.

– Леди Амелия! – возмущенно воскликнула мадам Клодиль.

– А что? – я наивно захлопала ресницами. – Она ведь тоже покладистая, верная и, главное, умеет слушать, не перебивая... Я не понимаю, зачем лорду обязательно искать себе жену.

Судя по лицу директрисы, я была близка к тому, чтобы осуществить свой план, но одна из наставниц что-то зашептала. Почтенная дама прислушалась и кивнула.

– Мы не будем сейчас спорить, девочки, – снисходительно произнесла она, – у нас нет времени, ведь кареты уже поданы. А вас,

леди Амелия, я попрошу к следующей неделе подготовить эссе на тему различий между женой и собакой.

От досады я закатила глаза, за что мне сразу же сделали еще одно замечание. Я поймала на себе взгляд Мейбл, полный молчаливого неодобрения, и фыркнула.

Наставницы предпочли сделать вид, что не заметили. Конечно: третье замечание автоматически лишило бы меня посещения бала, но, видимо, это не входило в планы директрисы, и мне пришлось чинно вышагивать в веренице остальных пансионеров в колонне, чтобы занять место в карете.

В экипажи мы садились по четверо, стараясь не помять пышные платья. Моими соседками выпало быть Мейбл, ее подруге Лизетте и еще какой-то долговязой девице, имя которой я постоянно забывала. Проведя в пансионе не один год, эта троица дружно щебетала ни о чем, я же предпочитала помалкивать, понимая, что злюсь и на этот бал, и на незнакомого мне жениха, и на щебечущих ни о чем пансионеров. Спутницы то и дело подозрительно косились на меня, и было понятно, что они умышленно щебечут о ерунде, поскольку опасаются, что иначе я могу донести на них наставницам. Даже Мейбл, прекрасно-воздушная в моем новом платье, предпочла переговариваться с Лизеттой.

Это оскорбило меня еще больше, чем неприкрытое презрение, и я сердито отвернулась к окну.

Глава 2

Девушки и платья

Бал в городской ратуше был одним из главных событий сезона хотя бы потому, что туда приглашались воспитанницы пансиона Святой Матильды, из стен которого выходили самые лучшие жены.

Девушек привозили к десяти часам, и ровно в полночь они уезжали обратно в пансион. Эта традиция не нарушалась никогда, впрочем, как и традиция, что с одним партнером девушка могла станцевать лишь один танец.

К половине десятого бальный зал начинал наполняться кавалерами: влюбленные юнцы, охотники за приданым, да и просто те, кому необходимо было найти покорную и добропорядочную жену.

Разумеется, такого сборища женихов не могли пропустить и те матери, что воспитывали своих дочерей дома. Оттого к десяти часам в бальном зале просто нечем было дышать, а в глазах пестрело от черно-белых вечерних костюмов мужчин и ярких платьев женщин. Граф Рейнард Аттисон не любил суеты и предпочел появиться в зале ровно через четверть часа после начала первого танца. К этому времени бальные книжки дебютанток были расписаны, а Рейнард был волен проводить время так, как ему заблагорассудится, а не оказывать любезность очередной подруге матери, танцуя с ее робкой и юной дочерью.

Вот и сейчас граф Аттисон ожидал вместе со своими друзьями в закрытом экипаже и внимательно наблюдал, как девицы выпархивали из карет.

– Смотри, а они весьма недурны собой! – заметил Освальд Горринготон, один из близких друзей Рейнарда.

По всей видимости, он намеревался утешить друга, поскольку единственный из всех присутствующих знал об истинных причинах, заставляющих графа Аттисона сидеть в карете и уныло разглядывать юных пансионеров, вместо того чтобы провести вечер в клубе.

Подбадриваемый одарил друга мрачным взглядом.

– Возможно.

– Да ладно, друзья, я не понимаю, чего мы ждем? Неужели у кого-то из вас есть желание вытанцовывать затейливые па и пить вино? Между прочим, у Ватто сегодня большая игра, и поговаривают, что пришла новая партия контрабандного бренди! – воскликнул Джон.

Из всех троих он был самым заядлым игроком, и если бы не неслыханное везение, то приятель давно бы пошел по миру.

Рейнард задумчиво взглянул на Джона, словно решая, можно ли ему доверять.

– Видишь ли, – решил он наконец, – похоже, мне в ближайшее время придется жениться.

– Что? – выпучил глаза тот. – Быть не может!

– Увы.

– Это, должно быть, какая-то шутка!

– К сожалению, нет.

– И кто же она?

– Некая Амелия де Кресси. Юная девица, чье имение находится по соседству с моими землями.

Рейнард говорил с видимым безразличием, хотя внутри все клокотало от гнева.

– Амелия де Кресси? – Джон нахмурился, но имя было явно незнакомо. – Давно она выезжает?

– Она еще не выезжает. Ей недавно исполнилось восемнадцать, и она обучается в пансионе Святой Матильды.

– А, эта знаменитая школа невест! – фыркнул Джон. – Узнай, не преподавала ли ей некая мисс Клавдия. Если да, то тебе, мой друг, может оказаться весьма нескучно в супружеской спальне.

– Ты-то откуда знаешь?

Друзья в недоумении уставились на приятеля. Тот пожал плечами:

– Я встречался с ней... гм... в неформальной обстановке... никогда не думал, что у наставницы невест может быть такая богатая фантазия...

Рейнард невесело усмехнулся.

– Предлагаешь мне надеяться, что ученица превзойдет наставницу?

– На это я бы не рассчитывал, – после недолгих раздумий отозвался Джон. – Впрочем, почему бы тебе сразу не переключиться на мисс Клавдию?

– Потому что на кону честь Аттисонов... – Рейнард вздохнул. – Мой отец устроил помолвку много лет назад, закрепив магической клятвой, и отказаться от нее просто так невозможно!

– Но ведь твой старик умер три года назад! – возмутился Джон.

– Увы, помолвка была заключена гораздо раньше.

Рейнард вновь всмотрелся в стайку пансионеров, щебечущих на крыльце. В своих ярких платьях они напоминали экзотических птичек.

Несколько раз среди желтого и голубого мелькнуло белое. Рейнард невольно напрягся, но в темноте и издали деталей платья было не разглядеть.

Удивительно, но родители невесты не стали рассказывать про саму девушку, ограничившись лишь описанием ее бального платья. Просьба показать изображение невесты тоже не помогла: в парадной галерее имелся лишь семейный портрет де Кресси, на котором темноволосая девочка лет трех-четырёх сидела у ног матери.

Рейнард попытался порасспрашивать соседей, но те предпочитали уклоняться от разговора, бормоча что-то по поводу «достойной юной леди».

Узнав, что жена викария была гувернанткой Амелии, граф Аттисон не поленился съездить к ней, дабы расспросить о невесте, но почтенная дама вдруг начала краснеть и лепетать нечто невнятное. Пришлось отступить.

Пансионерки наконец вошли в здание, и Рейнард постучал пальцами по стенке кареты, подавая кучеру знак трогать.

Друзья неторопливо поднялись по ступеням, вошли в здание и, вручив лакею трости и цилиндры, поднялись в бальный зал, откуда доносилась музыка.

Их появление было встречено недоуменными взглядами и шепотком за спиной. Все трое считались достаточно завидными женихами, а Рейнард, будучи дальним родственником короля, и вовсе занимал высокое положение в столичном обществе, так что их появление на «ярмарке невест» не прошло незамеченным.

– Я чувствую себя словно выставленным на витрине, – прошептал Освальд, невольно оглядываясь по сторонам. – Может быть, действительно лучше поехать к Ватто?

– К сожалению, я должен встретиться со своей невестой, – извиняющимся тоном произнес Рейнард. – Впрочем, вы вольны уехать...

– И оставить друга одного погибать под этими плотоядными взглядами? – возмущенно воскликнул Джон. – За кого ты нас принимаешь?! Мы готовы прикрыть тебя собственными спинами и броситься на амбразуру!

– Я принимаю вас за тех, кто всеми силами пытается избежать брачных уз. И поступает мудро. – Рейнард еще раз огляделся и вздохнул: – Тут ее точно нет.

– Откуда ты знаешь?

– Платье. В отличие от внешности, его мне описали достаточно подробно.

– И каким оно должно быть?

– Белым. С жемчугом и рюшами. Это такие оборки... – Рейнард еще раз покрутил головой и заметил, что одна из девушек, довольно смуглая брюнетка в золотисто-желтом платье, с интересом его разглядывает. Девушка была юна и прелестна, и в любое другое время граф Атгисон попросил бы кого-нибудь представить их друг другу, но сейчас он вынужден был отвернуться, не желая обнадеживать девицу. Показалось, или та презрительно фыркнула?

– Если вас так смущают плотоядные взгляды, предлагаю подышать свежим воздухом.

Рейнард уже отдергивал одну из портьер, прикрывавших маленькие балконы. Предназначались эти укромные места для пар или маленьких компаний, максимум – четверых.

– Здесь милый сад, – заметил Джон, опасно перегибаясь через перила.

– Сад? Да, вполне пригодный, – рассеянно согласился граф.

Природные красоты в данный момент волновали его меньше всего. Но внезапно он уловил внизу движение, присмотрелся, и степень его заинтересованности мгновенно возросла.

– Вот она! – воскликнул Рейнард. – То самое платье!

В этом он даже не усомнился: слишком точно каждая деталь соответствовала описаниям.

– Где?

На сей раз Джон по-настоящему рисковал свалиться в розовые кусты, что плохо повлияло бы на состояние его здоровья, равно как и на настроение местного садовника. Хорошо, если у последнего не мстительный нрав.

Рейнарду пришлось приложить некоторые усилия, дабы водрузить приятеля на место.

– Мне нравится твой порыв, но с девушкой я все-таки познакомлюсь первым. И предпочту сделать это именно сейчас, пока нас не окружила толпа сочувствующих и, того хуже, желающих поспособствовать. Простите, господа, я вынужден ненадолго вас оставить.

Господа проявили понимание и следовать за другом не стали.

Сбежав по ступенькам, Рейнард поставил бокал на серебряный поднос, услужливо протянутый невзрачного вида лакеем, и вышел в сад. На дне еще плескалось вино, но не идти же на знакомство с выпивкой, в самом деле? После духоты бала снаружи оказалось неожиданно свежо, и он на пару мгновений просто стоял, наслаждаясь ночной прохладой, после чего решительно зашагал по дорожке. Гравий хрустел под начищенными до блеска туфлями с большими квадратными пряжками – писк этого сезона. Рейнард невольно пожалел своих слуг, которым придется назавтра полировать царпины, но не идти же на бал в сапогах! На прежнем месте девушка не обнаружилась. И где она, спрашивается?

Рейнард ухмыльнулся, на миг позволив себе предательскую мысль: а может, оно и к лучшему? В конце концов, он самолично выразил желание не видеть ее как можно дольше. Если она столь предупредительно старается ему угодить – что ж, это неплохое начало семейной жизни! Он поджал губы, похлопал себя перчаткой по бедру и все-таки продолжил поиски. Раз уж решил, не дело отступать. Тем более познакомиться вот так, в саду, тет-а-тет, намного лучше, чем на балу, в присутствии неумолимых матрон и под взглядами светских зевак.

Гуляющих было мало: празднество не так давно началось, и гости еще не успели устать от громкой музыки и пустых разговоров. Одна парочка, спешившая скрыться от посторонних глаз, один седовласый джентльмен, кажется представленный графу на каком-то приеме, но имени он бы не вспомнил даже под пытками, – вот и все, кто ему

встретился. Рейнард уже решил было, что его загадочная невеста попросту вернулась в дом, и собирался последовать ее примеру, когда его внимание привлекло белое пятно между деревьями. Все-таки имелся кое-какой толк в платье, столь детально ему описанном. Будь невеста одета во что-нибудь более темное – и он бы попросту прошел мимо.

Искать подходящую тропинку граф поленился, и двинулся напрямик, сперва приминая высокую траву (в этой части сада она не была подстрижена), затем раздвигая ветки черемухи. Грозди белоснежных цветов с крохотными желтыми сердцевинками источали одуряющий аромат, отчего-то напомнивший Рейнарду о старом поместье, где он провел детство. За это он даже готов был простить растению свой фрак, перепачканный пылью.

Девушка сидела на узкой деревянной скамье, идеально выпрямив спину, но с несколько нервным выражением лица, и безжалостно комкала девственно чистые рюши своего платья. Граф давно успел заметить, что от современных молодых леди, да и от юношей тоже, требовали правильной осанки, не считая, однако же, нужным привить им то качество, которое таковой осанке способствует, а именно – чувство уверенности в себе. В итоге получался диссонанс: гордо поднятая голова у человека, боящегося встретиться с окружающими взглядом.

Рейнард все еще стряхивал с плеч прилепившиеся к фракку лепестки, когда девушка заметила его присутствие и вопросительно приподняла брови. Что ж, по меньшей мере в одном он оказался не прав: прямо посмотреть ему в глаза леди не побоялась.

– Скучаете? – галантно полюбопытствовал он, заодно рассматривая невесту.

Не красавица, но весьма приятной внешности, стройная и, что самое главное, не блондинка. Рейнард терпеть не мог блондинок.

На лице девушки отразилась напряженная работа мысли. Граф Аттисон усмехнулся, читая ее сомнения, как раскрытую книгу. Сказать «да» – нескромно, ибо может быть понято как приглашение присоединиться и развлечь. Сказать «нет» – невежливо, ибо означает по сути «ваше общество нежеланно, пойдите прочь». Пансионерки порой такие забавные. Светские львицы столь виртуозно владеют правилами этикета, что могут себе позволить нарушать их направо и

налево, удерживаясь при этом в допускаемых обществом рамках. Юные же девицы, только-только начинающие посещать балы, вынуждены соблюдать все указания наставниц до самой последней буквы. Рейнард выжидающе взглянул на собеседницу.

Та нетерпеливо повела плечом, будто и сама поняла, что чересчур много времени уделяет простейшему, в сущности, вопросу, и ответила:

– Не слишком. Я размышляю.

– Вот как? Вы позволите?

Он взглядом указал на скамью. Девушка кивнула, но, соблюдая приличия, передвинулась к противоположному краю. Рейнард сел там, где ему полагалось: смущать юную леди и нарушать ее личное пространство не входило в его планы.

– И о чем же вы размышляете? – искренне любопытствовал он.

Девушка сперва опустила глаза, видимо неуверенная, как подобающим образом ответить на такой вопрос. Но затем посмотрела на Рейнарда в упор.

– О договорных браках.

Это было неожиданно. Этикет предписывал беседу на более нейтральные темы вроде погоды. Что ж, во всяком случае, заключил граф, девушка точно знала, кто он такой. И, более того, бросала ему вызов. Рейнард ощутил азарт.

– И что же вы о них думаете?

– Что это очень дурно.

Она так и не отвела взгляда. Молодец, пансионерка! Ему даже захотелось поаплодировать невесте, но это было бы чересчур.

– А вы как полагаете? – поинтересовалась она, и по интонации можно было подумать, что разговор поддерживается сугубо абстрактный.

Рейнард рассмеялся.

– Пожалуй, я разделяю вашу точку зрения.

Забавно, но такое совпадение взглядов сближало. И ему уже не хотелось злиться на собственную семью, семью соседей по поместью и тем более на навязанную невесту. Определенно, девушка начинала ему нравиться.

– Это ведь не на короткий срок, а на всю жизнь! – принялась развивать тему она, воодушевленная нежданно полученной поддержкой. – Молодые зачастую не имеют даже возможности

познакомиться, прежде чем им сообщат о помолвке. А если они вовсе не подходят друг другу? А если им не о чем даже поговорить?

– К тому же в них может не пробудиться физическое влечение друг к другу. – Рейнард отлично понимал, сколь скользкую, даже недопустимую, тему сейчас поднимает, но не смог удержаться: уж больно интересно ему было посмотреть, как отреагирует это невинное создание. – Что тоже губительно для брака.

Щеки девушки залились румянцем, но больше ее смущение никак не проявилось.

– Вы правы, – согласилась она, вновь сменяя многострадальные оборки платья. – А уж если один из будущих супругов намного старше другого... Хорошо, когда речь может идти хотя бы об уважении, а если нет и этого? Конечно, я понимаю, в договорных браках есть определенная логика. Предполагается, что родители не только любят своих детей, но и превосходно их знают, а стало быть, представляют себе, рядом с каким человеком их чаду будет хорошо. Сами же дети недостаточно опытные. К тому же... много ли у юноши и девушки возможностей как следует познакомиться, не будучи официально помолвленными? Не исключено, что у родителей и вправду меньше шансов совершить ошибку. С другой стороны, не всегда же те, кто принимает решение, действуют исключительно в интересах будущих супругов. У их решений могут быть совершенно иные причины, например...

Девушка запнулась, подыскивая слова, и Рейнард решил ей помочь:

– Желание исправить собственное финансовое положение? Приобщиться к более знатному роду? Или... – главное он оставил напоследок, – дурацкие семейные традиции и магические клятвы, которые давно утратили всякую ценность?

Леди активно закивала.

– Вот вы меня понимаете! – воскликнула она, и в этих словах ощущался укор кому-то другому, менее понимающему.

– Вы даже не представляете себе, насколько хорошо, – заверил граф, вполне осознанно придвигаясь к ней поближе.

– Почему же? Я почти сразу догадалась, что вас тревожит та же проблема, что и меня, – сообщила девушка, то ли не замечая его маневра, то ли умышленно не подавая виду.

– Вы считаете, что это проблема?

– Конечно, вы ведь понимаете, сколько судеб сломано этими браками!

Она вновь взглянула на него, и Рейnard решился на следующий шаг.

– Надеюсь, мы с вами этого избежим, – прошептал он, кладя руку ей на затылок.

Сложная высокая прическа была очень удобна для этой цели: казалось, волосы специально уложили именно так, чтобы поверх них комфортно умещалась раскрытая ладонь с длинными пальцами. Он не настаивал, не давил, лишь самую малость задал направление. Девушка могла начисто проигнорировать его мягкие касания, но вместо этого неожиданно охотно подняла, а затем откинула голову, будто укладываясь на его крепкую руку, и сама приоткрыла рот, когда он медленно приблизился к коралловым губам.

Девушка вздрогнула, но не отступила. Губы соприкоснулись. Этот поцелуй мало напоминал те, к которым привык граф Аттисон, каковому доводилось немало общаться с женщинами. В основном, конечно, со светскими львицами, опытными и твердо знающими, чего хотят. Поцелуи с ними больше всего походили на давно наскучившее противостояние. «Ну-ка, посмотрим, кто из нас двоих лучше поднаторел в этой науке». Неопытных девушек Рейnard избегал. Впрочем, и они лишь робели и скромно опускали глаза, втайне надеясь увлечь завидного жениха. Конечно, будучи юнцом, он несколько раз целовался с объектами своих влюбленностей – смазливymi горничными или же кузинами друзей. По смутным воспоминаниям первые были слишком развязны, вторые – напряжены до предела.

Его невеста вела себя иначе. У нее, безусловно, не было опыта, но и страха она как будто не испытывала вовсе. Напротив, по собственной инициативе обвила рукой его шею и быстро делала успехи, перенимая его опыт, по ходу дела разбираясь в тонкостях этого нехитрого, в сущности, искусства.

От захлестнувшего желания у Рейnарда начала кружиться голова; тем не менее он взял себя в руки и вовремя остановился, отлично понимая, что можно себе позволить во время такой вот встречи в саду, а что совершенно недопустимо. И все-таки надо было прийти на свидание с вином, причем не с одним бокалом, а с двумя. Он даже

подумал, не попросить ли девушку немного подождать, но тут со стороны тропинки послышался негромкий шум голосов.

Дама и тут его удивила. Вместо того чтобы с воплем броситься прочь из страха быть застигнутой, она просто встала, оправила платье и спокойно, не оглядываясь, с достоинством направилась в сторону здания. Естественно, повстречалась на тропинке с неожиданно нагрянувшими гостями, раскланялась и столь же чинно проследовала дальше. Словно просто прогуливалась леди по парку, а если на скамье под черемухами сидит какой-то джентльмен, то это никоим образом ее не касается.

Рейнард одобрительно покивал, выждал некоторое время и лишь затем тоже зашагал к двери, за которой поджидал вездесущий лакей. У них с невестой еще будет на этом балу достаточно возможностей поговорить.

В зал он возвратился в прекрасном расположении духа. Благосклонно принял бокал игристого вина, поданный очередным лакеем, пригубил и благодушно кивнул разыскавшим его друзьям.

– Как прошло свидание с невестой?

– Ну же, не томи! Мы все в нетерпении!

Джон буквально подпрыгивал на месте.

– Превосходно, – откликнулся Рейнард и не отказал себе в удовольствии сделать еще глоток. – Намного лучше, чем можно было ожидать.

– Так это же здорово! Ох, и погуляем скоро на свадьбе! – Освальд потер ладони в предвкушении.

– За это надо выпить! – суммировал Джон и, поскольку был человеком действия, тут же принялся искать глазами лакея. – Эй, любезный!

Граф наблюдал за суетой своих спутников с благосклонностью человека, пребывающего в хорошем расположении духа. Вскоре он увидел и свою невесту: она присоединилась к другим пансионеркам и их наставницам. Белое платье определенно было ей к лицу, даже несмотря на свою излишнюю помпезность (не иначе, постарались любящие родители).

Амелия

Своего жениха я узнала сразу – он был точной копией своего отца, упокой Господи его душу. Граф Аттисон вошел в зал в сопровождении двух джентльменов, вероятно, друзей. Судя по надменным выражениям лиц, все трое испытывали недовольство тем, что были вынуждены прийти на бал.

Я закатила глаза: неужели ему понадобилась столь весомая поддержка для встречи с невестой?

Хотя, заметив несколько пристальных взглядов почтенных матрон, следивших за вошедшими, точно коршуны за цыпленком, я невольно прониклась к мужчинам сочувствием.

Но тут же прогнала жалость прочь. Сами виноваты, нечего было являться на бал, который именуется не иначе как «ярмарка невест». Ну, с моим-то женихом все понятно, а вот остальные могли бы и поостеречься.

Погруженная в свои мысли, я упустила момент, когда троица скрылась из виду. Скосив глаза на наставницу, сопровождавшую нас, я убедилась, что она всю кокетничает с подвернувшимся кавалером. После чего я поспешила юркнуть между танцующими парами, чтобы скрыться из-под ока, ослабившего свою бдительность. Но далеко уйти не удалось – прозвучала команда о смене партнеров, и какой-то предприимчивый молодой человек подхватил меня за талию и увлек в круг танцующих.

Отказ мог спровоцировать скандал, потому пришлось закружиться с незнакомым мужчиной в танце. Впрочем, не стоит кривить душой: я всегда любила танцевать, отдавая предпочтение недавно вошедшим в моду вальсам, которые старшее поколение считало верхом неприличия. Вообще-то по правилам мне следовало заручиться разрешением наставниц пансиона, но для этого надо было их искать, чего мне делать не хотелось.

Танец закончился, но не успела я раскланяться с этим партнером, как ко мне сразу же подскочил другой. Я хотела отказать, но по первым аккордам поняла, что сейчас будет именно вальс, и согласилась. В конце концов, мой жених мог и подождать, ждал же он как-то все эти годы?

За вальсом последовала кадрили, которую я тоже ну никак не могла пропустить, хотя настроение все-таки испортилось: партнер то и дело наступал мне на ноги и все норовил столкнуться с другими

парами. Потому уже на середине танца я пожаловалась на усталость. Молодой человек незамедлительно отвел меня к одному из диванчиков, расставленных у стен, и направился за лимонадом. Дождаться его я не стала.

Убедившись, что мужчина скрылся в толпе в поисках лакея, разносившего напитки, я быстро встала и поспешила совершенно в другую сторону, зорко оглядываясь по сторонам. Моего нареченного нигде не было видно. Похоже, граф Аттисон просто струсил.

Я не успела обдумать, радоваться или же печалиться этому факту, когда вдруг буквально столкнулась с ним в дверях. Вернее, почти столкнулась: как и положено благовоспитанному джентльмену, граф своевременно отступил, пропуская даму.

– А, вы не ушли! – воскликнула я с удивлением.

Довольная улыбка исчезла с лица жениха, и он изумленно взглянул на меня:

– Простите?

Я вздохнула:

– Я надеялась, что вы... впрочем, это уже неважно.

– Вы так хотели, чтобы я ушел с этого бала? – Граф не пожелал оставить мои слова без внимания, но выглядел озадаченным.

Я пожала плечами:

– Признаться, мне хотелось бы, чтобы вы вообще на него не приходили.

– Почему? – Он нахмурился.

– Потому что вы слишком стары для меня, – спокойно пояснила я.

Выражение, промелькнувшее на лице моего жениха, было непередаваемым. Впрочем, он достаточно быстро взял себя в руки.

– Простите, юная леди, мы с вами вообще знакомы?

– Конечно! – фыркнула я. – Уже очень много лет!

– Много лет? – Легкое недоумение на лице графа сменилось абсолютным непониманием. Таким он определенно нравился мне больше! – Простите, но... я что-то не припомню...

– Ну как же! – Я всплеснула руками. – Я – Амелия де Кресси! Ваша невеста, которую вы предпочли забыть на долгих семнадцать лет!

Это было уже верхом неприличия. Следовало найти кого-то, кто бы мог нас представить друг другу, но никого не было. И я, рассудив,

что помолвка, состоявшаяся семнадцать лет назад, вполне сойдет за официальное знакомство, решила воспользоваться правами старого друга.

– Амелия де Кресси? – повторил он. – Но...

– Да, я слегка изменилась! – подтвердила я, искренне наслаждаясь эффектом, произведенным моими словами. – Но... сами виноваты – надо было лучше следить за невестой!

Глаза графа сузились, он вдруг очень внимательно оглядел меня, недвусмысленно остановив взгляд на достаточно глубоком вырезе платья.

– И почему вы в желтом?

– Вас это смущает?

– Конечно! Граф и графиня де Кресси уверили меня, что на балу их дочь будет одета в белоснежное платье, и достаточно подробно мне его описали!

– Ах, вам описали платье... Но не описали саму невесту... И у вас не промелькнуло мысли, что я могла попросту передумать?

Жених смерил меня холодным взглядом.

– Скорее я поверю в то, что вы – авантюристка, узнавшая о моей помолвке и пытающаяся ей помешать, – отчеканил он сквозь зубы.

– Авантюристка?!

Я даже задохнулась от такой наглости. Голос сорвался на визг, и пришлось замолчать, опасаясь привлечь ненужное внимание. И без того мы стояли около дверей достаточно долго.

– Именно, – насмешливо кивнул граф. – Не поверите, но я слишком давно хожу в холостяках, и мне прекрасно известны расценки на подобные... розыгрыши.

– Розыгрыши? – глупо переспросила я.

– Конечно. Интересно, кто вас сюда привел и сколько заплатил, чтобы вы попытались соблазнить меня, прикинувшись Амелией де Кресси?

Мужчина криво улыбнулся, и я покраснела, моментально сообразив, за кого он меня принял.

– Что вы себе позволяете? – гневно выдохнула я. – Не умеете вести себя как джентльмен?

– Напротив, именно как джентльмен я пока и поступаю. Но у вас не промелькнуло мысли, что я могу сменить линию поведения? К

примеру, выпороть вас как следует, поскольку вы явно того заслуживаете.

Степень моего возмущения достигла предела, и я неожиданно почувствовала себя спокойнее.

– О да, я слышала, что некоторые мужчины любят такие развлечения. Говорят, это свидетельствует о глубокой травме, полученной в детстве. Рекомендую вам сходить к психоаналитику. Знаете, это как раз входит в моду.

– Вижу, вы прекрасно разбираетесь в подобной моде? – язвительно поинтересовался граф Аттисон. – Наверное, сказывается опыт?

Я с трудом подавила вспышку ярости.

– Возможно, мне действительно стоит приобрести некоторый опыт, милорд, чтобы оправдать ваши ожидания! И не думайте, что я стану хвалить ваши глупые стихи, когда вы их напишете!

Не дожидаясь ответа, я гордо прошествовала в соседний зал, где были накрыты столы с закусками и лимонадом.

* * *

Дерзкая девчонка ушла, а Рейнард все стоял неподалеку от двери, не зная, что и думать. Слишком уж напористо вела себя эта авантюристка, словно была права. Он опомнился, лишь когда Джон подошел и хлопнул его по плечу.

– Рейнард, дружище! Представляешь, какая со мной приключилась оказия? – Волосы приятеля были слегка взъерошены, а дыхание сбилось от быстрых движений. – Я танцевал с девушкой, которая назвалась Амелией де Кресси.

– Когда это было? – поинтересовался Рейнард, уже подозревая неладное.

– Когда играли вальс.

– Этого не может быть. Когда играли вальс, я... разговаривал со своей невестой в саду! И это определенно была девушка в белом платье, которое мне описали!

– Но девушка, с которой я танцевал, представилась как леди Амелия де Кресси, и она была в желтом платье. И если в это время ты

с Амелией де Кресси был в саду, выходит, у тебя целых две невесты?

– Или кто-то решил подшутить! – Рейнард невольно поискал взглядом юную авантюристку, но девушка как в воду канула, что и неудивительно: наверняка она испугалась разоблачения.

– Да кому это нужно? – фыркнул Джон. – Теперь вот, вместо того чтобы ехать к Ватто, мы будем вынуждены задержаться, чтобы понять, какая из леди твоя настоящая невеста! Хотя... – Друг хохотнул. – Ты вполне можешь обзавестись гаремом!

Вместо ответа граф Аттисон крепко схватил за плечо стоявшего поблизости лакея. От неожиданности слуга уронил пустой поднос, который с грохотом упал на пол, перекрывая музыку.

Гости начали недовольно оглядываться. Рейнард поморщился, понимая, что теперь слухов не избежать. Впрочем, его это не остановило.

– Видишь ту пансионерку? – спросил слугу граф, указывая на девушку в белом платье, которая как раз появилась в зале.

Лакей испуганно закивал, одновременно кривясь от боли: хватку Рейнарда до сих пор не ослабил, хотя отчета себе в этом не отдавал.

– Немедленно пойд и узнай ее имя. Только так, чтобы никто не догадался, для кого ты это делаешь.

– А для кого я это делаю? – оживился слуга.

– Для меня. Ты все понял?

– Да, милорд.

Если у лакея и были сомнения, то после двух золотых они полностью испарились.

– Хорошо. Иди.

Рейнард наконец-то отпустил плечо бедолаги, и тот поспешил на поиски распорядителя. Обнаружив последнего у дверей, лакей что-то зашептал ему на ухо, указывая на столпившихся у колонны пансионеров. Золотая монета переключалась в карман распорядителя, тот словно невзначай подошел к девушкам и вскоре вернулся, после чего слуга поспешил к Рейнарду.

– Юную леди в белом зовут Мейбл Фэйтон, – доложил он. Говорил услужливо, но соблюдал дистанцию в пару шагов, предпочитая держаться на расстоянии от сердитого аристократа. – Незамужняя девица, обучается в пансионе Святой Матильды. Помолвлена с мистером Томасом Годфри.

– Ступай. – Рейнард опустил в ладонь лакея еще одну золотую монету. – И забери эту гадость! – поморщился он, ставя на поднос недопитый бокал. – Лучше принеси чего-нибудь покрепче.

Лишь после того, как слуга удалился, граф позволил себе поправить узел ставшего слишком тугим галстука. Выходит, что темноволосая девица, с которой он столкнулся в дверях...

Граф Аттисон тяжело вздохнул. Как он мог так опростоволоситься? Неужели в саду... Но платье, черт побери, платье, детально описанное в письме! Интересно, подумал ли кто-нибудь, что невеста просто не захочет его надевать? Конечно, это было странно для юной девушки. Хотя, признаться, желтое шло леди де Кресси гораздо больше. В нем она напоминала экзотический цветок. И, судя по всему, этот цветок жаждал свадьбы ровно так же сильно, как и сам граф Аттисон.

Любопытно, а сама Амелия знает о магической клятве? И что будет, если эта Мейбл Фэйтон расскажет подруге о поцелуе? Девушки ведь любят поболтать о таких вещах.

Вспомнив полыхавшие гневом темные глаза неузнанной невесты, Рейнард криво усмехнулся и повернулся к Джону, который стоял рядом и все прекрасно слышал.

– Постой, как такое может быть? – недоуменно переспросил тот.

– Джон, у тебя есть сестры. Неужели они никогда не менялись платьями?

– Одной семнадцать, второй – девять, – проинформировал приятель. – И когда Стасси пытается взять вещи Джейн, в доме начинается скандал.

– Даже так? Сочувствую.

– Мы все привыкли. Но давай вернемся к твоим невестам. Выходит, что в саду ты говорил с Мейбл Фэйтон?

– Да. – Рейнард не сводил взгляда с девушки в белом. – Более того, похоже, самой Амелии де Кресси я заявил, что она авантюристка.

– Погоди, в карете ты говорил, что невеста – твоя соседка. Ты что, не знал, как она выглядит?

– Соседка по поместью, – поправил Рейнард, уже не зная: злиться или смеяться. Слишком уж комичной выглядела вся эта ситуация со стороны. – Мы виделись один-единственный раз в жизни, на ее

крестинах. Она была розовощеким лысым младенцем и с той поры достаточно сильно изменилась!

– И тебе никогда не присылали ее портретов?

– Скажем так, я и сам не жаждал их получить. Более того, до смерти отца я и вовсе предпочел забыть, что помолвлен, пока тот на смертном одре не потребовал от меня исполнить свой долг и не замарать честь семьи. И вынудил дать магическую клятву.

– Ну если все было так, как ты рассказываешь, мой друг, тогда ты сильно влип! – постановил Джон. – К тому же из-за этой путаницы ты выглядишь как полный дурак, который даже не знает, на ком собрался жениться!

Рейнард одарил друга самым мрачным из своих взглядов. То, что он выставил себя идиотом перед товарищами, было как раз мелочью. Много хуже то, что он выставил себя идиотом перед самим собой. С этим смириться было значительно сложнее. С невестой тоже вышло, мягко говоря, неловко.

Хотя она сама хороша, изрядно его спровоцировала, и все же нельзя забывать про годы, которые она столь дерзко упомянула. В его возрасте, с его опытом следовало бы вести себя более уравновешенно.

К тому же леди Фэйтон в провокационном поведении никак не обвинишь. Ну разве что в том, что девушка надела платье точь-в-точь как у подруги. И выходило, что с ней он поступил недостойно. Граф Рейнард Аттисон не был святошей, и его не слишком пугали недостойные поступки, в особенности если они были в интересах государства. Но неприемлемое обхождение с юной беззащитной девушкой, которая к тому же столь безотчетно ему доверилась, оставляло в душе премерзкий осадок. Придется найти эту пансионерку в белом платье и, по крайней мере, извиниться.

И все-таки как это произошло? Ведь дело было не только в платье: они даже заговорили об одном и том же! И именно она первая подняла тему договорных браков...

Лорд Аттисон только сейчас заметил пожилого седовласого мужчину, сидящего в удобном кресле в компании пансионерок и их наставниц и в данный момент о чем-то беседовавшего с леди Фэйтон. Лицо последней казалось таким же белым, как ее наряд.

Мейбл

Сердце безумно колотилось, когда я поднималась по широким ступеням, и это было отнюдь не результатом быстрой ходьбы. При воспоминании о поцелуе с незнакомцем на губах сама собой расцветала глупая улыбка, а в теле возникало чувство, донельзя напоминающее те самые идиотские бабочки в животе, о которых так любят писать в дамских романах.

Я отлично понимала, что вела себя недопустимо. Да что там, в моем представлении я просто-напросто пустилась во все тяжкие. Но, учитывая то, что меня ожидало, когда еще было познавать острые ощущения, как не теперь?

Безрадостное будущее, увы, предстало передо мной, стоило лишь войти в празднично украшенный зал, где на паркете кружились танцующие пары.

– Мейбл! – Лизетта подбежала ко мне и потянула за рукав. – Где ты была, тебя уже обыскались!

– Вышла подышать свежим воздухом, – сказал я полуправду, прекрасно отдавая себе отчет, что даже лучшей подруге не стоит сообщать о моем безрассудном поведении в саду.

Впрочем, поговорить нам не дали. Мисс Маргарет незамедлительно подхватила меня под руку, что-то бурча о моей безответственности и о том, что нельзя было отдаляться от остальных в столь важный момент.

Еще несколько наставниц наградили меня укоризненными взглядами. Девушки в ажиотаже перешептывались, то и дело постреливая глазками в мою сторону, кто сочувственно, а кто с насмешкой. Амелия смотрела хмуро. В ее глазах читалось сочувствие. Мисс Маргарет подвела меня к одной из ниш, пансионерки расступились, и я наконец получила возможность встретиться со своим женихом лицом к лицу.

Я не ошиблась: мистер Годфри действительно годился мне в деды. Совершенно седой, обрюзгший, с многочисленными морщинами, в особенности на лбу и вокруг рта. Уголки губ чуть-чуть изогнуты книзу, будто их обладатель вечно чем-то недоволен, а глаза смотрят остро, оценивающе, как и положено богатому торговцу. Чувствуя себя очередным товаром, который вознамерились купить, я присела в реверансе.

– Мистер Годфри, позвольте представить вам леди Мейбл Фэйтон, – торжественно произнесла мадам Клодиль, наша директриса.

– Очень рад, очень рад, – покивал жених, разглядывавший меня довольно-таки бесцеремонно.

– Я тоже рада знакомству, – не краснея, солгала я и повторила реверанс.

– Надеюсь, вы простите меня, что я не встаю. Проблемы с позвоночником, знаете ли. Очень болит спина.

«Это же прекрасно!» – чуть было не воскликнула я. Появился реальный шанс, что с меня не станут требовать супружеский долг.

– Какая жалость! – посетовала я вслух. – Должно быть, это очень мучительно?

– Только временами, – «успокоил» меня жених. – Следствие нескольких часов, проведенных в карете. Обычно я в значительно лучшей форме. Видите, дорогая, как многим я пожертвовал, чтобы иметь счастье вас лицезреть!

Я опустила глаза. Кажется, мой оптимизм был преждевременным.

– Она ничего, хорошенькая.

Мистер Годфри степенно выдал такую оценку моей внешности, обращаясь главным образом к наставницам. Те закивали, улыбаясь, и только мисс Уэлси незаметно для большинства возвела очи к потолку.

– Благодарю вас, сэра, – вежливо сказала я.

– Признаться, я не уверен, хорошо это или плохо. – Жених по-прежнему обращался в первую очередь к преподавательницам, хотя, по-моему, ему вообще нравилось разглагольствовать, привлекая всеобщее внимание. – Приятная внешность для женщины – это еще далеко не все. С годами красота увядает. А главное, она отвлекает внимание от более важных вещей.

– И каковы же эти более важные вещи? – любезно осведомилась я, мельком перехватив сочувственный взгляд Лизетты.

– Прежде всего забота о детях, конечно же, – с важным видом ответил мистер Годфри.

Я впервые пожалела о нехватке стульев. То есть он еще и ребенка заводить планирует? Сам по себе этот факт меня бы не смущал, но... Он же планирует заводить ребенка со мной?

От одной только мысли, что этот старик будет лежать со мной в постели, к горлу подступила тошнота.

– Затем ведение дома, пригляд за слугами, вышивание и шитье, – жених начал загибать толстые, одутловатые пальцы. Представив, как они касаются меня, я невольно вздрогнула и отвела взгляд.

– О, мистер Годфри, тут вы можете не сомневаться: леди Фэйтон владеет всеми нужными навыками в совершенстве! – воодушевленно заверила мисс Маргарет. – Она одна из лучших учениц нашего пансиона. Лучших во всем.

Заметив заинтересованность в блеклых глазах, я впила ногтями в ладонь, мысленно проклиная болтливую наставницу. Удивительно, но Амелия скрежетнула зубами, словно читая мои мысли.

– Это похвально, похвально, – кивнул жених, делая комплимент то ли мне, то ли пансиону, готовящему таких правильных жен.

Я прикрыла глаза, стараясь совладать со своими чувствами. Где там этот незнакомец из сада? Кажется, я готова отдаться ему в каком-нибудь темном углу. Во-первых, обзаведусь хоть какими-то яркими воспоминаниями, а во-вторых, стану совершенно неприемлемой женой в представлении мистера Годфри. Он, конечно, об этом не узнает, но сей факт все равно будет согревать мне душу долгими зимними вечерами...

Мысли о незнакомце заставили меня абстрагироваться от неприглядной действительности. Я даже повертела головой, гадая, здесь ли он или же предпочел уехать. Думаю, этот мужчина был редким гостем на балах, предпочитая, скорее, клубы и игорные дома. Лизетта ткнула меня локтем в бок, и я вновь прислушалась к словам жениха.

– Мне также важны в будущей жене послушание и покорность... – перечислял он. Наставницы с умным видом благодушно кивали в ответ.

– Мистер Годфри, скажите, пожалуйста, а у вас есть собаки? – вдруг вмешалась Амелия, игнорируя суровые взгляды.

Мадам Клодиль неодобрительно поджала губы.

– Конечно, у меня имеется псарня, – последовал ответ. – Однако, по моему убеждению, молодым девушкам не пристало вступать в разговор, прежде чем к ним обратятся. А интерес к собакам и лошадям должен быть присущ мужчинам.

– Неужели? – ангельским голоском пропела моя соседка по комнате. – И вы, наверное, для своей псарни ищете самых лучших

собак, верно?

– Леди де Кресси! – прошипела директриса, но нарушительница спокойствия лишь повела плечом, не обращая на суровую наставницу особого внимания.

– Разумеется, моя дорогая! Ведь и собакам, и лошадям, и женщинам нужна твердая рука. Иногда пряник, а иногда и кнут, – снисходительно пояснил мистер Годфри.

Рядом с моей соседкой по комнате он напоминал добродушного дедушку, поучающего внучку.

– А, мне все понятно, вы из тех модных нынче мужчин... – кивнула Амелия, предоставив свидетелям разговора самостоятельно додумывать, что именно ей было понятно.

У меня не оставалось моральных сил на то, чтобы держать лицо, и я устало переступила с ноги на ногу. Но как-то поддерживать беседу было необходимо, и я светским тоном поинтересовалась:

– А вы, милорд, любите животных?

– Безусловно. Если они породисты и хорошо выдрессированы.

Я едва не застонала в голос. Проведенная Амелией аналогия была оправданна: этот человек и от жен явно ожидал тех же самых качеств. Кажется, мне все-таки придется просить у мисс Уэлси предложенный порошок...

– Вы позволите пригласить вашу даму?

Со всех сторон послышался шепот: «Рейнард Аттисон! Это граф Аттисон! Родственник самого короля!» Странно, но Амелия нахмурилась и поспешила отойти, делая вид, что ее заинтересовала лепнина на колонне.

Я же вцепилась в знакомый голос, как в спасительный канат, и резко вскинула голову. Незнакомец из сада стоял подле нас, вытянув ладонь, будто уже готовый взять меня за руку, чтобы сопроводить в центр зала, к другим танцующим. По его чуть насмешливому и не вполне дружелюбному взгляду, направленному на моего жениха, я поняла: граф сумел правильно оценить ситуацию. Впрочем, что тут удивительного? Здесь, на балу, мы все были как на ладони.

Лорд Годфри явно не ожидал такого поворота и не пришел от него в восторг. Однако и отказать настойчивой просьбе столь знатного вельможи, родственника самого короля, не решился.

– Да, конечно. Я уверен, что с вами моя невеста будет в надежных руках, – в своем устаревшем стиле ответил он.

– Если леди не возражает.

Рейнард перевел взгляд на меня, и на этот раз в его глазах действительно читался вопрос. Если мужчину он просто ставил перед фактом, то у дамы все же просил разрешения.

– Не возражаю, – поспешила принять приглашение я.

Все что угодно, лишь бы прервать попытку общения с будущим супругом, пусть даже всего на несколько минут. К тому же, что скрывать, мне нравился молодой граф. Нравился значительно сильнее, чем это допустимо для без пяти минут замужней дамы. Я ощутила приятное волнение от прикосновения к его руке, и вскоре мы дополнили ряды танцующих.

Какое-то время мы двигались в молчании, прислушиваясь исключительно к игре нашего городского оркестра. Весьма недурного, кстати сказать.

– Я должен принести вам свои извинения, – прервал наконец молчание Рейнард. – Мое поведение в саду было недопустимо.

Кажется, это признание далось ему нелегко, но говорил он четко и взгляда не отводил.

– Умоляю, не добавляйте, что вы сожалеете, – попросила я. – Иначе мне только и останется, что выброситься из окна.

Не знаю, откуда родилась эта фраза про окно; подозреваю, что все дело во Флоре и ее недавней попытке сдать курсовую работу.

– О нет, я совсем не то имел в виду, – улыбнулся граф. Хорошо так улыбнулся: вроде бы иронично, но одновременно тепло. – Я ни в коем случае не сожалею в том смысле, на который намекаете вы, и был бы счастлив продолжить знакомство. Просто учитывая то положение, в котором мы с вами оказались, это не представляется возможным, поэтому мой поступок, конечно же, никуда не годится.

– Бросьте, граф. – Я ответила ему аналогичной улыбкой. – Мы с вами поступили в равной степени дурно. Но ведь об этом никому не известно, верно? Поэтому я предлагаю оставить извинения и сохранить об этом вечере приятные воспоминания. Вряд ли у меня будет возможность обзавестись другими.

– Вы – удивительная.

Я заливисто рассмеялась.

– И этот комплимент я тоже запомню.

И почему в обществе этого мужчины нужные слова так легко слетают с языка? Я чувствовала себя сейчас воздушной и изящной, почти невесомой.

– В таком случае позвольте мне стать совсем уж несносным и дать вам один совет?

– Не только позволю, но и постараюсь ему последовать!

Я неспешно, как того требовала музыка, обошла вокруг партнера, затем присела напротив него в реверансе. Граф, как и полагалось на этом этапе, ответил мне поклоном, затем элегантно поднял руку, и я, распрямившись, вложила в нее кончики своих пальцев.

– Вы не должны так сильно переживать из-за свадьбы, – облек свою рекомендацию в слова Рейнарда. – Возможно, мне не следует говорить этого напрямую. Но вы ведь не обидитесь, услышав, что ваш жених едва ли проживет слишком долго. С учетом его возраста, состояния здоровья и не самого правильного образа жизни. Поверьте, леди Фэйтон, я неплохой знаток светской жизни. Самые счастливые женщины при дворе – это вдовы. Буквально лет через пять вы будете очаровательной и богатой вдовой, на пике своей красоты и привлекательности, да к тому еще и с багажом жизненного опыта. Вы станете блистать на балах и светских раутах, предадитесь тому занятию, которое придется вам по вкусу и не вложите ни фартинга в проекты, которые, напротив, не пробудят в вас ни малейшего интереса. Насыщенная светская жизнь, отдых на водах, мужское внимание, танцы, свобода. Вам будут завидовать решительно все. Я и сам с большой радостью возобновил бы наше знакомство. Но, увы, к тому времени я уже буду занудным тридцатипятилетним стариком, с которым вам будет откровенно скучно.

Я снова рассмеялась. Наступила очередь Рейнарда шагать вокруг меня.

– Я уверена, что вы никогда не станете скучным, пусть даже вам исполнятся все восемьдесят. А так ли радужны мои перспективы, как вы изволили описать... Что ж, проживем – увидим.

Граф прильнул ко мне ближе, благо сейчас танец это позволил, и тихо добавил:

– В случае, если супруг надумает слишком долго задержаться на этом свете и станет при этом портить вам кровь, вы всегда можете ко

мне обратиться. Дуэлей пока никто не отменял.

Я спешно закачала головой, наверное, слишком испуганно для шутивого, в сущности, предложения.

– Хорошо. Но поскольку я все-таки чувствую себя виноватым, то во искупление вины сегодня обеспечу вам возможность полноценно наслаждаться праздником, – пообещал Рейнард, когда танец близился к завершению.

– Буду весьма вам благодарна, – улыбнулась я, не имея ни малейшего представления о том, каким образом он собирается сдержать обещание.

Я не могла знать, что, едва закончится танец, и кавалер, как того требуют приличия, проводит даму к стульям, граф Аттисон призовет своих друзей и строго-настрою им накажет ангажировать леди Фэйтон, всячески ее развлекать и, самое главное, не позволить ей умереть со скуки «в обществе вон того дедули».

В итоге я прекрасно провела время, но прежде мое настроение подпортил краткий обмен репликами с Лизеттой.

– Мейбл, ты такая смелая! – зашептала мне на ухо она, едва я возвратилась после первого танца.

– Чтобы сбежать от мистера Годфри, особой смелости не надо, – возразила я. – К тому же он самолично дал разрешение, так что и пенять может только на себя.

– Я даже не об этом.

– А о чем же? – спросила я в недоумении.

– Как? Разве ты не знаешь? Граф Рейнард Аттисон помолвлен с Амелией де Кресси, ну, этой твоей странной соседкой по комнате!

Музыка как будто зазвучала тише, и люстры стали давать меньше света, чем всего минуту назад. Но я заставила себя расправить плечи, высоко подняла голову и следующего партнера по танцу встретила во всеоружии.

Глава 3

Побег

Амелия

Никогда не думала, что бал может быть таким... таким гадким. Пожалуй, «гадким» было даже очень мягко сказано. И дело вовсе не в Рейнарде Аттисоне. Вернее, не только в нем. Ну хорошо, на самом деле именно в нем. Ибо, скажите на милость, как можно ехать знакомиться с невестой, имея лишь описание платья? Прекрасный же мне достанется муж. Интересно, а в спальне он будет искать меня по описанию сорочки?

Теперь мне стали понятны легенды, где во время брачной ночи госпожу заменяет служанка, а жених не замечает подмены. Похоже, граф Аттисон не заметит, даже если я в сорочку обряжу бегемота.

А ведь был еще этот гадкий Годфри. Вот уж кому действительно не повезло с браком, так это Мейбл. Жирный самодовольный старик, что может быть хуже? Он смотрел на мою соседку так, что мне очень хотелось повторить несколько слов, которые я иногда слышала от деревенских ребят. Но воспитание все-таки не позволяло использовать эти знания.

Потому я просто мученически терпела.

Конечно, я танцевала, но делала это без удовольствия. Краем глаза заметила, что Рейнард почему-то танцует с Мейбл. Бедолага явно зациклился на платье.

Я вздохнула и поспешила принять очередное приглашение на танец. По окончании партнер проводил меня к соученицам и отправился на поиски лимонада. Видя, что граф Аттисон вместе с Мейбл направляются к нашей компании, я поспешила затеряться в толпе, не желая портить себе настроение еще сильнее.

Как только часы пробили полночь, нас заставили спуститься в холл и вновь рассадили по каретам.

– Еще бы туфли проверили, вдруг кто-то оставил на лестнице, принцу на радость, – пробормотала я, когда одна из наставниц заглянула в экипаж, желая убедиться, что все мы на своих местах.

– Уж тебе-то грех жаловаться! – фыркнула Лизетта.

Еще одна выскочка. Я уже открыла рот, чтобы отчитать зазнайку, когда Мейбл предупредительно подняла руку:

– Пожалуйста, у меня очень болит голова!

Она действительно выглядела крайне расстроенной, и я, невольно сочувствуя соседке, не стала спорить с Лизеттой. Впрочем, та тоже с жалостью посмотрела на подругу.

– Он очень старый... – тихо сказала Лизетта.

– И что? Думаешь, очокурится сразу после свадьбы? – фыркнула я. – Судя по его виду, старикашка проживет еще достаточно долго, чтобы сделать жизнь своей жены невыносимой!

Лизетта ощутимо двинула меня локтем в бок.

– Думай, что говоришь! – по-змеиному прошипела она, указывая глазами на Мейбл.

– А что, все ваши уверения, что старик долго не протянет, лучше? Между прочим, две жены он уже похоронил, Мейбл – третья!

– Ты это к чему? – соседка по комнате вынырнула из своих мыслей.

– К тому, что этот старикан может пережить нас всех... и потом, это его желание завести наследника...

Мейбл вздрогнула и отвернулась, делая вид, что всматривается в мелькавшие за стеклом огни уличных фонарей. Лизетта зло сверкнула глазами, я прикусила губу, размышляя, чем помочь соседке по комнате. Не то чтобы мне было так уж сильно ее жалко, но все же мы оказались некоторым образом товарищами по несчастью.

С этими мыслями я и вышла из кареты, выслушала очередную отповедь по поводу своих манер от мадам Клодиль и наконец направилась в свою комнату.

Мейбл уже лежала в постели, отвернувшись к стене, и делала вид, что спит. Я не стала окликать ее, быстро разделась и юркнула в собственную кровать. Потушила свет и еще долго всматривалась в темноту ночи, думая, что же нам всем делать.

Утренние занятия начались на час позже обычного. Позевывая, воспитанницы собирались в классе. Стараясь избегать сочувствующих взглядов, Мейбл заняла самое дальнее место, у окна. Я же предпочла присесть ближе к преподавательскому столу.

Словно в насмешку, сегодня занятия начинались как раз с урока мисс Клавдии – высокой сухопарой матроны, которая учила нас, что жена должна угождать всем желаниям мужа. При слове «всем» наставница мечтательно закатывала глаза, отчего мы дружно хихикали. Сегодняшнее занятие не стало исключением.

– Доброе утро, леди, – поздоровалась учительница, входя в класс.

– Доброе утро, – нестройным хором отозвались мы.

Мисс Клавдия довольно улыбнулась.

– Как я понимаю, вчера вы весело провели время, а некоторые из вас познакомились с будущими спутниками жизни?

Выпученные глаза остановились на мне, затем учительница перевела взгляд на Мейбл. Та послушно кивнула, а я, пользуясь тем, что все внимание приковано к соседке, фыркнула. Но тут же приняла самый одухотворенный вид: закатила глаза и оскалила зубы, изображая счастливую невесту.

Мисс Клавдия вновь посмотрела на меня и вздрогнула. Ее рука сама потянулась вверх – сотворить оберегающий знак. Но наставница тут же спохватилась и сделала вид, что поправляет прядь волос, выбившуюся из тугого узла на затылке.

– Итак, девушки, – произнесла она. – Сегодня мы побеседуем о спальне. А именно о том, что необходимо говорить супругу в столь интимной обстановке, в особенности в самую первую ночь. Да, мисс Трудей?

– А как мы узнаем, что настал момент говорить? – прогнусавила толстушка, сидевшая в первых рядах.

Насколько я знала, у нее были не слишком состоятельные родители, которые просто выбивались из сил, чтобы их дочь училась в пансионе и в результате удачно вышла замуж.

– Не волнуйтесь, вы его не пропустите хотя бы потому, что ваш супруг будет полуодет... – Мисс Клавдия мечтательно закатила глаза, чем заслужила еще несколько сдавленных смешков. Она тут же поправила очки на переносице и продолжила более громко: – Итак, запомните, а еще лучше – запишите. Мужчины – существа с тонкой душевной организацией, их успехи напрямую зависят от одобрения окружающих, посему их необходимо хвалить! При этом ваша похвала должна быть неординарной, чтобы супруг считал, что вы говорите

совершенно искренне. Итак, задание: придумать похвалу. Кто первый? Мисс Элли?

Кукольная блондинка вскинула изумленные глаза на учительницу.

– Я... я не знаю, – пропела она. – Вчера нам говорили про длину...

– Длину чего? – мисс Клавдия слегка покраснела, а девочки снова захихикали.

– Стиха...

– Поэзия – это прекрасно, и, возможно, ваш супруг продекламирует вам в спальне какие-нибудь вирши. Но я советую вам похвалить его генофонд, – подсказала мисс Клавдия, нетерпеливо поглядывая на ученицу. – Попробуйте!

Элли взмахнула ресницами, имитируя восторг:

– Какой у вас длин... огромный генофонд?

Смешки сменились откровенным хихиканьем.

– Уже лучше, – вздохнула мисс Клавдия, махнув рукой. – Садитесь.

– А генофонд не мешает исполнению супружеского долга? – спросил кто-то за спиной (оборачиваться я не стала, чтобы не привлекать внимания наставницы, а то еще заставит придумывать эпитеты к слову «генофонд»).

– Не думаю, – отозвалась учительница.

– А что мешает? – вдруг спросила Мейбл.

Она повернулась и с какой-то обреченностью взглянула на преподавательницу. Взгляд последней слегка смягчился.

– Самое главное: ни в коем случае не упоминайте головную боль. Мужчины этого не любят. В вашем случае, моя дорогая, я бы ссылалась на астрологические прогнозы. Например, вы могли бы объяснить супругу, что Дева находится в седьмом доме Стрельца, а это не лучший месяц для зачатия, ибо велика вероятность рождения нездорового ребенка или – еще хуже – девочки!

– В случае с Мейбл, сколько бы Дева ни бродила по домам, вероятность рождения ребенка очень мала. Но у старикана все равно разыграет желание продемонстрировать генофонд... – фыркнула я. – И тогда Деве останется полный Стрелец!

– Леди де Кресси! – строго одернула меня наставница.

Я послушно встала.

– Мисс Клавдия?

– С чего вы делаете такие выводы? – учительница посмотрела на меня поверх очков.

– Если бы вы видели этого Годфри... не думаю, что какая-то Дева, особенно если она в седьмом доме, сможет остановить этого борова!

– Вам не стоит так отзываться о мистере Годфри! – строго одернула меня наставница.

Я пожала плечами:

– Я могу о нем вообще не отзываться, но, к сожалению, его внешность и, главное, манеры от этого не изменятся.

Мейбл вздохнула, часто заморгала и отвернулась.

– Может быть, Мейбл надо надеть пояс верности! – подсказала одна из учениц. – И сказать, будто она потеряла ключ.

– Боюсь, что в этом случае просто позовут слесаря, – фыркнула Мейбл, украдкой смахнув слезинку. – Не думаю, что ему будет интересно услышать про генофонд.

– Слышать про генофонд приятно всем, – возразила мисс Клавдия. – Кстати, совершенно не исключено, что генофонд слесаря окажется более впечатляющим.

– Это зависит от возраста слесаря, а также от его умения владеть своим инструментом, – подсказал кто-то с задних рядов.

Последние слова потонули в дружном хохоте, а наставница покраснела.

– Девочки, тише! – призвала к порядку она. – Итак, помимо похвалы вы можете показать интерес к увлечениям мужа. Например, если он увлекается оружием, можете попросить супруга продемонстрировать коллекцию.

– Главное – не просить вытаскивать кинжал из ножен! – снова хихикнул кто-то. – Особенно в спальне.

– А может быть, Мейбл стоит попросить положить меч в супружескую кровать? – оживилась Лизетта, вспомнив древние легенды. – Говорят, этот магический обряд должен уберечь от беды...

Я громко фыркнула: ну скажите на милость, кому и когда мешала огромная железяка? Да этот Годфри со своим толстым пузом ее даже не заметит! Мейбл, словно читая мои мысли, лишь горько усмехнулась.

– По-моему, Мейбл поможет лишь яд, – заметила я.

Девочки испуганно притихли, чтобы спустя мгновение взорваться:

– Амелия, ты что?

– Ты хочешь, чтобы Мейбл...

– Да как она его подсыплет?

– Или она сама должна его выпить...

– Леди де Кресси, – строгий голос учительницы перекрыл гвалт. –

Поясните свою мысль.

– Все и так ясно, – пожала плечами я. – Давайте не будем отрицать очевидного: наверняка джентльменов в их школах тоже учат тому, какие отговорки придумывают женщины... Да и сами они не дураки. Отговорками можно лишь отсрочить неизбежное...

– Довольно! – оборвала меня мисс Клавдия. От досады она даже покраснелась. – В любом случае жена должна угождать мужу во всем! И если вам неприятно присутствие мужа в спальне, просто постарайтесь отвлечься. Думайте о новом наряде или украшении, которое вы получите, если супруг останется доволен!

– Ну... – протянула Лизетта. – Платье можно и самой купить, все равно муж обязан будет оплатить все счета жены...

– А потом выпороть за расточительство, – пробурчала я. – Говорят, это нынче модно.

– Леди де Кресси! – взорвалась мисс Клавдия. – Вы... вы дерзкая и невоспитанная девчонка!

– Возможно. Но уверяю вас, мисс Клавдия, я не буду хвалить супруга за несуществующие достоинства. – И, вспомнив о Рейнарде Аттисоне, мстительно добавила: – Да я вообще не буду его хвалить, раз уж его успехи так зависят от мнения окружающих... особенно в спальне!

Девочки ахнули, а наставница нахмурилась.

– Леди де Кресси! К завтрашнему дню вы подготовите мне эссе на тему «Супружеская спальня. Правила поведения и приличия»! – непререкаемым тоном произнесла она, вновь поправив очки на переносице. – Более того, вы покажете свою работу госпоже директорисе!

Я хотела язвительно возразить, но тут в комнату заглянула одна из служанок и сообщила, что леди де Кресси ожидает ее жених. Отказаться было невозможно.

Под завистливое шушуканье девочек мне пришлось проследовать за ней в специальную комнату для свиданий. Будто мы не в пансионе, а в борделе живем, честное слово!

Граф Рейнард Аттисон уже находился там, нетерпеливо прохаживаясь вдоль деревянной решетки, разграничивавшей комнату на две части. С обеих сторон от решетки стояли неудобные скамьи из темного дерева.

Как правило, визитеры садились на одну скамью, пансионерки – на вторую, но мой жених пренебрег этой вековой традицией. При виде меня он подошел к решетке и остановился, покачиваясь с носка на пятку и нетерпеливо похлопывая перчатками по ладони. Похоже, этот человек просто не мог стоять на месте спокойно.

Я, напротив, замерла, как и положено скромной девушке, оскорбленной поведением мужчины. Из-под опущенных ресниц я рассматривала своего жениха, пытаюсь найти в нем хоть что-то положительное, что бы скрасило мое замужество.

Достаточно высокий, широкоплечий и подтянутый, граф Аттисон обладал приятной наружностью. Признаться, в костюме для верховой езды и начищенных до блеска сапогах он выглядел весьма привлекательно. Темные волосы уложены с нарочитой небрежностью, золотистый загар и голубые глаза, опущенные длинными темными ресницами. Я почти поддаюсь этому очарованию. Пришлось строго напомнить себе, что передо мной стоит человек, который даже не удосужился попросить описание своей невесты и готов был взять в жены любую девушку, одетую в белое платье.

– Леди де Кресси.

Мой жених старательно поклонился.

– Ваша светлость. – Я присела в заученном реверансе. – Чем обязана?

– Я бы хотел извиниться за свои необдуманные слова на балу, – ответил граф Аттисон, и, видя, что я не понимаю (точнее, делаю вид, что не понимаю), пояснил: – Я назвал вас авантюристкой.

– А, это, – отмахнулась я. – Не берите в голову. Я сразу же забыла про это.

– Вы великодушны.

– Просто не обращаю внимание на дур... глупости.

– Вы считаете меня ду... глупым?

Он прищурил глаза. Я лишь пожала плечами и, как нас учили в пансионе, сделала вид, что занята оборками своего платья.

– Я жду ответа, – резковато напомнил мой собеседник.

Я подняла на него широко распахнутые очи:

– Согласитесь, не слишком умно идти на бал знакомиться с невестой, имея лишь описание ее платья?

– Ваши родители уверили меня, что вы будете именно в нем!

– И вы не подумали, что я могу иметь собственное мнение? Хорошую же жену вы ожидали заполучить!

– Я подумал, что вы послушная юная леди и не станете перечить родителям!

– Я и не перечила.

– Вы не надели платье!

– Неправда! Платье на мне было. Ну а то, что оно не оправдало ваших ожиданий, так, может быть, и с браком будет так же?

– Простите?

– Он тоже может не оправдать ваших ожиданий, – охотно пояснила я. – И что тогда вы будете делать? Заведете любовницу? Бросите меня одну чахнуть от тоски и будете ждать, пока я умру?

– Что? – ошарашенно переспросил граф, но я уже вошла в раж.

– Я буду медленно угасать, пока окончательно не ослабну, и тогда, одетая в белое платье, то самое, я буду возлежать на родовой кровати Аттисонов. Вас известят, но, увы, вы опять запомните лишь описание платья... а потом станет слишком поздно, и вы всю жизнь будете мучиться, что погубили юную деву...

– Что за бред! – воскликнул мой жених. – Вы не собираетесь умирать! А я не собираюсь заводить любовницу!

– Вас не интересуют женщины? – ахнула я. – Тогда все еще хуже, чем я предполагала.

– Меня интересуют женщины... тьфу! – Он нервно прошелся по комнате. – У меня от вас голова идет кругом!

– Вы сказали «женщины», значит, их было много?

– Да какая вам разница! Вы вообще об этом знать не должны! – возмутился граф.

– То есть вы будете скрывать от меня свои связи? А потом какая-нибудь несчастная женщина подкараулит меня у крыльца и протянет мне плод вашей с ней любви...

– О господи, – почти простонал Аттисон. В его глазах читался ужас.

Я из последних сил сдерживала довольную улыбку: если мой жених решит, что я ненормальная экзальтированная барышня, то, возможно, откажется от свадьбы. Увы, он оказался крепче, чем я думала.

– Такое вряд ли случится, – холодно заметил он. – Полагаю, мне придется приложить некоторые... гм... усилия, чтобы эти мысли больше никогда не беспокоили вас.

– Интересно, как вы собираетесь это сделать.

Я заметила, что глаза жениха опасно заблестели. Кажется, план сработал даже лучше, чем мне представлялось.

– Очень просто: надрать вам уши, – пояснил граф Аттисон.

Это была не совсем та реакция, какой я добивалась, но я, скрывая собственное разочарование, фыркнула:

– Значит, я не ошиблась: вы действительно из тех мужчин, кто получает удовольствие от насилия...

Судя по выражению лица жениха, если до этого он и не получал удовольствия от насилия, то теперь придушил бы меня с большим наслаждением.

– Если вы так настаиваете, я постараюсь не разочаровывать вас, – процедил он сквозь зубы таким тоном, что я невольно вздрогнула и на всякий случай покосилась на решетку: выдержит ли.

– Она достаточно хлипкая, – граф перехватил мой взгляд. – Так что на вашем месте я бы поостерегся от дальнейшей беседы в таком тоне.

– В этом случае, граф, мне не о чем больше говорить с вами! – прошептала я и, не дожидаясь ответа, поспешила прочь.

– До скорой встречи! – зловеще прозвучало за спиной.

Я лишь повела плечами, давая понять, что мне все равно, но сердце тревожно стучало в груди. Несмотря на все мои старания, граф Аттисон не намеревался отказываться от своих притязаний.

Мейбл

После бала прошло несколько дней, а я все никак не могла успокоиться. Приятные воспоминания, сколь ни горько, отошли на второй план. Их вытеснило одно-единственное событие: знакомство с

мистером Годфри. И осознание, что свадьба состоится в самом ближайшем будущем.

У меня пропал аппетит, я мало спала и весьма посредственно относилась к занятиям. К счастью, наставницы относились к этому факту снисходительно. Все понимали, что мне недолго оставалось ходить в ученицах. Понимала это и я, но скорое освобождение из пансиона не радовало.

Я давно уже не хватала с неба звезд (в переносном смысле; в прямом я была бы как раз не прочь, учитывая недюжинный интерес к астрономии). Я была морально готова к тому, что мое положение никогда не будет таким, как прежде. Отсутствие свободных денег, собственного дома, необходимость работать, безбрачие – все это я вполне способна была принять. Но жить под одной крышей с мистером Годфри и полностью от него зависеть – этого я даже представить себе не могла. Хотя тщательно пыталась. Говорят, если как следует представишь некие обстоятельства в своем воображении, то пересташь их бояться. Мне это упражнение не помогало. Чем сильнее я напрягала собственную фантазию, тем более пугающим казалось будущее. Я даже попыталась изобразить нас с женихом на бумаге. Мне неплохо даются рисование и черчение. В итоге эта работа заставила меня занервничать еще сильнее, настолько, что пришлось срочно изображать между нами кирпичную стенку.

Словом, мое душевное состояние было, если можно так выразиться, шатким. Положение усугубляло еще и то, что меня все сильнее раздражала соседка по комнате. Мы оказались товарищами по несчастью, что в принципе могло бы нас сблизить. Обе в скором времени выходили замуж, и обе не по своей воле. Но я все равно считала, что ситуация Амелии кардинально отличается от моей. Как можно страдать, да еще и столь открыто, если твой жених – Рейнард Аттисон? Да, понимаю, Амелия не испытывает к нему нежных чувств. Допустим, о любви речи не идет. Но что с того? По моему глубокому убеждению, страсть совершенно не обязательна для благополучного брака. Рейнард – хороший человек. Умный, достойный, воспитанный. Он привлекателен внешне. У него подходящий для жениха возраст. А в придачу ко всем этим достоинствам он еще и богат, и занимает высокое положение в обществе... да к тому же прекрасно целуется.

Чем ее не устраивает такой брак?

Рейнард даже приходил к нам в пансион. С Амелией встречался, со мной – нет, и я, признаться, здорово ей завидовала.

Но самое странное – я постоянно натыкалась на соседку, которая при виде меня делала вид, будто идет по своим делам. Признаться, это меня слегка озадачивало.

Я уже начала подозревать, что граф Аттисон рассказал своей невесте и о нашем разговоре, и о поцелуе. Амелия пыталась поговорить со мной, но, признаться, я была не готова к откровениям и потому решительно пресекла эти попытки.

Словом, назвать нас соперницами, по-хорошему, было нельзя, но и беседовать с соседкой по душам меня не тянуло. И когда в моем мозгу созрело окончательное решение, я не обмолвилась ей ни словом, а вместо этого обратилась к старой, проверенной подруге.

– Бежать?!

Лизетта затихла, когда я приложила палец к губам, а затем заговорила, ощутило понизив голос.

– Но это же опасно! И потом – куда? Домой, в поместье?

– Да что ты! – отмахнулась я. – К мачехе? Какой смысл? Она просто запрет меня в комнате и напишет мистеру Годфри. Недели не пройдет, как нас прямо там и обвенчают. Нет, домой нельзя.

Лизетта поджала губы, уставилась в пол, покрытый простеньким плетеным ковром. Такие лежали во всех наших комнатах, абсолютно одинаковые, только цвета различались: у кого-то синий чередовался с фиолетовым, у кого-то – оранжевый с желтым.

– К моим тоже нельзя, – сокрушенно покачала головой подруга. – Выдадут. Как пить дать выдадут. Не поймут. И меня бы не поняли, а ты для них – чужой человек.

На помощь родственников Лизетты я и не рассчитывала, так что совершенно спокойно кивнула.

– А куда же тогда? – растерянно спросила она.

– Я уже все продумала. – В моем голосе было больше уверенности, чем я испытывала в действительности. Для кого я в тот момент держала лицо, для себя или для Лизетты, сказать трудно. – У меня есть троюродная сестра, Анита Белстоун. Мы с ней когда-то были очень дружны. Правда, с тех пор прошло немало лет, но это единственная моя надежда. Придется пойти на риск. Попрошу у нее убежища. Буду помогать по дому, ребенка нянчить (она не так давно

родила), счетные книги вести, если доверят, шить... В общем, все что угодно. Авось не прогонят. Отца моего Анита в свое время любила как родного дядюшку, а мачеху она в глаза не видела. Словом, попытаю счастья.

– Какая же ты смелая! – восхищенно воскликнула Лизетта, обнимая меня в порыве чувств. – Я бы, наверное, никогда так не смогла. Решили бы выдать меня замуж – пошла бы молча, как корова на заклание... А ты молодец, ты берешь судьбу в свои руки! Только так и до`лжно поступать!

– Это от отчаяния, – призналась я, с опаской оглядываясь: от переизбытка эмоций подруга опять забыла о конспирации.

В комнате мы были одни: соседка Лизетты ходила в этот час на дополнительные занятия музыкой. И все-таки боязно: мало ли кто мог подслушивать там, за дверью. На всякий случай я встала с застеленной кровати, на которой мы прежде сидели вдвоем, сунула босые ноги в домашние туфли и на цыпочках подошла к двери. Распахнула, никого с той стороны не увидела и успокоилась.

– Самое главное теперь – понять, как все правильно сделать, – зашептала я, возвращаясь на прежнее место. – Дело в том, что Анита живет далеко отсюда, в Брукли.

– Это же на самой северной границе! – поразилась подруга.

– В том-то и дело. Я примерно представляю себе, как добраться туда почтовыми каретами, хотя путь, конечно, предстоит неблизкий. Но не прямо же отсюда. Сначала надо попасть либо в столицу, на центральную почтовую станцию, либо на Западную заставу.

Военных действий в наше время не велось, и упомянутая выше застава давно перестала быть укрепленным пунктом. Но с прежних времен там сохранилась крепость, а вместе с ней и название. Сейчас в тех краях можно было нанять экипаж почти в любом направлении.

– Тогда мне придется сменить карету всего два, в крайнем случае, три раза, – продолжала рассуждать я.

Увы, нанять персональный кеб, который сразу помчал бы меня непосредственно в Брукли, возможным не представлялось. Учитывая большое расстояние, это слишком дорого стоило. Поэтому приходилось пользоваться теми экипажами, которые набирали по четыре пассажира и двигались по фиксированным маршрутам. Если дорога выдавалась долгой, все путешественники, включая кучера,

останавливались переночевать в придорожных трактирах, а наутро в прежнем составе продолжали путь.

– А знаешь, тут я, наверное, смогу тебе помочь, – проговорила Лизетта, поднимая голову. – Есть один человек... В общем, я смогу договориться, чтобы за тобой приехал кучер и довез прямо до столичной почтовой станции. Бесплатно. И держать язык за зубами тоже будет.

– Спасибо!

Настала моя очередь броситься подруге на шею. Все-таки как хорошо Лизетта меня понимала! Осознавала, что решение я приняла самое что ни на есть рискованное, но не стала отговаривать, неодобрительно качать головой, сеять панику. Нет, она внимательно меня выслушала, поняла, сколь серьезно я настроена, и сосредоточилась на том, чем может помочь. Именно такими должны быть настоящие подруги. Жаль, что нам придется расстаться, но, надеюсь, это не навсегда. К тому же существует почта, и у меня хватит денег на то, чтобы иногда отправлять письма по ускоренному, магическому, каналу.

– Мне потребуется два дня, чтобы обо всем договориться, – прикинув, сообщила Лизетта. – Но остается еще одна сложность. Как ты выберешься из пансиона?

Обсуждение этого вопроса заняло чуть больше времени, но и тут мы сумели найти перспективное решение.

Три дня спустя, в шесть часов вечера, я стояла на пересечении двух безлюдных улиц и стряхивала с капюшона капли дождя. Кованый забор, огораживавший территорию пансиона Святой Матильды, остался совсем недалеко; я и сейчас отлично видела железные прутья, отчего-то наводившие на мысль о тюрьме. К счастью, с той стороны меня разглядеть не могли: на этом участке вплотную к ограде подступали высокие деревья, не позволявшие всяким проходимцам заглядываться на прогуливающих по парку пансионеров. Впрочем, вряд ли кому-то пришла бы мысль выйти на прогулку сейчас, когда потемневшее небо спустилось, казалось, к самым крышам, а тучи грозились пролиться очередным обильным дождем. Предыдущий закончился совсем недавно. Струи все еще гулко бежали по

водостокам, а на дороге изобиловали лужи, некоторые из них – весьма грязные и глубокие.

Я нервно вздохнула и постаралась закутаться поплотнее. Обменяться плащом с одной из наших горничных, чтобы потом под видом прислуги выскользнуть за ворота, оказалось совсем не сложно. За это даже приплачивать не пришлось. Мой собственный плащ стоил значительно дороже, и, продав его, девушка получала хорошую прибыль. Вообще же схема с переодеванием была, как выяснилось, неплохо отработана. Некоторые пансионерки посмелее бегали таким образом на свидания или даже просто в модные лавки.

Словом, пансион я покинула с большей легкостью, чем ожидала. Проблемы начались на следующем этапе. Вернее, одна большая проблема. Карета, которая должна была забрать меня с перекрестка и доставить до почтовой станции, все не приезжала. Я ждала здесь уже очень долго, до неприличия долго для молодой девушки, если говорить откровенно. Сначала солнце еще выглядывало из-за облаков, потом зарядил дождь, от которого меня худо-бедно спасали ветви разросшейся у дороги липы, потом он прекратился. Изредка мимо проезжали экипажи, еще реже пробегали незадачливые прохожие под зонтами со стальными каркасами. Все спешили по своим делам, и никто не обращал внимания на одинокую женскую фигуру. Оно бы и к лучшему, но, главное, никто не снижал скорости и целенаправленно меня не искал.

Не знаю, сколько я так простояла, кутаясь в плащ на промозглом ветру. Часов у меня не было: этот предмет вообще отчего-то не полагался благопристойной девушке. Видимо, в обществе считалось, что следить за временем должны исключительно мужчины. Так или иначе, я успела увериться, что карета за мной не приедет. Произошла какая-то ошибка, быть может, кучер перепутал адрес или просто не смог выбраться: он ведь рабочий человек и наверняка не всегда располагает своим временем. Сама я раз пятнадцать проверила таблички с названием улиц, и все пятнадцать раз они идеально совпадали с данным мне адресом. Словом, я уже стала подумывать о том, чтобы вернуться в пансион. Но от этой мысли делалось так тоскливо, что я все стояла и стояла под темным небом, между уличным фонарем и старой липой, стояла, уже ничего не ожидая, просто оттого, что некуда было идти.

Когда мимо проехал очередной экипаж, я даже особенно не отреагировала. Он, как и прочие, двигался быстро, да и был совсем не похож на тот, что описала мне Лизетта. Роскошный, дорогой, с резными рисунками на дверцах. В придачу на задке был пристроен огромный сундук. Ясное дело, карета не пустовала. Я даже отвернулась: взгляд привлек свет, загоревшийся в одном из окошек. В этот момент колесо кареты проехало прямо по луже, и меня щедро окатило грязью.

Я вскрикнула и успела вовремя отскочить: заднее колесо в точности повторило путь переднего, но теперь на мой плащ попали лишь совсем мелкие брызги. Я принялась брезгливо отряхиваться, отлично, впрочем, понимая, что ничего, кроме основательной стирки, одежду не спасет. Кучер грубо проорал что-то про баб, которые не смотрят, куда идут. Отчего-то в подобных ситуациях люди всегда склонны винить кого угодно, но только не себя. Впрочем, я и без того была настолько расстроена, что неодобрение постороннего человека огорчить еще сильнее уже не могло.

Карета успела проехать лишь несколько ярдов, когда кучер внезапно натянул поводья. Пара остановилась, недовольно всхрапывая. Я внутренне подобралась, готовая в случае необходимости спасаться бегством. Этот болезненный что же, еще и отношения со мной надумал выяснять? Но почти сразу стало ясно, что заминка была не его инициативой. Дверца кареты распахнулась, и на улицу, пригнув голову, выбрался мужчина в наспех наброшенном плаще. С опаской взглянул на небо, справедливо ожидая от собравшихся туч самого худшего, но капюшон надевать не стал. Вместо этого торопливо зашагал ко мне, впрочем предусмотрительно обходя злополучную лужу. На всякий случай я отступила поближе к фонарному столбу, хотя вряд ли этот предмет имел шанс хоть как-то мне помочь при неблагоприятном развитии событий.

– Леди, вы в порядке? – обеспокоенно спросил мужчина.

От испортившегося вконец настроения так и тянуло едко спросить: «Неужели я похожа на леди?» В самом деле, в плаще горничной, основательно перепачканном в грязи, после нескольких часов стояния на улице, я вряд ли выглядела прилично. В отличие от своего, если можно так выразиться, собеседника: он-то как раз был одет как джентльмен. Белая рубашка, темно-синие брюки и такой же

сюртук, и даже галстук на месте. Правда, узел немного ослаблен, но это в дороге вполне простительно.

Так и не дождавшись ответа, незнакомец снова заговорил:

– Не сердитесь на моего слугу. Он неплохой парень, но совершенно не умеет признавать свою неправоту.

– Отчего это не умею? Очень даже умею, – донеслось с козел. – Когда не прав, тогда не прав. Но вот ежели, к примеру...

– Гарри, помолчи! – рявкнул хозяин кареты.

И, извиняясь передо мной, развел руками. Кучер кашлянул, что-то буркнул себе под нос, но спорить на сей раз не осмелился.

– Мне нет никакого дела до вашего слуги, – наконец раскрыла рот я, и сама удивилась, осознав, что голос дрожит от холода.

– Я могу вам как-то помочь?

Он был сама любезность, но в той глупой ситуации, в которую я попала, это скорее злило, чем радовало. Вдобавок мужчина попытался воплотить свое предложение в жизнь и отряхнуть мою одежду, в результате чего я испуганно отшатнулась.

– Моему плащу поможет разве что хорошая стирка, – отрезала я. – Только не говорите, что незамедлительно этим займетесь.

– Не буду. – Он криво улыбнулся, и тем не менее улыбка отчего-то вышла приятной. Я позволила себе чуть-чуть расслабиться. – Я, знаете ли, в этом не силен. И все-таки я не могу оставить вас вот так, без всякой помощи. Может быть, скажете, как вы оказались здесь одна?

– Экипаж не приехал, – призналась я, вздохнув.

– Так это же проще простого, – оживился незнакомец. – Давайте я вас подвезу.

– Это далеко, – усмехнулась я.

– Не страшно.

– Нет, тут лучше бы разобраться, – снова вмешался кучер. – Подвозить-то, чай, будете не вы, подвозить будет старина Гарри да наши бедные клячи.

Я невольно перевела взгляд на достаточно упитанных и красивых серых коней, запряженных в карету, они многозначительно промолчали.

– Лучше не начинай! – Хозяин резко обернулся к кучеру. Тот насупился, но промолчал.

– Неважно, – покачала головой я. – Мне совсем далеко, вы такой крюк делать не станете.

– Давайте проверим.

– Хорошо: что вы скажете насчет Западной заставы? – ехидно осведомилась я, с некоторым удовлетворением наблюдая, как у моего собеседника вытягивается лицо.

– И вправду далековато, – признал он наконец.

– Да что там далековато? У черта на куличках! – воскликнул кучер.

Умение помалкивать явно не являлось его сильной стороной.

– Могу еще предложить столичную почтовую станцию, – справедливости ради добавила я, – но до нее, сами понимаете, путь тоже неблизкий.

Незнакомец ненадолго задумался, а затем довольно прищелкнул пальцами.

– Не беда! – заявил он. – Поступим проще. Я направляюсь в «Оазис», это весьма приличный постоялый двор примерно в трех часах езды отсюда. Вы поедете со мной. Только не возражайте, просто дослушайте. Меня уже ожидает комната, но я не сомневаюсь, что заказать еще одну для вас прямо на месте не составит труда. Приличий это не нарушит: никому не обязательно знать, что мы прибыли вместе. Деньги пусть вас не беспокоят: в конце концов, я должен как-то компенсировать неприятность, случившуюся с вашим плащом. Впрочем, если ваши принципы такого не позволяют и вы предпочтете самостоятельно расплатиться за жилье, ваше право. Далее, мне придется задержаться в тех краях дня на два-три. Либо за это время вы найдете попутчиков, выезжающих в нужном вам направлении, либо я сам, покончив с делами, доставлю вас туда, куда потребуется. Что скажете?

Я колебалась. Это было непристойно и недопустимо. Но разве, сбежав из пансиона, я не преступила все возможные грани? А самое главное, альтернатива была лишь одна: вернуться в пансион. От мысли о том, что все закончится именно этим, становилось так тоскливо, что хоть вешайся на фонарном столбе.

Незнакомец заметил мои терзания и счел их аргументом в свою пользу.

– Идемте. – Он взял меня под руку и легонько подтолкнул к карете. – Не о чем раздумывать. Вот-вот снова зарядит дождь. Остаться одной на улице – плохая идея.

Все еще разрываемая сомнениями, я все-таки последовала за ним. Не зная, на что решиться, сам не заметишь, как окажешься в роли ведомого. Мы обошли лужу, мужчина распахнул передо мной дверцу. Я поставила ногу на ступеньку, привычно наклонилась, забираясь внутрь экипажа. Стала осторожно устраиваться на сиденье. Мне показалось, что возле привязанного позади сундука мелькнула тень. Впрочем, в том состоянии, в котором я пребывала, это могла быть просто игра воображения. Оно разыгралось еще больше, когда мужчина вскочил в карету и захлопнул дверцу, отсекая меня от внешнего мира.

– Могу я узнать, в чьей карете нахожусь? – нервно любопытствовала я, невольно прикидывая, смогу ли выскочить, если хозяин экипажа предпримет какие-либо неблагоприятные действия.

Мужчина виновато заморгал и улыбнулся, невольно располагая к себе.

– Конечно. Простите, – повинился он, – я должен был представиться раньше, но обстоятельства были не вполне обычными. Граф Этьен Ренье, к вашим услугам. А вы...

– Мейбл Элрой, – наполовину солгала я.

Имя можно было не менять, но вот раскрывать свою подлинную фамилию я не собиралась.

– Рад знакомству, – вежливо сказал Этьен. Поднес ко рту узкую трубку, подвешенную под потолком, и прямо в нее проговорил: – Трогай!

Карета тут же двинулась с места. Теперь стало ясно, почему в прошлый раз Гарри так быстро остановился. Тогда я не обратила на это внимания, но, по-видимому, у кучера к одежде крепилась точно такая же трубка. Такие пары позволяли обмениваться информацией даже на порядочном расстоянии и тем паче – таком ерундовом, как здесь. Слуга слышал то, что говорил хозяин, и моментально выполнял приказ. Конечно, можно было долго стучать кулаком в стенку кареты или высунуться в окно и орать во все горло. Но способ, использованный графом, был значительно более удобен. А деньги на

такое недешевое удобство (предмет как-никак магический) у хозяина экипажа явно имелись.

– Не хотите снять плащ? – поинтересовался мой спутник после пары минут молчания.

Его собственный плащ был небрежно брошен на сиденье в самом начале поездки. С моим следовало бы поступить так же: он был основательно перепачкан и не слишком нужен внутри кареты, но я не решалась. Наоборот, закуталась поплотнее и потихоньку отодвинулась на дальнюю сторону скамьи, чтобы увеличить расстояние между собой и графом Ренье. При такой физической близости рекомендация снять пусть даже промокший насквозь плащ казалась весьма подозрительной.

От спутника, похоже, не укрылся мой маневр, да и несложно было угадать причину моей напряженности. Не без раздражения хмыкнув, попутчик просто уставился в окно, перестав уделять внимание моей персоне.

Грязь на плаще источала несильный, но малоприятный запах, к тому же при каждом движении я рисковала перепачкать еще и подол платья. В придачу чужая вещь была мне не по фигуре, завязки давили, натирая шею. Я начала ерзать, пересаживаясь так и эдак, вертясь, переставляя ноги, то пристраивая локоть на окошке, то опираясь ладонью на скамью.

– Да успокойтесь вы и снимите этот плащ, наконец! – не выдержал мой спутник. – Не собираюсь я совершать над вами насилие, честное слово! Можете не опасаться.

Я подозрительно взглянула на него из-под насупленных бровей. Дескать, а кто вас знает? Этьен сердито возвел глаза к низкому потолку.

– Может быть, вы не обратили внимания, но город давно уже остался позади. Мы едем через глухой лес. И если бы у меня были в отношении вас... некие неблагородные намерения, я бы давно приказал остановить карету, и мы бы уже находились снаружи. Правда, учитывая погоду и все эти лужи, – он поморщился, – думаю, и заядлый насильник отказался бы от этой затеи.

Такое заявление не слишком меня убедило.

– Можно подумать, нельзя совершить насилие над женщиной прямо в карете!

Этьен поднял на меня скептический взгляд.

– Леди, сразу чувствуется, что вы не знаете, о чем говорите. Посмотрите вокруг. Здесь банально нет для этого места.

– Места как раз вполне достаточно! – возразила я, немного обиженная его комментарием. – И я прекрасно понимаю, о чем говорю.

– Ни за что не поверю, будто у вас имеется опыт в данном вопросе.

– У меня имеется оценка «превосходно» по анатомии.

– Наставницы, несомненно, чрезвычайно гордятся вашими успехами, – заметил он с сарказмом, который еще сильнее меня раззадорил.

– Можете иронизировать сколько угодно, но я готова доказать, что места в карете хватает!

– И как, позвольте полюбопытствовать, вы это сделаете?

– У вас есть бумага и карандаш?

Этьен нахмурился, затем похлопал себя по карманам и извлек из одного сложенный вчетверо листок. Там было что-то написано, но мужчина развернул его чистой стороной вверх. Огрызок карандаша тоже нашелся.

– Извольте.

Я худо-бедно пристроила документ на скамье и принялась чертить, даже не заметив, как высунула кончик языка от усердия. По рисованию у меня тоже была высшая оценка.

– Вот! – объявила я, протягивая Этьену схематичное изображение мужчины и женщины, расположившихся в экипаже. – Если левую ногу поднять сюда, а правую изогнуть вот так, то вполне реально разместиться.

Хозяин кареты принял листок скептически. Повертел его перед глазами так и эдак, поднес поближе к окну, чтобы рассмотреть на свету.

– У вас в корне неверное представление о длине человеческих ног, – вынес жестокий вердикт он. – Складывается такое впечатление, будто вы чаще общались с гномами.

– Еще один листок найдется? – разгневанно потребовала я. Да кто он такой, чтобы делать мне подобные замечания, учитывая все мои успехи в области биологии и черчения? – Вот и хорошо, давайте сюда.

Если вас не устраивает первый вариант, вот вам еще один. И давайте сразу учтем пропорции.

Первым взгляд от рисунка оторвал Этьен. Нахмурил брови, выглянул в окно.

– Гарри, почему мы стоим? – крикнул он в болтавшуюся на веревочке трубку.

– Простите, сэр, – повинился слуга. – Но у вас такая интересная беседа приключилась! Не стерпел, уж больно хотелось узнать, чем дело кончится!

– Ты еще попроси показать тебе рисунки!

– А что, можно? – оживился слуга. Не дожидаясь разрешения, он соскочил с козел и распахнул дверцу кареты.

Ворвавшийся внутрь ветер подхватил один из листков, закружил и уронил в лужу.

– Осторожнее! – Этьен выпрыгнул за ним следом, но кучер его опередил. Он подхватил рисунок, небрежно отряхнул его и поднес к фонарю, закрепленному сбоку кареты.

– Ну надо же, – присвистнул Гарри и с интересом посмотрел на меня. – Никогда бы не подумал, что мисс такая затейница. Помнится, я с подружкой...

– Гарри! – Граф Ренье выхватил рисунок и небрежно швырнул обратно в карету. – Будь добр, вспомни о своих обязанностях!

Кучер бросил на меня еще один заинтересованный взгляд, но перечить своему господину не стал. Сам Этьен тоже вернулся в карету, подхватил злополучный рисунок и сунул его в карман.

– Вы поразили моего кучера до глубины души, – произнес он с добродушной усмешкой. – Мне кажется, он уже готов доставить вас не только до Западной заставы...

– Да я готов взять мисс куда она скажет! – откликнулся слуга по магической трубке. – Только бы она мне еще картинок таких нарисовала!

Я потрясенно взглянула на трясущегося от смеха хозяина кареты.

– Ваш кучер это серьезно? – прошептала я.

– Думаю, да.

– Понятно.

Я взглянула в темноту за стеклом, обдумывая, что, может, действительно стоит начать продавать подобные рисунки – это

позволило бы мне продержаться на плаву некоторое время. Правда, изображения были весьма схематичными. Даже не знаю, что так впечатлило слугу.

Пока я размышляла, мой спутник, кажется, задремал. Я последовала его примеру, решив, что Этьен прав и опасности я не подвергаюсь.

Глава 4

Сундук с секретом

Мейбл

Постоялый двор оказался большим, основательным и вполне приличным. Во всяком случае, здесь явно было не место всяким проходимцам с полупустыми карманами, к каковым отныне относилась и я. Впрочем, пока здесь об этом не знали.

После дискуссии о возможности изнасилования в условиях закрытого экипажа обстановка в карете стала легкой и доброжелательной. Мы много разговаривали на самые разные темы (все они, к слову, были совершенно приличными) и, можно сказать, сдружились. Я поведала спутнику полуправду о том, что еду из пансиона к дальним родственникам, не признавшись, что совершила побег, а родственники не имеют ни малейшего представления о моих планах. Он кое-что сообщил о себе, сказал, что ведет светскую жизнь, но предпочитает избегать излишней суеты, которая присуща любой столице. Что именно привело его в «Оазис», осталось не вполне ясным. В начале разговора он упомянул о делах, но далее утверждал, что приехал за развлечениями.

Теперь Гарри отправился заниматься каретой и багажом, в то время как мы с Этьеном прошли в большое двухэтажное здание. Комнаты для постояльцев располагались на втором этаже, внизу же кипела жизнь. Длинные старомодные столы для больших компаний чередовались с современными круглыми столиками на четверых, далее следовали полукругом расставленные у камина кресла и – отдельно – места для карточных игр. О еде заботились слуги, сновавшие по залу. И, разумеется, повар с поварятами, но они трудились на кухне, отгороженной от помещения для гостей.

Съемом комнат занялся Этьен. Я не стала конспиративно притворяться, будто в первый раз его вижу, и держалась рядом, однако все переговоры предоставила ему.

– Любезный, нам понадобятся две отдельные комнаты. Для меня и для этой юной леди.

– Сожалею, граф Ренье, – рассыпался в извинениях хозяин заведения. – Ваша комната давно заказана и ждет вас, но что касается леди... Увы, свободных мест совсем не осталось. Вы же видите, мероприятие-с. – Он обвел взглядом зал, где действительно собиралось все больше людей, в основном – в той его части, что была отведена под карточные столики. – Может быть, леди все-таки устроит ваша комната? Она весьма просторна. Мы, как и было велено, приготовили для вас все самое лучшее.

– Черт, я этого не учел, – посетовал Этьен, по-видимому, имея в виду «мероприятие». – Неужели совсем никаких комнат нет? Может быть, совсем маленьких, в мансарде?

Хозяин с показным сожалением развел руками:

– Сняли все до самого последнего угла-с.

– Ну а хотя бы на сеновале ночевать можно? – с тоскливым вздохом осведомился мой спутник.

– Увы. Вы же понимаете: господа путешествуют со слугами. Ближайшие ночи, боюсь, и на сеновале не продохнуть будет.

Мимо, будто в качестве иллюстрации к этим словам, прошествовали Гарри с каким-то по-простому одетым парнем, видимо, местным, тащившие сундук, тот самый, что прежде был привязан к задку нашей кареты.

– Вот же тяжелый, зараза! – выругался Гарри, когда они начали подниматься вверх по лестнице.

Хозяин проследил за ними взглядом и вновь повернулся к нам.

– А знаете, господа, у меня появилась идея! – внезапно воскликнул он. – Я велю принести в ваши покои ширму. У нас есть прекрасная ширма, высокая и устойчивая. Совсем недавно приобрели-с, все по самой последней моде. Поставим посредине. Будет вроде бы как одна комната, а вроде бы и две. Даже некоторые супружеские пары так делают, – интимно понизив голос, поведал он и пару раз кивнул для убедительности. – А вторую кровать тоже доставим, на этот счет не извольте беспокоиться. Лишние кровати как раз имеются. Ну как, согласны?

– Согласен. – Этьен предварительно обменялся со мной взглядом, но дожидаться ответа не стал: вариантов-то все равно не было. И так оставалось лишь аплодировать хозяину за находчивость. – Сколько с меня?

Нам назвали сумму, приличную, но все же в пределах разумного. Не знаю, сколько Этьен должен был заплатить изначально, но, думаю, с него взяли больше, чем за одну комнату, но меньше, чем за две. Хозяин знал свою выгоду, но и зарываться не стал. Мой спутник без проволочек извлек кошель и заплатил серебром, даже не поморщившись, из чего я заключила, что проживание в «Оазисе» его, мягко говоря, не разоряло. Впрочем, и прежде было ясно, что нужды в деньгах он не знает.

Нас попросили обождать всего несколько минут, и действительно, в самом скором времени тот парнишка, что прежде помогал Гарри с багажом, провожал нас на второй этаж. Сундук уже стоял в комнате, равно как и ширма, делившая ее на две приблизительно равные части. С каждой стороны обнаружилось по кровати, одна пошире, видимо, расположенная здесь изначально, вторая – поуже. Обе были покрыты одеялами, от которых приятно пахло свежестью. Я едва удержалась от искушения рухнуть на одну из них: время было позднее, а день вышел утомительным. На дальней стене висело ружье.

Этьен вручил слуге монеты, и тот с поклоном вышел, оставляя нас одних. Гарри не было, должно быть, ужинал где-то внизу или и вовсе ушел спать. Несмотря на продолжительное путешествие в карете, пребывание со спутником наедине вызвало сейчас ощущение неловкости.

– Радостно, что ты хотел устроить меня на сеновале, – бодро заявила я, дабы хоть немного сгладить это чувство.

– На сеновале я собирался устроиться сам, – насмешливо, в тон мне, отозвался Этьен, – но на будущее стану иметь в виду, что у тебя столь низкие запросы.

– Запросы запросами, но сколько я тебе должна?

– Да брось. Мы же уже решили, что раз я не умею стирать плащи, то должен компенсировать тебе ущерб как-то иначе, – отмахнулся он. – Прости, но у меня дела внизу. Сейчас я переоденусь и спущусь.

И он удалился за ширму, а я осталась на своей стороне. Вскоре послышался плеск воды. Ванны в комнате не имелось, но большой кувшин, таз и полотенце были приготовлены возле каждой кровати.

Я понимала, что Этьен удачно ушел от разговора об оплате. Это принесло очередной всплеск чувства неловкости, но одновременно и облегчение. У меня имелись кое-какие драгоценности, и все их я,

конечно, взяла с собой. Но вот денег было ничтожно мало, а продажа драгоценного кольца или браслета могла привлечь к моей персоне нездоровое внимание – и это если бы я вообще нашла здесь покупателя. К тому же, положив руку на сердце, я не представляла себе, какое будущее меня ждет, и потому в перспективе каждый грош мог оказаться жизненно необходимым. Разумеется, все это ни в коей мере не позволяло мне сидеть на шее у совершенно постороннего мужчины, и я корила себя, но принципами все же пожертвовала.

Устав предаваться тягостным размышлениям, я тоже приступила к умыванию, но чуть не расплескала воду, как только из-за ширмы показался Этьен. Если бы не лицо, его образ не имел бы ничего общего с тем человеком, в карету которого я села несколько часов назад. И, скажу честно, путешествовать наедине с этим щеголем я бы не рискнула.

В его костюме все будто кричало: я – богач и могу позволить себе любой каприз. У черного фрака были узкая завышенная талия и такие короткие полы, словно его подлинный обладатель был значительно ниже и тоньше Этьена, а последний попросту раздел бедолагу на большой дороге. Белый галстук был завязан невероятным бантом. Жилетов имелось по меньшей мере два: красный выглядывал из-под шелкового кремового. Сапоги с высокими голенищами сменились открытыми кожаными туфлями на каблуках. Стройные икры обтягивали шелковые чулки с вышивкой золотой нитью. Картину дополняли золотой лорнет и бриллиантовые запонки на манжетах.

– По делам? – едко осведомилась я, принявшись к слишком сильному и слишком сладкому аромату мужских духов.

– По делам, – серьезно, будто и не заметив сарказма, ответил мой невольный сосед по комнате. – Спокойной ночи!

Одним элегантным движением одернул рукава и исчез за дверью. Я задумчиво поглядела ему вслед.

Около часа я провела в полном одиночестве, если не считать служанку, которая принесла поднос с ужином, заранее заказанным. Привлекать к себе внимание, трапезничая в общем зале, я не хотела. В моем положении следовало соблюдать осторожность. Однако недавнее появление Этьена из-за ширмы столь сильно меня впечатлило, что я решила немного изменить свои планы. Тихо, словно мышка, выскользнула из комнаты, на цыпочках прокралась по коридору,

аккуратно, стараясь никак не выделяться на фоне окружающих, спустилась до середины лестницы. И застыла, с любопытством глядя вниз.

Прямо подо мной располагались столики для карточных игр. Все стулья были заняты; более того, вокруг каждой группы игроков собралась толпа наблюдателей. Особенным успехом пользовалась партия, в которой, среди прочих, участвовал мой новый знакомый.

Двое из четверых, по всей видимости, уже вышли из игры; они сидели, откинувшись на спинки, один курил трубку, другой попивал вино, и оба с интересом следили за появлявшимися на столе картами.

– Валет треф!

– Дама, – лениво объявил Этьен. После чего выложил очередную карту. – Король червей! – победоносно произнес он.

– Простите, друг мой, но у меня червовый туз, – откликнулся невысокий мужчина, сидевший напротив.

– Черт! Мне опять не повезло, – расстроено откликнулся Этьен. – Сколько я вам там должен? Двести?

Он вытащил из кармана жилета пачку купюр (и как только можно выставлял такие суммы на всеобщее обозрение?!), отсчитал несколько и небрежно швырнул на стол. Победитель с вежливой улыбкой собрал свой выигрыш.

– Эй, мальчик! Еще вина! – распорядился Этьен. – Мне нужно запить эту досадную случайность.

Молодой слуга поклонился и вскоре вернулся с бутылкой. Граф удовлетворенно кивнул и осушил бокал практически залпом.

– Еще партию? – осторожно спросил недавний победитель.

– Разумеется! Я намерен отыграться.

– То же самое вы говорили в прошлый раз. И в позапрошлый, – заметил мужчина с трубкой.

– Ерунда. Я чувствую, что теперь удача на моей стороне!

Глаза Этьена азартно сверкнули, а я взволнованно вцепилась пальцами в деревянные перила. Очень хотелось увести его оттуда, по меньшей мере подойти и посоветовать прекратить игру хотя бы на сегодня, но кто я такая, чтобы вмешиваться с подобными замечаниями? Не жена, не родственница, не давняя подруга.

Поэтому я молча стояла и смотрела, как он проигрывает один раз, другой, третий... Количество выпитого вина все увеличивалось, равно

как и сумма, перекочевавшая из кармана моего спутника в руки невероятно удачливого игрока. Хотя я и не имела опыта в подобных вещах, меня не покидало чувство, что победитель ловко подводит Этьена к очередному проигрышу. Цокает языком, сочувствует, даже просит прощения, но всякий раз ненавязчиво предлагает отыгаться и следит за тем, чтобы бокал противника регулярно наполнялся.

Досматривать это не слишком веселое представление я не стала, но, когда пару часов спустя Этьен возвратился в комнату, молча вручила ему серебряное кольцо с сапфиром.

Он смерил меня непонимающим взглядом, как ни странно, совершенно не замутненным алкоголем.

– Что это? Помолвка?

– Нет. Плата за постоянный двор.

– Мне кажется, мы договорились, что проживание оплачиваю я?

– Да, но... – Я поморщилась: не очень хотелось озвучивать то, что было очевидно и так. – Я подумала, что после сегодняшнего деньги могут оказаться для тебя не лишними. И, в сущности, для того, чтобы ты платил за меня, объективных причин нет. К сожалению, у меня сейчас не водятся наличных, но ты наверняка знаешь, кому можно продать кольцо.

...Или поставишь его на кон в очередной игре. Но произносить это вслух было лишним.

– Ты все-таки спустилась в зал?

Этьен сложил руки на груди и постучал себя пальцами по плечу, с любопытством меня разглядывая.

– Разве это воспрещается?

Я неловко приподняла плечи, будто и вправду совершила нечто предосудительное.

– Гм... – Он задумчиво прищурился. – Но если я – мот, пьяница и прожигатель жизни, значит, сам во всем и виноват. Зачем же тогда тебе решать мои сложности с деньгами – если предположить, что они у меня возникли?

– Ты тоже был не обязан сажать меня в свою карету и тем более селить на постоялом дворе, – парировала я, не до конца понимая, чем мы в данный момент обмениваемся, комплиментами или обвинениями.

Этьен ухмыльнулся.

– Кольцо не возьму, – тоном, не терпящим возражений, отрезал он и в подтверждение своих слов сжал в кулак мою руку, на ладони которой по-прежнему лежал перстень. – Можешь не волноваться: денег у меня полно, еще проматывать и проматывать.

Я стала прикидывать, как бы помягче намекнуть ему, что золото в кошеле имеет свойство рано или поздно заканчиваться и если праздный образ жизни приносит ему такое удовольствие, все равно стоит хоть немного себя ограничивать. Говорить это было как-то не комильфо: все же мы едва знакомы. С другой стороны, как ни странно, судьба случайного попутчика была мне небезразлична, и не хотелось, чтобы однажды он оказался в том же положении, в каком я пребывала сейчас.

Меж тем Этьен счел разговор законченным и, наполовину скрывшись за распахнутой дверцей шкафа, стянул с себя фрак и оба жилета. Вновь появился уже в другом фраке, который на сей раз сидел по фигуре. Прикрыл глаза и довольно выдохнул. Должно быть, в данный момент он чувствовал себя примерно так же, как барышня, расшнуровавшая корсет или скинувшая тесные, но модные туфли.

Громкий стук в дверь заставил меня подскочить на месте. Так не стучат слуги, принесшие таз с горячей водой, или друзья, зашедшие провести время за бокалом вина и приятной беседой. Так стучат... женихи, настигающие сбежавших невест! Во всяком случае, голос, донесшийся со стороны коридора, не оставлял сомнений на сей счет.

– Отворите немедленно!

Ручка дернулась, но дверь так и не распахнулась. Низкий, басовитый голос Гарри с неудовольствием прогудел:

– Господа, что происходит? Милорд отдыхает. Он не любит, когда его беспокоят в такое время.

– Нас меньше всего интересует, что любит и не любит ваш хозяин, – отрезал знакомый дребезжащий голос, но тут вмешался кто-то еще:

– Господин Годфри, позвольте мне как вашему доверенному лицу...

Я побледнела, сердце забилось очень часто. Я и не думала, что меня найдут. Этьен слегка нахмурился и, сделав мне знак молчать, потянулся за тростью, в которой был спрятан клинок. Меж тем говоривший продолжал:

– Я всегда ценил преданных слуг, парень, но сейчас тебе лучше открыть дверь. Дело не терпит отлагательств. Твой господин попал в неприятную историю, и только наше своевременное вмешательство может спасти его от более крупных проблем.

Ручка снова дернулась, раздался громкий стук, дверь дрогнула, и я предположила, что Гарри попросту заслонил ее своей мощной спиной.

– Не пущу! – пророкотал он.

Это привело меня в чувство, и под удивленным взглядом Этьена я в панике метнулась за ширму. Оглядев свою половину комнаты, я, увы, не нашла, где получше спрятаться. Шкаф остался с другой стороны, дорожный сундук тоже, а кровать оказалась слишком низкой, чтобы я могла залезть под нее. Оставалось лишь, дрожа от страха, прильнуть к ширме и прислушиваться к тому, что происходило по другую сторону двери.

Сначала из коридора доносились звуки возни и препирательства, вот-вот готовые перейти в оскорбления. Незваные гости даже попытались выломать дверь.

– Гарри! Пропусти посетителей! – вмешался Этьен.

Скрип и звуки голосов сразу же сделались громче.

– Прошу вас, господа. – Гарри говорил подчеркнуто вежливо, буквально-таки лебезил, и на фоне всего предшествовавшего в этом слышалась своеобразная издевка. – Вот здесь ступенька, а тут, извольте видеть, дверной косяк низковатый... Ох, я слишком поздно об этом сказал? Поди ж ты, неприятность какая!

Я инстинктивно попыталась хоть что-то разглядеть сквозь ширму. Не смогла – и хорошо, ведь, будь она прозрачной, я и сама оказалась бы как на ладони. Но, говорят, в некоторых домах свиданий в таких ширмах проделывают маленькую незаметную дырочку – для любителей подглядывать. Вот это мне бы сейчас очень пригодилось, хотя мой интерес был совершенно иного толка. Например, я бы хотела знать, сколько народу вошло в комнату. Если судить по голосам, их было как минимум трое: Гарри, мистер Годфри и еще один мужчина.

– Что вам угодно, господа?

Этьен говорил спокойно и вежливо, но присутствовал в его тоне и намек: «Не испытывайте мое терпение, его не слишком-то много».

– Мне известно, что у вас находится моя невеста!

Это восклицание, разумеется, принадлежало моему жениху. От чувства обреченности хотелось завывать. У Этьена не было ровным счетом никаких причин меня прикрывать, особенно учитывая, что я не рассказала ему всей правды и о моем побеге он узнает только сейчас.

– Простите? – переспросил мой попутчик.

– Моя невеста. Леди Мейбл Фэйтон. Она сбежала из пансиона Святой Матильды, – нетерпеливо пояснил мистер Годфри.

– Неужели? – В этот момент Этьен, должно быть, окинул собеседника задумчивым взглядом. – Сбежала?

– Да, и я уже сказал директорше пансиона, что это вопиющее безобразие.

– Действительно, – покладисто согласился Этьен, – какой пример эта легкомысленная наставница подает юным ученицам!

– Если бы только она, – сокрушенно произнес мистер Годфри. – После этих событий я полагаю, что слава пансиона касательно воспитания покладистых жен слишком преувеличена.

– Разумеется, о какой репутации вообще может идти речь, если наставницы сбегают из-под венца!

– Простите? – настала очередь мистера Годфри хмуриться. – Вы говорите, что наставницы пансиона тоже сбежали? Вы в этом уверены?

– Вы же мне сами только что об этом рассказали! – в голосе Этьена слышался укор.

– Я?

– Да, вы! Разве не вы сказали, что ваша невеста сбежала из пансиона?

Судя по звуку, Гарри все-таки не смог до конца подавить смешок.

– Да, но... я говорил о воспитаннице.

– О, прошу прощения! Видимо, глядя на вас, я не так понял! И сколько же лет вашей невесте?

– Двадцать два.

– Даже так? Наверное, это была любовь с первого взгляда? – Теперь Этьен неприкрыто издевался. – Особенно со стороны девушки!

Годфри засопел.

– Послушайте, мистер...

– Ваша светлость, – очень холодно поправил его Этьен.

– Простите?

– Я – граф Ренье, и извольте обращаться ко мне как следует!

– То, что вы граф, не дает вам права похищать чужих невест! – отпарировал мистер Годфри.

– Вы хорошо подумали над своими словами?

В голосе Этьена зазвенела сталь.

– Разумеется! – вскинулся мистер Годфри. – И не считайте, что титул позволит вам выйти сухим из воды!

Этьен шумно выдохнул.

– Господа, я впустил вас к себе в комнату в очень позднее время. Несмотря на то, что у меня был тяжелый день, я устал и хочу спать. – Он нарочито громко зевнул, хотя, готова поклясться, ни малейшей сонливости в тот момент не испытывал. – Но это не значит, что я готов терпеть все что угодно. Например, грубость и тем более гнусные инсинуации. Если будете продолжать в том же духе, ничто не помешает нам с Гарри вышвырнуть вас обратно за дверь.

– А и правда, это мы мигом! – охотно подтвердил слуга.

– Я предупреждал господ, что нынче не самое подходящее время для визита.

Оказывается, и владелец постоянного двора тоже был в комнате. А Этьена здесь хорошо знают, к тому же его положение в обществе выше, чем у мистера Годфри. Отсюда и выбранная хозяином сторона.

– Господа, позвольте я все объясню, – миролюбиво прозвучал голос, который я уже слышала несколькими минутами ранее. – Граф Ренье, позвольте официально представить вам мистера Томаса Годфри. Я представляю его интересы, мое имя – Эдгар Фортейн. Мы просим прощения за столь поздний визит, однако дело, по которому мы прибыли, весьма срочное. Нам стало известно, ваша светлость, что вы тайно увезли леди Мейбл Фэйтон из пансиона Святой Матильды. Мистер Годфри, как официальный жених мисс Фэйтон, требует незамедлительного ее возвращения. Надеюсь, вы согласитесь, милорд, что он в своем праве?

Я обреченно прикрыла глаза. Конечно, я назвала своему спутнику другую фамилию, но надо быть ослом, чтобы не догадаться, о ком ведет речь этот поверенный. А ослом граф Ренье точно не был.

– Я – дворянин, господин... мм... Фортейн. И не привык оставлять голословные обвинения такого рода безнаказанными.

– К сожалению, они не голословны, милорд. Свидетель видел из окна, как девушка садилась в вашу карету.

– Когда это было?

– Несколько часов тому назад.

– Несколько часов тому назад было уже темно, шел дождь, и ваш доносчик мог перепутать. И меня, и карету, и девушку. Эй, как вас там! – Этьен повысил голос. – Я никого не приглашал садиться. Мне не по нраву ваше общество, и я намерен избавиться от него как можно скорее.

– Я – пожилой человек и устал после долгой дороги, – недовольно проскрипел голос мистера Годфри. – Неужели вы настолько невежливы, что пожалеете для меня кресла?

– Как я понимаю, вы в самое ближайшее время собираетесь жениться на молодой пансионерке, – без малейшего сочувствия отозвался Этьен. – Следовательно, вы должны быть в неплохой физической форме. Что же касается вас, господин Фортейн, могу со своей стороны дать слово чести, что никогда не похищал женщин, и этот день не стал исключением. Более того, до вашего появления я ни разу не слышал имя Мейбл Фэйтон. Надеюсь, этого достаточно?

– Он не лжет, – чуть помедлив, произнес поверенный.

Судя по всему, этот почтенный человек сверился с амулетом правды – магически запитанным кристаллом, который менял цвет, когда человек говорил неправду. Граф Ренье презрительно хмыкнул, а я тихонько выдохнула.

А хорошо Этьен выкрутился, сказав чистую правду и при этом ни в чем не признавшись! Непонятно лишь, по какой причине он так старается меня выгородить, рискуя собственной репутацией. Но сокрушаться по этому поводу в моем положении точно не стоило.

– Не вполне, – пробасил мистер Годфри. – Позвольте нам осмотреть комнату – и мы уйдем.

Я запрокинула голову и, глядя на потолочные балки, постаралась дышать не слишком часто и, главное, не слишком шумно. Найти меня труда не составит. Загляни за ширму – и все.

– Вы полагаете, я прячу здесь девицу? – с изумлением, переходящим в возмущение, спросил Этьен.

Уверена, пожелай он сменить образ жизни и заделаться актером, главные роли в лучших театрах страны были бы ему обеспечены.

– Мы просто хотим быть совершенно уверены, что ее здесь нет.

– Моих слов вам недостаточно?

– Ну почему же, – заколебался стряпчий. – Если вы, милорд, над амулетом правды скажете, что в комнате, кроме вас и слуги, никого нет, то мы незамедлительно принесем свои извинения за столь поздний визит и уйдем.

Этьен скрипнул зубами, а Гарри шумно выдохнул.

– Судя по вашему молчанию, милорд, – насмешливо произнес мистер Годфри, – вы не так уж и невиновны, как хотите казаться.

– А вот это вы зря, – пробасил слуга Этьена.

В подтверждение его слов неприятно скрежетнула сталь.

– Джентльмены, до сих пор я делал некоторую скидку на возраст господина жениха. Но, похоже, мистеру Годфри все же придется поупражняться в фехтовании.

Видимо, Этьен действительно вытянул из ножен шпагу. Я полоснула взглядом по висящему на стене ружью. Интересно, может ли оно выстрелить?

– Граф Ренье, прошу вас, будьте благоразумны! – вмешался поверенный. – Всего несколько минут – и мы покинем ваши покои. Вы же понимаете, что огласка этого дела никому не нужна. А уж в первую очередь вам самому!

– И вправду, милорд, – вмешался Гарри. – Пусть ищут свою девицу...

– И где они намереваются искать даму? Под кроватью? Или, может быть, в кровати? – огрызнулся Этьен.

– Нет, конечно же, нет, – заверил Фортейн. – Но, может быть, вы позволите нам посмотреть, не скрывается ли кто за ширмой, в шкафу или, к примеру, в этом сундуке...

– Ах, в сундуке? – сердито переспросил граф. – Ну что ж, вы сами это предложили. Правда, большего бреда я не слышал, но... Будь по-вашему. Прямо сейчас, вместе, проверяем сундук. Первое попавшееся из предложенных вами мест. Если девушка окажется там, ваша взяла. Если же нет – вы немедленно убираетесь отсюда к чертовой матери. И жениха забираете, иначе я за себя не ручаюсь.

Щелкнул магический замок, скрипнула откидываемая крышка – звук неприятно полоснул по нервам. Последовало непродолжительное молчание. Я полагала, теперь посетители либо уйдут, либо станут прорываться к ширме с боем, но...

– Что, черт побери, это значит?! – выдохнул Этьен.

- Но, позвольте, это не моя невеста! – вскричал мистер Годфри.
- Вот так так... – озадаченно пробасил Гарри.

Глава 5

Женат по недоразумению

Амелия

Состояние Мейбл меня пугало. Соседка и без того не была болтуньей, но после бала она вообще замкнулась и большей частью сидела, грустно смотря в окно и иногда шевеля губами. Даже на занятиях она предпочитала занимать самую последнюю парту и молчать. Наставницы либо оставались к этому равнодушны, либо чрезмерно сочувствовали, и в обоих случаях не задавали вопросов. Как по мне, так это было довольно глупо: так Мейбл все больше и больше погружалась в себя. Я попыталась разговорить ее, но соседка почему-то смущалась, отвечала односложно, и беседа быстро сходила на нет.

Исключение составляла лишь Лизетта, иногда заходившая к нам в комнату. Впрочем, подруги предпочитали прогулки в небольшом саду. После такого времяпрепровождения Мейбл возвращалась излишне оживленной, с лихорадочным румянцем на щеках и ярко сияющими глазами, что меня настораживало. Точно так выглядел мой дядюшка, игрок по натуре, промотавший все свое состояние, а после застрелившийся, чтобы избежать позора.

Состояния у Мейбл не было, пистолета тоже, но неподалеку от пансиона имелся пруд, затянутый тиной. Как по мне, так топиться в этой зловонной луже было противно, но ведь у соседки могло быть свое мнение на этот счет. Поэтому я предпочла ненавязчиво приглядывать за ней.

Пару раз Мейбл замечала мое присутствие, но я умудрялась делать вид, что тороплюсь по своим делам. Она даже поверила. Наверное.

В общем, мне приходилось держать ухо востро. А еще был мой жених. Нет, граф Аттисон предпочитал не встречаться со мной после неудачного разговора, но все мое существо негодовало против брака, навязанного нашими родителями. К тому же равнодушие графа задевало даже сильнее, чем если бы он открыто возражал. Я чувствовала себя породистой лошадей, которую просто продали.

В любом случае с женихом я встречаться не хотела, он тоже особо не горел таким желанием, а наставницы не требовали от меня выполнения домашних заданий, поскольку были поставлены в известность о помолвке. В результате у меня было достаточно свободного времени, чтобы присматривать за Мейбл. Именно поэтому я заметила, когда соседка вдруг решила прогуляться, несмотря на дождь за окном.

Конечно, мелкая противная морось могла просто соответствовать настроению Мейбл, но интуиция подсказывала мне, что дело нечисто. А интуиции я привыкла доверять, ведь подсказала же она в свое время, что викарий неравнодушен к моей гувернантке!

Пришлось отложить все дела и поспешить за Мейбл.

Мои подозрения укрепились, когда девушка, озираясь, достала из тайника плащ, какие обычно носили горничные нашего пансиона, закуталась в него, после чего направилась к выходу. Такого поворота я не предвидела.

Прекрасно понимая, что привратник меня не выпустит, я бегом кинулась к ограде, где росли высокие деревья. Проклиная свою соседку на чем свет стоит, я с трудом вскарабкалась по скользкой от дождя решетке и осторожно перелезла через заостренные прутья. После чего спрыгнула вниз, стараясь не поскользнуться на мокрой траве.

Благо Мейбл далеко не ушла: одинокая фигура в плаще маячила под фонарем на соседней улице. Притаившись в тени, я внимательно наблюдала за ней. Время шло, прекратившийся было дождь вновь начал накрапывать, но ничего не происходило. Я чувствовала себя крайне неудобно: в отличие от Мейбл, у меня даже не было плаща!

В голове родилось лишь одно предположение: соседка решила заболеть и умереть от простуды, оплакиваемая всем пансионом. План был романтичен, но глуп, о чем я уже собиралась ей поведать, когда вдруг из-за поворота вылетела карета и окатила Мейбл водой из лужи. Девушка отшатнулась. Экипаж остановился, и оттуда вышел хорошо одетый мужчина.

Я пряталась слишком далеко, чтобы услышать, о чем они говорили. Судя по жестикуляции, незнакомец уговаривал мою соседку сесть в карету. Полная нехороших предчувствий, я подкралась ближе,

успев ровно к тому моменту, когда Мейбл забиралась в экипаж подозрительного незнакомца.

Конечно, можно было побежать в пансион и поднять тревогу, но, во-первых, мне претило становиться доносчицей, а во-вторых, упусти я карету сейчас, потом ее хозяин сможет заявить, что я обозналась и никакой девушки с ним нет и не было. К тому же, что греха таить, это был шанс и для меня...

Я задумчиво посмотрела на огромный сундук, прикрепленный к задку экипажа. Невысокий человек вполне мог уместиться там, а худой даже расположиться с некоторым удобством.

Я обладала обоими качествами, так что вполне могла рассчитывать на комфортное пребывание в сундуке, если он не слишком забит вещами.

Убедившись, что Мейбл садится в карету, я, более не колеблясь, прокралась к сундуку. К моему удивлению, он оказался не заперт, а внутри обит мягкой тканью. Предпочтя не гадать, с чем это могло быть связано, я быстро забралась внутрь и не успела даже захлопнуть крышку, как карета тронулась.

Сквозь стук колес до меня доносились приглушенные голоса пассажиров. О чем они говорят, я разобрать не могла, но, судя по тону, угрозы для Мейбл со стороны хозяина кареты пока не было, и я слегка успокоилась.

Дорога была сносной, рессоры у кареты отличными, а сундук, как я и предполагала, оказался достаточно комфортным для путешествия. Я завозилась, устраиваясь поудобнее, и расправила безнадежно помятое платье. Влажная одежда липла к телу, но даже это не могло уменьшить моего ликования.

Улизнуть из пансиона, отправиться в самое настоящее приключение, заодно сбежав от жениха, что может быть романтичнее?

Я мечтательно вздохнула.

А вдруг я в этом путешествии найду того, кто, в отличие от графа Аттисона, меня действительно полюбит? Интересно, каким он будет? Наверняка высоким и очень красивым. И уж точно узнает меня в любой одежде, и даже без нее...

Полностью захваченная грезами, я задремала и очнулась лишь тогда, когда карета вдруг остановилась. Я встрепенулась и попыталась приоткрыть крышку, чтобы лучше слышать происходящее снаружи, но

крышка не поддавалась. Более того, чем сильнее я в нее упиралась, тем тяжелее она становилась. Я запоздало сообразила, что замок на сундуке был магический: открывается снаружи, но не изнутри. Обычно подобным образом работают мышеловки: грызун попадает внутрь, а выбраться уже не может. Но я никогда прежде не слышала, чтобы подобное приспособление использовали для дорожных сундуков... Быть может, это такое своеобразное средство от воров?

Я с досадой закатила глаза, хотя в крошечной тьме такое действие было довольно-таки бессмысленным, и несколько раз стукнула по крышке в надежде привлечь внимание говоривших снаружи. Но они были увлечены какими-то рисунками, при этом Мейбл принимала достаточно оживленное участие в диалоге. Если судить по ее тону, соседка была давно знакома с хозяином кареты. Во всяком случае, со мной она всегда говорила значительно прохладнее.

Надеясь, что меня все-таки обнаружат, я заколотила кулаками по крышке и даже покричала. Ничего. Меня либо игнорировали, либо просто не слышали.

Мне стало страшно. Хозяин кареты полагал, что сундук пуст, и вряд ли планировал заглядывать в него в ближайшее время. Это предвещало долгое заточение в темном ящике. Возможно, сундук вообще бросят где-нибудь, и я умру в темноте от голода и жажды. И, поскольку я не оставила записки, никто даже не узнает, что со мной случилось.

Мое хладное тело попросту бросят в лесу, где волки обглодают мои кости. Явственно представив себе эту картину, благо темнота сундука вполне способствовала разыгравшемуся воображению, я заколотила по крышке изо всех сил, но, как и в прошлый раз, безрезультатно. Вскоре карета тронулась, и под мерный скрип колес мне оставалось лишь всхлипывать и размазывать по щекам слезы, катившиеся из глаз.

Вдоволь наплакавшись о своей трагической судьбе, я, наверное, задремала, потому что проснулась оттого, что кто-то тащил сундук вверх. По всей видимости, мы прибыли на место назначения.

– Вот же тяжелый, зараза – прошипел один из грузчиков.

И я вновь заколотила по крышке.

– Да не дергай ты его, – раздался второй голос с противоположной стороны.

– Сам не дергай, уроним – хозяин по голове не погладит!

В надежде, что слуги действительно уронят сундук и тот разобьется, я задергалась еще сильнее, но это не помогло. Переругиваясь, грузчики наконец поставили ящик на пол, после чего я услышала шум удаляющихся шагов. И в досаде выдохнула. Слез не было, а вместе с ними ушел и страх. Теперь я хотела жить и готова была бороться за это.

Я внимательно ощупала ткань, которой сундук был набит изнутри. Если ее разорвать, то мои крики и стук кто-нибудь услышит. Я попыталась осуществить задуманное, но обивка была очень качественной, и порвать ее все никак не удавалось. Слишком увлеченная попытками освободиться, я пропустила момент, когда в комнату кто-то вошел.

– Радостно, что ты хотел устроить меня на сеновале, – голос Мейбл раздался почти над самой моей головой.

Я замерла, а потом опять заколотила по крышке и закричала в голос, призывая соседку. В этот момент я готова была даже признать ее своей подругой, лишь бы она меня услышала, но этого не произошло.

Я запоздало сообразила, что обивка сундука тоже была магической, не пропускавшей изнутри ни единого звука. Оставалось лишь гадать, к чему спутнику Мейбл такой сундук и как скоро мужчина собирается воспользоваться этим предметом. Судя по разговору, хозяин сундука намеревался спуститься в общий зал, из чего я заключила, что все мы находимся на постоялом дворе, при этом Мейбл со своим спутником расположились в одной комнате. Значит, они состояли в прекрасных отношениях, и достаточно давно. Я вновь разозлилась: к чему тогда был весь этот трагизм и маскарад, если Мейбл собиралась просто сбежать со своим возлюбленным от ненавистного жениха? Хотя почему в таком случае они говорили об оплате? Вопросов возникало очень много, но чтобы получить хотя бы один ответ, мне надо было выбраться из своего заточения.

Время тянулось очень медленно. Привыкшая к бурной деятельности, я ворочалась, вздыхала и, чтобы хоть как-то себя занять, даже вспомнила все уроки, проводившиеся в пансионе. Мейбл то входила, то выходила, вернулся хозяин сундука, они говорили о помолвке и оплате за проживание. Я даже не стала прислушиваться,

поскольку и так все было понятно, а открывать сундук никто не собирался.

Я окончательно смирилась со своей участью умереть в этом ящике, так похожем на гроб, когда в дверь забарабанили. После недолгих препирательств с дерзким слугой стучавшие вошли в комнату, и я поняла, что мистер Годфри ищет свою невесту. Более того, этот толстый старый боров был уверен, что Мейбл находится здесь. Не иначе как нанял шпика. Я слышала об этом: многие господа нанимали людей следить за своими женами. Старый сластолюбец мистер Годфри был явно из их числа.

Признаться, я с восхищением прислушивалась к ответам графа Ренье (именно так назвал себя хозяин комнаты и сундука). Имя показалось мне знакомым, словно я слышала его когда-то, однако с чем именно оно было связано, вспомнить не могла. Но кажется, с чем-то не очень приличным, о чем юным леди знать не следовало.

Голоса Мейбл я не слышала: наверняка соседка по комнате благоразумно где-то затаилась. Спор разгорался все сильнее, послышался скрежет вынимаемого из ножен клинка, и я даже по-мальчишески присвистнула: граф Ренье вытащил шпагу и вызвал толстяка на дуэль. Я пожалела, что не могу видеть лиц говорящих: наверняка это доставило бы мне удовольствие. В спор вмешался стряпчий, потом слуга...

Господи, ну пусть они тоже заметят, что в сундуке так легко спрятать девушку! Словно в ответ моим молитвам, стряпчий упомянул сундук, и я не смогла сдержать радостный вскрик. Да если бы я могла, расцеловала бы этого замечательного человека.

– Ах, в сундуке? – тем временем сердито переспросил граф Ренье. – Ну что ж, вы сами это предложили. Правда, большего бреда я не слышал, но... Будь по-вашему. Прямо сейчас, вместе, проверяем сундук. Первое попавшееся из предложенных вами мест. Если девушка окажется там, ваша взяла. Если же нет – вы немедленно убираетесь отсюда к чертовой матери. И жениха забираете, иначе я за себя не ручаюсь.

Щелкнул магический замок, скрипнула откидываемая крышка... после непроглядной тьмы свет лампы показался слишком ярким, и я невольно прикрыла глаза рукой.

– Что, черт побери, это значит?! – выдохнул граф.

– Но, позвольте, это не моя невеста! – вскричал мистер Годфри.

– Вот так так... – озадаченно пробасил еще кто-то.

К этому времени глаза уже начали привыкать к освещению, я приподнялась и оглядела комнату. Четверо мужчин ошеломленно взирали на меня. Из них я знала лишь мистера Годфри, ну и графа Ренье – как хозяина той самой кареты, в которую села Мейбл. Самой моей соседки видно не было, но я не сомневалась, что она притаилась за ширмой, делившей комнату на две части. И если не подсматривала, то подслушивала. Тоже мне тихоня!

– Добрый вечер, господа, – вежливо произнесла я, пытаюсь встать.

Ноги затекли и не держали. Каждое движение отдавало болью, и я невольно охнула. Граф Ренье опомнился первым. Он подошел и помог мне вылезти из сундука.

– Как вы сюда попали? – прошипел он еле слышно.

Я пожала плечами, давая понять, что объяснения будут потом, после чего устремила один из своих фирменных невинных взглядов на остальных мужчин.

– Мистер... э-э... Гедеон? Какая приятная неожиданность!

– Годфри, – поправил он, взирая на меня с ярко выраженным осуждением.

Это меня подстегнуло.

– Верно, мистер Годфри, – снисходительно кивнула я, расплываясь в улыбке. – Кажется, вы любитель дрессуры и... молоденьких девушек?

– Что? – мистер Годфри невольно покраснел. – На что вы намекаете?

– На вашу скорую свадьбу, конечно! Кстати, а что вы здесь делаете? Ищете холостяцких развлечений? Или решили пополнить псарню?

– Мистер Годфри полагает, что здесь находится его невеста, – пояснил стряпчий, слишком пристально рассматривая меня. В его руках я заметила кристалл правды.

– Мейбл? – переспросила я, судорожно выстраивая фразы так, чтобы не солгать. – Я ее здесь не видела.

– Вы знакомы с леди Мейбл Фэйтон? – насторожился стряпчий.

Взгляд его маленьких глаз впился в мое лицо, а нос как будто заострился.

– Конечно, знакома, – кивнула я. – В пансионе нас поселили в одну комнату.

– Стало быть, вы знаете, что ваша соседка сбежала?

Сейчас стряпчий в своем коричневом сюртуке напомнил мне не то гончего пса, не то хорька. Определенно, я правильно сделала, что не стала его целовать, когда вылезла из сундука.

– Даже если не знала, то сейчас вы сказали мне об этом. – Уж что-то, а отвечать перед кристаллом правды я давно научилась: в свое время отец завел такой же и несколько раз пытался выведать мои мысли.

– Ваша подруга...

– Мейбл не моя подруга, – оборвала я стряпчего. – И вообще, я же сказала, что давно ее не видела!

Чистая правда: время, проведенное в сундуке, показалось мне вечностью.

– А что вы вообще делали в сундуке? – поинтересовался мистер Годфри, уже придя в себя.

– Пряталась, – честно призналась я.

– От кого?

– Ото всех. – Что тоже было правдой. – Видите ли, когда я туда залезала, то не хотела, чтобы меня кто-то нашел.

Я старательно надула губы и несколько раз взмахнула ресницами.

– Откуда такие странные желания у столь юной леди? – поинтересовался стряпчий, на которого мой маневр не оказал никакого действия.

– Потому что я покинула пансион без разрешения! – Я виновато потупилась. Если бы меня сейчас видели наставницы, то, несомненно, гордились бы воспитанницей. Я снова вскинула на мужчин глаза, полные слез, и трагическим голосом возвестила: – Я должна была выйти замуж за человека, которого совсем не знаю и который даже не потрудился выяснить, как я выгляжу, а довольствовался лишь описанием платья!

– Какого платья? – не сдержался слуга, за что тут же получил гневный взгляд своего хозяина.

– Бального! – я постаралась сказать это как можно более трагично. – Понимаете, мой жених искал на балу свою невесту, то есть

меня, исключительно по платью! Он бы еще туфельку заставил примерять!

– Почему туфельку?

– Потому что я никогда не понимала этой сказки: ну как можно весь вечер протанцевать с девушкой, при этом не запомнить лицо, но запомнить туфли, которые она надела, – пояснила я, намекая на старую сказку. – И кстати, вы никогда не задумывались, как девушка могла танцевать в хрустальных туфельках?

– Послушайте, – судя по голосу, даже у стряпчего стало сдавать терпение, чего я в принципе и добивалась, – при чем тут туфельки? Юная леди, ответьте честно, что вы делали в этом сундуке?

– Ехала на встречу к тому, кого выбрала сама! – совершенно честно ответила я, вспомнив мысли, посещавшие меня, пока я пребывала взаперти. – Но, скажу вам прямо, путешествие вышло не из приятных.

При этом я весьма красноречиво посмотрела на хозяина сундука, он ответил мне таким же красноречивым взглядом.

– Ах, вот оно что, – протянул поверенный, истолковав наши переглядывания по-своему. – Что ж, мистер Годфри, как я понимаю, эта юная леди сбежала из пансиона с графом Ренье. А ваш соглядатай просто напутал, тем более что в темноте все девушки похожи...

– Но где же тогда моя невеста?

– Возможно, она отправилась домой, к мачехе, ведь больше ей бежать некуда? – предположила я.

– Это вполне вероятно! – ответил поверенный. Он повернулся к мистеру Годфри. – Вот видите, все разрешилось. Полагаю, мы можем выразить графу свои поздравления...

– Поздравления? – тот слегка приподнял бровь. – Могу я поинтересоваться, с чем именно?

– С предстоящей свадьбой, – пояснил стряпчий. – Вы же собираетесь жениться на юной леди?

– Большое спасибо! – прощепетала я, с силой наступая на ногу хозяина сундука, чтобы пресечь все возражения на корню, и прошипела сквозь зубы: – Молчите!

Тот тихо охнул, но промолчал, угрюмо косясь на кристалл правды.

– Мистер Годфри, боюсь, нам больше нечего здесь делать, – произнес поверенный. – По всей видимости, ваша невеста

действительно отправилась домой. Нам остается лишь принести извинения графу и его невесте и покинуть комнату.

Толстяк хмуро посмотрел на нас. Было заметно, что принятие решения дается ему с большим трудом. Наконец он что-то пробормотал под нос, сухо кивнул и направился к выходу. Поверенный вышел вслед за ним, хозяин гостиницы выскользнул еще раньше, предоставляя господам самим решать свои проблемы.

Едва посторонние покинули комнату и я смогла облегченно выдохнуть, как на меня накинута граф Ренье.

– Какого дьявола здесь происходит? Откуда вы вообще взялись в моем сундуке?!

Кажется, мое появление произвело на него сильное впечатление, а удивление вполне могло послужить толчком для злости. Но прежде, чем я успела достойно ответить, из-за ширмы буквально вылетела Мейбл и тут же заключила меня в объятия.

– Амелия, это просто чудо какое-то! – воскликнула она. – Не знаю, как ты здесь появилась, но ты меня буквально спасла!

– Так и знала, что ты стоишь за ширмой!

В порыве благодарности меня чуть не удушили, а как только я освободилась, граф Ренье продолжил дознание. Не иначе как решил, что, полузадушенная, я отвечу гораздо честнее.

– Я повторяю свой вопрос! Каким ветром вас сюда занесло?

– Этот вопрос вы раньше не задавали, – запротестовала я.

– Теперь задаю! – не дал сбить себя с толку он. – Так каким ветром?

– Попутным! – огрызнулась я. И, прекрасно помня, что лучший способ защиты – это нападение, выдвинула встречное обвинение: – А почему вы возите с собой пустой сундук?

И постаралась скопировать директрису нашего пансиона, изображая как можно более грозный взгляд. Даже руку поднесла к переносице, чтобы чуть приподнять очки, но в последний момент вспомнила, что не ношу их. Пришлось делать вид, что поправляю выбившуюся прядь.

Готова поклясться, что граф Ренье растерялся – и это еще мягко сказано! Нет, не испугался, конечно, это было бы чересчур, но было в его взгляде что-то такое... как будто его поймали на горячем. Однако спустя секунду он уже взял себя в руки.

– Не ваше дело, юная леди, что я вожу или не вожу в своем сундуке, – перешел в нападение он. По всей видимости, решил перенять мою тактику.

– Не ваше дело, джентльмен среднего возраста, где я провожу свое время.

Терпеть не могу, когда меня называют юной ради того, чтобы обесценить мою точку зрения.

– Постой, Амелия! – вклинилась Мейбл, кажется, главным образом для того, чтобы разрядить обстановку. И вовремя: граф Ренье действительно закипал, как чайник. Казалось, еще чуть-чуть – и из его ушей пойдет пар. Наверняка мое замечание про возраст его задело. – Мы в самом деле в недоумении. Расскажи, как ты попала в сундук? Наверное, это было ужасно – провести внутри столько времени!

Я демонстративно закатила глаза. Подумать только, ну наконец хоть кто-то догадался! Мейбл смотрела на меня, ожидая ответа, а я лишь вздохнула:

– Это была просто катастрофа! Ты не можешь себе даже представить, как там темно и неудобно!

– Меня терзают смутные сомнения. – Хозяин кареты окинул нас с Мейбл подозрительным взглядом. – Уж не договорились ли вы обо всем этом заранее? Решили повеселиться за мой счет?

Он хищно прищурился, и по моему телу пробежали мурашки. Похоже, опасно заполучить этого человека во враги, несмотря на его симпатичный внешний вид.

– Нет, что ты! – замахала руками Мейбл. – Я понятия не имела, что Амелия здесь. Для меня это такая же неожиданность, как для тебя.

Я поморщилась. Вот ведь бесхребетное существо. Он практически обвинил ее в том, будто она специально испачкалась в луже, чтобы попасть в его карету, да еще и протащить с собой меня. И вместо того, чтобы смертельно оскорбиться на эту инсинуацию, она оправдывается!

– Да это все из-за тебя! – разозлившись, выдала я.

– Из-за меня? – недоуменно ахнула Мейбл.

– Конечно. После известия о помолвке ты ходила как в воду опущенная. Вздыхала, страдала, мне ничего не рассказывала. А потом еще и потащилась одна в дождь неведомо куда. Вот я и решила за тобой присмотреть. Если хочешь знать, я вообще думала, что ты в пруду утопиться собралась!

Я полуотвернулась, обиженно надув губы.

– Да ты что?! – изумилась Мейбл. – Мне даже в голову не приходило топиться... Хотя... – задумчиво протянула она. – А почему такое, собственно, не приходило мне в голову?..

– Не приходило в голову? – Я даже задохнулась от злости. – Хочешь сказать, я тратила время впустую?

– Тебя никто не заставлял! – возразила Мейбл. – К тому же ты видела, что я сажусь в карету, а значит, не собираюсь топиться!

– Да, видимо, ты решила покончить жизнь другим, менее традиционным способом! О чем ты вообще думала?

– О многом, – огрызнулась Мейбл. – Но твой комфорт действительно не учла: откуда же мне было знать, что ты вот так заберешься в неизвестно чей сундук!

– Так, тихо! Прекратите немедленно! – Ренье, как видно, решил, что общение со мной может оказаться для его девушки опасным. – Продолжите в том же духе – мы с Гарри разведем вас по разным углам!

– Чур, я возьму ту, которая ехала в карете, – подсуетился слуга, опасно косясь на меня.

Не удержавшись от искушения, я плотоядно улыбнулась ему в ответ. Гарри вздрогнул и явно хотел сотворить знак, оберегающий от сглаза. Строгий взгляд хозяина удержал его от этого действия.

– Интересно, ты что же, всю ночь нас так продержишь? – подала голос Мейбл. Признаю, в некоторых моментах моя бывшая соседка по комнате проявляла рассудительность и благоразумие.

– Заставлю считать до ста, – буркнул граф, понимая, что погорячился.

– И еще можно задать нам писать эссе, – подсказала я. – На тему «Сундуки и способы их применения».

Ренье с досадой хлопнул рукой по стене и, видимо переборщив, затряс ладонью:

– Хватит! На сегодня довольно сумасбродств. Предлагаю всем ложиться спать. До рассвета осталось всего ничего.

– Прекрасно! – Я так хотела уединиться, что была почти готова расцеловать его за такое предложение. – Будьте добры, лорд Ренье, попросите у нашего любезного хозяина ключи от еще одной комнаты. Пусть запишет ее на имя Амелии де Кресси. Заверьте его, что моя

семья платежеспособна, но, впрочем, если его что-то не устроит, то вот!..

Я принялась отчаянно выдирать из уха серьгу с сапфиром, которая, как назло, не желала расстегиваться.

– Не так быстро, леди де Кресси, – с некоторым даже удовольствием остановил меня граф. – Вынужден вас разочаровать. На постоялом дворе нет ни единой свободной комнаты, даже самой маленькой. Так что, боюсь, вам придется ночевать здесь.

Я прикусила губу. Отсутствие мало-мальски приличной комнаты, где я наконец-то могла бы остаться одна, было неприятным известием. Но куда деваться? Конечно, можно потребовать, чтобы граф Ренье отвез нас обратно в пансион, но... было слишком поздно, мы все устали, да и возвращаться обратно вот так, когда приключения только начинались, не хотелось.

К тому же на задворках сознания вертелась мысль хорошенько насолить своему жениху, тем более что присутствие Мейбл придавало респектабельности всей этой аванюре.

– Хорошо, здесь так здесь, – покладисто согласилась я.

– Отлично! – Хозяин сундука был доволен, что я не начала спорить. – В таком случае вы с леди Мейбл устройтесь на той кровати, что пошире, а я займу вторую, запасную.

И он указал рукой за ширму. Увы, такой расклад мало меня устраивал. В отличие от соседки, я прекрасно осознавала, что даже ширма не спасет нас, если мы втроем проведем ночь в одной комнате. Мейбл, возможно, нечего было терять, но мне... почему-то вспомнился Рейнард Аттисон и тот взгляд, которым он окинула меня при первой встрече. Пришлось снова устроить спектакль.

– Вы с ума сошли! – ужаснулась я. – Разве могут две благовоспитанные леди спать на одной кровати? В наше-то время! Да нас с Мейбл после этого заподозрят черт знает в чем!

– В чем таком ужасном вас заподозрят?

– Граф Ренье! – Я изобразила на лице весь ужас, на какой только была способна. – Вы что, не читаете светских газет?

– Никогда их не читаю, особенно перед обедом.

– Зря! Так вы не сможете испортить себе аппетит и потолстеете!

– Не волнуйтесь, – процедил граф сквозь зубы. – Вы легко справитесь с моим аппетитом и без газет.

– Да, но я не всегда буду рядом! – проявила заботу я. – И в любом случае, общая постель – плохое решение. По ночам на меня что-то находит, и я начинаю отчаянно толкаться локтями. Боюсь, я просто сброшу бедняжку Мейбл на пол.

– В таком случае почему бы бедняжке Мейбл не лечь у стены?

Мейбл не сводила с нас непонимающего взгляда, видимо недоумевая, в какой именно момент она оказалась бедняжкой.

– Я предлагаю другое решение, – заявила я. – Мейбл занимает одну кровать, а я – другую. И мы спим, как полагается приличным незамужним дамам.

– Простите за бестактный вопрос, но где же в таком случае буду спать я? – осведомился Ренье. – На коврик?

– Ну почему же? У вас есть прекрасный сундук!

Мы с Мейбл невольно хихикнули, несмотря на неловкость ситуации.

– О, благодарю! – не то язвительно, не то уязвленно отозвался собеседник. – Я лучше запихну туда одну из вас. Он нахмурился и угрожающе двинулся в нашу сторону.

– Хорошо, хорошо, – затараторила я, не желая вновь оказаться в темноте. – Конечно, было бы предпочтительнее устроить вас в одной из комнат, но поскольку, как вы сами сказали, свободных нет, вам придется лечь на сеновале!

– То есть как? – удивилась моя бывшая – и кажется, нынешняя – соседка по комнате. – Там же неудобно, и труха...

– Ну, если нет свободных комнат, то что ж поделать? – пожалала плечами я. – К тому же если расстелить плотный плед, то будет вполне сносно.

– На сеновале, между прочим, свободного места тоже не осталось, – проворчал граф Ренье. – Разве что Гарри потеснится.

– Это мы всегда пожалуйста! – услужливо послышалось из-за двери. – Сдается мне, и вам, хозяин, там спокойнее будет. А то мало ли кто здесь покусится, покамест вы спите...

– Вот и отлично.

И я подтолкнула смирившегося со своей участью графа к выходу. По дороге он прихватил с собой пару вещей. Но в дверях остановился.

– Леди де Кресси, только один вопрос.

– Да-да, конечно.

– Это правда, что вы сбежали от жениха?

Такой поворот показался мне немного странным, но я все же ответила:

– Правда.

– Странно, – протянул Ренье. – Я ожидал бы, что это скорее жених сбежит от вас.

И, подхватив со спинки стула сюртук, наконец удалился.

Я выдохнула, испытывая чувство, крайне близкое к счастью. Покосилась сперва на ширму, за которой можно было скрыться с глаз Мейбл, а затем на вожденную ночную вазочку, призывно выглядывавшую из-под кровати все это время. Если Ренье не соизволил догадаться, что после столь долгого пребывания в сундуке она мне понадобится, и хотя бы ненадолго покинуть комнату, это на его совести. Пускай теперь ночует на сеновале.

* * *

Граф Рейнард Аттисон стоял у ворот пансиона Святой Матильды и вот уже целых десять минут размышлял, стоит ли ему входить и вновь просить свидания со своей невестой. Здравый смысл просто вопил, предлагая бежать прочь сломя голову. Интуиция же подсказывала, что задержаться все-таки не помешает. А граф Аттисон слишком много времени проводил при королевском дворе, чтобы научиться не пренебрегать интуицией.

К тому же, и он прекрасно отдавал себе в этом отчет, Рейнарду хотелось еще раз увидеть свою невесту. Что-то было такое в этой невысокой темноволосой девушке с золотистой кожей и темными, как спелые вишни, глазами, в глубине которых плясали искорки смеха. Рейнард даже предположил, что подобные мысли – действие магической клятвы, навеки связавшей его с юной соседкой по поместью, и, чтобы прояснить этот вопрос, отправил письмо придворному магу.

Ответ он получил сегодня утром. Почтенный старик в витиеватых выражениях уверял графа Аттисона, что магическая клятва лишь препятствует нарушению данного семьей жениха обещания и к

чувствам отношения не имеет. Приходилось признаться самому себе, что его просто тянет к этой девчонке.

Рейнард вздохнул и вновь посмотрел на дверь пансиона. Говоря откровенно, ему было любопытно, что эта абсолютно непредсказуемая девушка придумает на этот раз. Похоже, он даже начал получать определенное удовольствие от пикировок с невестой.

К примеру, граф готов был поклясться, что, пока Амелия разглагольствовала о своей смерти, ее глаза сверкали от тщательно сдерживаемого смеха. Рейнард вспомнил, как был ошарашен столь буйной фантазией, и расхохотался. Наверняка именно поэтому все соседи так старательно отводили глаза при расспросах и мямлили, что Амелия де Кресси – чуждая девочка.

Похоже, почтенные лорды неправильно ставили ударение. Или же они просто не могли оценить всю силу полета фантазии юной леди. Рейнард вновь усмехнулся, вспомнив собственное недоумение, и протянул руку, чтобы позвонить в колокольчик.

Дверь сразу же распахнулась, выпуская из недр пансиона уже немолодую женщину в сопровождении тучного мужчины, в котором граф Аттисон узнал любителя юных девушек мистера Годфри. За ними со слегка встревоженным видом следовала директриса пансиона, не то провожая, не то выпроваживая.

– Это ужасно! – пронзительно воскликнула женщина, разворачиваясь к директрисе. – Это просто вопиющее безобразие! Вы обязаны отыскать мою падчерицу!

– Действительно! – вторил ей мистер Годфри. – О какой репутации можно говорить, если у вас воспитанницы сбегают буквально одна за другой!

– Госпожа виконтесса, это просто недоразумение, – лепетала почтенная дама. – Уверяю вас, мы обязательно разберемся...

– Будьте так добры! Я заплатил немалые деньги, чтобы получить удобную себе жену, и что в результате? – пробасил мистер Годфри.

Его спутница лишь кивала и прикладывала к глазам носовой платок, изображая скорбь.

– Мы непременно разберемся. Возможно, мисс Фэйтон просто переволновалась перед свадьбой. Ну знаете, как это бывает...

Рейнард презрительно скривился. Он был в курсе слухов, которые ходили о мистере Годфри, торговце, желающем обрести через брак

дворянский титул, и изо всех сил сочувствовал девушке, которую вынуждали выйти замуж за это ничтожество.

– Как я понимаю, Амелия де Кресси тоже переволновалась? – язвительно отозвалась дама. – Не зря же она тоже сбежала?

Рейнард нахмурился и поспешно шагнул в тень, чтобы не привлекать внимания.

– Откуда вы знаете? – директриса побледнела еще сильнее.

– Я видел ее недавно. В «Оазисе», – сообщил мистер Годфри. В голосе толстяка сквозило снисходительное превосходство. – Юная леди уверяла меня, что сбежала от ненавистного жениха и собирается выйти замуж за графа Ренье. Девушка была спрятана в сундуке, чтобы соблюсти тайну! Слышали вы когда-нибудь о таком падении нравов?

При упоминании имени покровителя Амелии Рейнард сжал кулаки. В висках застучала кровь. Но он взял себя в руки и весь обратился в слух.

– Они даже живут в одной комнате! – все еще возмущался мистер Годфри. – При этом мальчишка имел наглость угрожать мне шпагой!

Граф Аттисон с удивлением понял, что странный звук – это скрежет его собственных зубов. Он с трудом сдержался, чтобы не выскочить из тени и схватить толстяка за воротник, дабы вытрясти полную информацию. Сделав над собой усилие, он дождался, пока мистер Годфри и леди Фэйтон удалятся на значительное расстояние, и лишь затем резко дернул веревку колокольчика.

Дверь медленно, словно нехотя, отворилась. Решительно отстранив привратника, граф Аттисон шагнул внутрь, легко догнал директрису и тоном, не терпящим возражений, произнес:

– По-моему, нам с вами необходимо поговорить о моей невесте.

Глава 6

Утро вечера мудренее

Мейбл

Как только за Этьеном захлопнулась дверь, Амелия коршуном кинулась к ночному горшку с воплем:

– Ну наконец-то!

– Уборная – в конце коридора, – на всякий случай проинформировала я соседку.

– Ты – святая! – Она тотчас же исчезла за дверью, а я опустилась на кровать и задумчиво подперла голову рукой. События развивались слишком стремительно, и я окончательно запуталась, что же теперь делать.

К тому же получалось, что именно я способствовала побегу Амелии из пансиона. И хотя то, что мы сбежали вместе, придавало происходящему хотя какое-то подобие респектабельности, последствия могли оказаться весьма плачевными для обеих.

– Ох, Мейбл, как здорово, что мы с тобой сбежали! – Амелия вновь появилась в комнате. Ее лицо просто сияло от радости. – Будет что рассказать девочкам, когда вернемся!

Такая перспектива меня не обрадовала.

– Знаешь, мне кажется, что для меня возвращение – не лучшая идея, – призналась я.

Соседка задумалась и кивнула.

– Это верно, – со вздохом согласилась она, присаживаясь рядом. – Этот толстый старик не отступится, у него на лице все написано.

– Да и мачеха... – Я махнула рукой. – Нет, мне лучше продолжить свой путь. А вот тебе, конечно, необходимо вернуться, пока слухи не достигли ушей твоего жениха.

– Графу Аттисону все равно. – Настала очередь Амелии отмахнуться. – И мне кажется, что он с удовольствием расторгнет помолвку со мной.

– Но твоя репутация пострадает, – возразила я.

– Не думаю. Я – богатая наследница, и если сбежала с подругой, чтобы помочь ей добраться до... кстати, а куда ты собиралась

добраться?

– На Западную заставу. – Я больше не видела причин скрывать это от Амелии.

– Помочь добраться на Западную заставу, – послушно повторила она, – то почему бы и нет?

– А как в это все вписывается Этьен?

– Этьен?

– Граф Ренье.

– Ты называешь его по имени? – встрепенулась Амелия, с интересом посматривая на меня.

Я слегка смутилась.

– Да. А что в этом такого?

– Ничего... – Глаза соученицы лукаво поблескивали. – В конце концов, он молод, привлекателен и, судя по всему, достаточно обеспечен...

Вот тут я рассердилась:

– Амелия, немедленно прекрати эти намеки! Я не собираюсь выходить замуж за графа Ренье лишь потому, что он помог мне в трудную минуту и позволил обращаться к себе по имени!

– Ну и зря! – отпарировала та. – Уверю тебя, счастливые браки начинались и с меньшего!

– Вот как? Сама-то ты не стремишься выйти замуж за своего жениха!

– Потому что он...

– Что? – Я прищурилась. – Только не говори, что он слишком стар для тебя.

– Нет... не стар...

– Тогда я, право слово, не понимаю, почему ты так упорствуешь! Неужели просто из духа противоречия?

– Нет... – Амелия смутилась. – Понимаешь... Граф Аттисон... он ведь даже не потрудился узнать, как я выгляжу. Что ему стоило встретиться со мной до бала, чтобы познакомиться?

– Может быть, он узнал о помолвке совсем недавно, как и ты? – предположила я.

Амелия покачала головой.

– Он знал о ней очень давно, но не придавал значения, – с грустью поведала она.

– Возможно, просто считал тебя слишком юной...

– За эти семнадцать лет он ни разу мной не поинтересовался. Не спросил, что я думаю или чувствую. Да и на бал явился лишь потому, что срок принесенной клятвы истекает и если он не женится, то лишится...

– Чего? – я невольно подалась вперед, слишком уж зловеще звучал голос моей соседки.

– Точно не знаю, – призналась Амелия. – И гувернантка, и мама, и даже отец всякий раз краснели, когда я задавала этот вопрос. Но, видимо, чего-то очень важного. – Она вздохнула. – Знаешь, графиня Аттисон много времени проводит в столице, но и в поместье нередко приезжала. Мы сидели на веранде, пили чай, и она рассказывала о своем сыне. Какой он умный, красивый, благородный... Откуда же мне было знать, что все эти разговоры бессмысленны, а его даже мое платье интересует больше, чем я сама...

Амелия с несчастным видом вновь прикусила губу. Сейчас она меньше всего напоминала веселую избалованную девчонку, какой я привыкла ее видеть. Повинуясь порыву, я сжала ей руку:

– Поверь, узнав тебя поближе, граф Аттисон может переменить свое мнение.

– Узнав меня поближе, он предпочтет радоваться, что так удачно избавился от неуютной невесты! – хмыкнула соученица, вновь обретая обычное расположение духа. – Скажи, а здесь кормят?

– И вполне прилично, – уверила я, вставая, чтобы отдать распоряжение принести в комнату ужин для Амелии.

Признаться, мы обе очень устали и потому после ужина сразу устроились в кроватях. Амелия заснула, а я все ворочалась. Тревожили мысли об Этьене, вынужденном ночевать на сеновале. Должно быть, там гуляют сквозняки, лежать неудобно и жестко, да и народу вокруг полно. Тот же Гарри наверняка храпит! Человек знатного происхождения к такому точно не привык.

В конце концов я все-таки задремала, чтобы по привычке проснуться с колокольным звоном: в соседнем селе прихожане спешили к утренней службе.

Амелия все еще сладко спала, подложив ладонь под щеку, а я решила спуститься в общий зал, где царил суета. Не заметив там знакомых лиц, вышла из здания, и ноги сами привели меня на сеновал.

Этьен не обнаружился и там. Хмурый Гарри как раз чистил лошадей, когда я подошла узнать, где его хозяин.

– За ворота ушел, куда – не знаю, – буркнул кучер. – Глаза б мои его не видели! Это же надо так храпеть!!!

подавив невольный смешок, я направилась прочь.

Стоило отдалиться от ворот «Оазиса» всего на десяток шагов, как слух начал отдыхать от беспрестанного шума – людских возгласов, лошадиного ржания, лая собак, звона посуды... Здесь было, конечно, не пустынно, но значительно тише и спокойнее.

Этьен сидел на груде сосновых бревен, накинув сюртук на плечи (неожиданно теплая погода действительно не требовала большего), и подбрасывал на ладони маленький камушек. Немного подумав, я приподняла юбки и вскарабкалась к нему. Это казалось безопасным, поскольку бревна были достаточно широкие. Села рядом. Он покосился на меня, приветливо улыбнулся и продолжил свое занятие.

– Спасибо, – сказала я, тронув его за рукав. – За то, что не выдал меня вчера.

Камешек на миг замер в руке и снова взлетел в воздух.

– Обращайся.

– Почему ты так поступил?

Этьен не без удивления воззрился на перехваченный мной трофеей. Серый, с красными прожилками и неровными краями. Простой, в наших местах таких немало, но красивый.

– А почему бы нет?

– Ну, я ведь тебе солгала.

В серых глазах заиграли смешинки.

– А вдруг я тоже?

Вытащив камушек из моей раскрытой ладони, Этьен возвратился к прежнему занятию.

– И потом, ты просто был совершенно не обязан.

– Точно. А ты была не обязана поправлять мое материальное положение при помощи фамильного перстня.

– А ты был не обязан пускать меня в свою карету.

– Ошибаешься. Я же не мог постирать твой плащ!

– Он не мой, – покаялась я. – Это плащ нашей горничной. Я взяла его, чтобы сбежать из пансиона.

– То-то я думал, что ты какая-то странная. Манеры дворянки, туфли тоже, а плащ как будто с первой попавшейся девицы сняла.

Я хмыкнула, вспоминая собственную мысль про его фрак. Но тут дело было, конечно, не в конспирации, а в моде, которая диктует порой весьма своеобразные правила.

– Ну, дворянка я теперь так, только если для красного словца приплести. В бегах аристократизм не очень-то ощущается.

– Он везде ощущается, – не согласился Этьен. – Хоть тысячу раз попытайся стать настоящей горничной или лавочницей – не выйдет. Это в крови.

– И все равно, – не сдавалась я. Думать о собственной судьбе не хотелось, а вот понять до конца мотивы спутника – очень даже. – Если бы меня обнаружили, это могло плохо сказаться на твоей репутации.

Тут произошло нечто странное. Этьен запрокинул голову и неприлично громко расхохотался. Даже камушек перестал подбрасывать. Я с немалым скептицизмом наблюдала за этим приступом веселья.

– Ты не слишком много знаешь о моей репутации, – отсмеявшись, пояснил он. – Может, она такая же пятнистая, как шкура леопарда.

– Да ладно, не бахвалься, – отмахнулась я. – Что ты уже мог такого страшного совершить? Ну, игрок! Ну, деньги легко тратишь! Так этим почти все высшее общество грешит. Хотя знаешь, если ты позволишь, я бы все-таки хотела кое-что сказать...

Я покосилась на него с сомнением: стоит ли озвучивать то, что не давало мне покоя? Но Этьен, кажется, приблизительно догадывался о сути моих мыслей и добродушно призвал меня продолжать.

– Видишь ли... Это совершенно не мое дело, я знаю, и ты можешь в любой момент мне об этом напомнить. Это просто один маленький совет. Не потому, что я умнее, или опытнее, или что-то подобное, вовсе нет, просто со стороны иногда виднее. – Я поняла, что предисловие затянулось и с ним пора заканчивать. – Тот человек, с которым ты играл. Точнее, один из них. Такой... невысокий, шатен.

– Которому я теперь должен приличную сумму, – подхватил Этьен.

– Он самый. Так вот, мне кажется, он специально подводил тебя к проигрышу. Я даже не удивлюсь, если он в этом деле профессионал. Каждый раз, когда ты готов был остановиться, он подливал тебе вина и

осторожно уговаривал продолжать. Ты просто, если снова станешь играть, будь с ним осторожен. Ладно?

Он широко улыбнулся и по-мужски протянул мне руку:

– Договорились.

Я невольно улыбнулась в ответ и коснулась пальцами его ладони. Рукопожатие оказалось крепким и в то же время нежным, словно Этьен боялся сделать мне больно.

Пару мгновений мы сидели, не отрывая друг от друга глаз, а потом он вдруг привлек меня к себе. Наши губы соприкоснулись, голова моя закружилась. В ускользающем сознании промелькнула мысль, что этот поцелуй – куда более желанный, чем тот, которым меня столь щедро одарил жених соседки по комнате.

Не знаю, сколько длилось это блаженство, но в чувство нас привело деликатное покашливание за спиной Этьена.

– Вы бы это, хоть на сеновал пошли, что ли, – проворчал Гарри, – а то вас аккурат из окон видать.

Я ойкнула, а Этьен нахмурился.

– Из окон – это, конечно, плохо, – пробормотал он и добавил чуть громче: – Леди Фэйтон, позвольте я вас провожу?

– На сеновал? – уточнил дотошный Гарри.

– На постоянный двор, разумеется, – грозно сверкнул глазами Этьен.

– Да, конечно, – кивнула я, все еще прислушиваясь к своим ощущениям.

Целоваться с почти незнакомым человеком, к тому же мотом и картежником, было, конечно, не слишком благоразумно, но стыда я не испытывала. Я украдкой посмотрела на своего провожатого, гадая, как сам он относится к нашему поцелую.

Граф Ренье недовольно хмурился, из чего я заключила, что ему не слишком понравилось, и тоскливо вздохнула.

– Что ты собираешься делать дальше? – предпочел нарушить неловкое молчание Этьен.

– Прости? – Я с трудом поняла, что он говорит не о поцелуе. – А, ты про мой побег...

Волшебство моментально развеялось, и я основательно задумалась. Было понятно, что мистер Годфри так просто не отступится, следовательно, о моем возвращении в пансион можно

забыть. Оставалось либо продолжить путь к родственнице, которая то ли примет меня с распростертыми объятиями, то ли выставит за дверь, либо... Второе «либо», с одной стороны, нравилось мне гораздо меньше, но, с другой, давало самостоятельность и средства к существованию, потому я озвучила свою мысль вслух.

– Наверное, мне имеет смысл добраться до столицы и дать объявление о гувернантке.

– Тебе нужна гувернантка?

Этьен даже споткнулся от неожиданности.

– Нет, но я сама могу стать либо компаньонкой, либо гувернанткой, – пояснила я.

– Ах, вот оно что. – Он взглянул на меня с какой-то тоской в глазах. Как будто сам мечтал завести гувернантку, но ему не позволяли обстоятельства. – Ты уверена, что это так уж необходимо?

– Ну... я, конечно, не слишком горю желанием, но... – я отвернулась и упрямо закончила: – Я не выйду замуж за мистера Годфри.

– Ясно.

Этьен не стал продолжать расспросы, за что я ему была бесконечно благодарна.

Мы поднялись на второй этаж и подошли к дверям нашей комнаты. Я постучала.

– Кто там? – раздался звенящий от напряжения голос Амелии.

– Открой, это я.

Дверь распахнулась, и соседка возникла на пороге. По ее виду было заметно, что она очень взволнована.

– Мейбл, ну наконец-то! – прошипела она, буквально втаскивая меня в комнату. Дверь Амелия оставила открытой, что было расценено Этьеном как позволение войти следом. – Послушай, не хочу тебя пугать, но здесь полно шпионов твоего мистера Годфри!

– Он не мой, – машинально отозвалась я, отнимая руку и демонстративно растирая запястье, – и с чего ты взяла, что это именно люди Годфри?

– С того, что, когда я спустилась в зал, один из них встал в дверях, делая вид, будто рассматривает связки чеснока, а второй подсел рядом и начал выпытывать, с кем я приехала. Пришлось сказать, что с

женихом и что сегодня он нанял мне компаньонку, поскольку хочет соблюсти приличия.

– Звучит вполне разумно, – отозвался Этьен.

– Если вы не заметили, я вообще разумная особа, – отозвалась Амелия. Судя по взгляду графа Ренье, он этого действительно не заметил, но озвучивать свои мысли не стал. Соседка тем временем продолжила: – В общем, я уверила этих шпиков, что в ближайшее время мы будем жить здесь, а сама нашла вашего кучера и приказала срочно собирать вещи!

Судя по торжествующему взгляду, Амелия была очень горда собой.

– Э-э-э... Зачем? – поинтересовался Этьен, явно не понимая, как себя вести со столь напористой особой.

– Разумеется, затем, что мы немедленно уезжаем! Опознать Мейбл – дело пары дней, и нам необходимо замести следы!

Я с сомнением посмотрела на Амелию.

– И как же ты думаешь их заметить?

– Очень просто! Мы отправимся в столицу! – воодушевлению соученицы не было предела. – Там мы сможем остановиться у моей тетушки. Конечно, она – дама строгих правил, но никогда не была замужем и сможет нас понять, как никто другой!

«Или выдать опекунам», – подумалось мне, но вслух я произносить этого не стала, а лишь спросила:

– Хорошо, но как ты собираешься добраться до...

– Полагаю, граф Ренье окажет нам помощь, – Амелия ослепительно улыбнулась и повернулась к Этьену. – Вы же благородный человек и не оставите двух девушек, попавших в беду?

Она старательно, как нас учили в пансионе, взмахнула ресницами и умоляюще сложила ладони. Вопреки ожиданиям, Этьен вздрогнул, его глаза опасно сузились.

– Пока что я не заметил, чтобы вы, леди де Кресси, попали в беду, – отрезал он. – Судя по всему, вам просто надоело сидеть за партой и вы решили пуститься во все тяжкие!

– Так и знала, что эти ужимки не работают, – махнула рукой Амелия. – И за что только мои родители платили деньги?!

Она задумчиво прикусила губу и продолжила совершенно другим тоном:

– Хорошо, тогда давайте поговорим по-деловому, без всех этих глупостей!

– Я весь внимание!

Граф Ренье, похоже, даже заинтересовался, что же еще ему может предложить эта девчонка.

– Из вчерашнего разговора я поняла, что вы – игрок.

Я покраснела и взглянула на Этьена, сожалея, что невольно выдала его страсть. Но он лишь усмехнулся:

– Вам никто не говорил, что нехорошо подслушивать чужие разговоры?

– У меня не было выбора, я же находилась в сундуке, – напомнила ему Амелия, ничуть не смущенная упреком.

– И вам, конечно, никто не говорил, что нехорошо залезать в чужие сундуки? – язвительно осведомился граф Ренье.

– Во-первых, представьте себе, нет. Мои родители как-то об этом не подумали. А во-вторых, вам же никто не сказал, что нехорошо похищать незамужних девушек и делить с ними комнату, – отпарировала Амелия.

Несколько секунд они мрачно смотрели друг на друга, потом Этьен напомнил:

– Вы, кажется, говорили о деловом предложении... – Он покачал головой, заметив блеск в глазах собеседницы. – Не думайте, что я уже согласился, мне просто интересно, куда заведет вас ваша неумная фантазия.

Амелия надула губы и собиралась обидеться, но практичность все же победила.

– Как вы уже поняли, я – богатая наследница!

– Я этого не знал, но спасибо за ценную информацию.

– Так вот, – продолжала девушка. – Уверяю вас: если вы отвезете нас к моей тетушке в столицу, я свяжусь с поверенными нашей семьи, чтобы вам выплатили приличное вознаграждение.

– Или же предъявили обвинение в похищении. – Предложение Амелии явно не произвело желаемого эффекта. – И либо заставили на вас жениться, либо уперли в тюрьму... Причем я не знаю, которое из этих двух зол – худшее! Так или иначе, я готов отвезти вас туда, куда требуется, без всякого вознаграждения. Тем более что столица – это как раз нужное мне направление. Но мы должны будем задержаться

здесь еще на несколько часов. Для вас это время ничего не изменит, а у меня остались незавершенные дела.

Не знаю, насколько искренним Этьен был утром, когда пообещал мне соблюдать осторожность, но вскоре он вновь спустился к карточным столикам, и игра, увы, закончилась для него так же плохо, как и предыдущей ночью. С той лишь разницей, что теперь шансов взять реванш не оставалось. С победителем следовало рассчитаться здесь, в «Оазисе». А вскоре мы вчетвером, вместе с Амелией и Гарри, покинули постоянный двор, в целом по-своему гостеприимный.

Правда, атмосфера в коридорах оказалась несколько суматошной. Туда-сюда сновали слуги с взволнованными лицами. Окликнув одного из них, я выяснила, что из комнат пропал постоялец. Дескать, вещи на месте, деньги тоже, лошадь в конюшне, а человек будто сквозь землю провалился. После непродолжительных расспросов стало понятно, что речь идет о том самом игроке, что на протяжении двух вечеров обчищал Этьена за карточным столиком. С едва уловимым чувством душевного дискомфорта я поспешила нагнать своих спутников.

Амелия

Как мне ни хотелось после встречи с сыщиками убраться поскорее из негостеприимного постоянного двора, пришлось смириться с задержкой. Без графа Ренье у нас с Мейбл было мало шансов благополучно добраться до столицы.

Я с трудом выносила это многочасовое ожидание, особенно когда поняла, что оно вызвано лишь желанием нашего спутника взять реванш в картах.

– Неужели этот тупица еще не понял, что выиграть в карты можно лишь в одном случае: когда ты не играешь? – спросила я у Мейбл.

Та пожала плечами:

– Откуда мне знать?

– Ну ты хотя бы можешь сказать ему это. Тебя он послушает!

Девушка устремила на меня один из этих своих раздражающе задумчивых взглядов:

– С чего ты взяла?

– Я не слепая и вижу, как он на тебя смотрит!

– И как же он на меня смотрит?

– Так, словно влюблен.

Я не стала вдаваться в подробности и описывать «пламенеющие взгляды», как нам рекомендовали в пансионе. Вообще за последние сутки я поняла, что пансион слишком отстал от жизни. Во всяком случае, их методы не работали.

– Глупости, – обрубил Мейбл.

– Вовсе нет, – настаивала я. – Знаешь, хотела бы я, чтобы хоть кто-нибудь посмотрел на меня таким взглядом!

– А если это будет конюх? – скептически поинтересовалась соседка по комнате.

Я вздохнула. Вот умеет же она разрушить мои мечты. Любовь с конюхом в них явно не входила. В имении я слишком много времени проводила на конюшнях и прекрасно знала, что конюхи, как правило, маленькие, щуплые и грязно ругаются, когда думают, что господа их не слышат.

Я даже заучила несколько особо забористых ругательств, но так и не смогла ими воспользоваться – в моих устах они звучали крайне смешно и по-детски глупо.

– Если это будет конюх, я прикажу ему держаться от меня подальше, – отчеканила я, заметив, что Мейбл все еще ждет ответа.

Та лишь хмыкнула, отчего у меня окончательно упало настроение. Я даже почти пожалела, что вместо пансиона нахожусь на постоялом дворе, в комнате, где полы сомнительной чистоты, а простыни на кроватях не накрахмалены и не выглажены.

Появление графа Ренье слегка подняло мне настроение, даже несмотря на то, что вид он имел чересчур беспечный. По всей видимости, опять проиграл.

Заметив, что Мейбл смотрит на графа с сочувствием, я закатила глаза, но комментировать не стала, опасаясь лишних проволок.

– Вы готовы? – осведомился он.

– Да, конечно. – Мейбл подхватила плащ и, в свою очередь, повернулась ко мне. – Амелия?

– Я готова была уехать отсюда еще несколько часов назад, – проворчала я, направляясь к дверям.

В коридоре царил суматоха. Из коротких реплик, которыми обменивались слуги, я уяснила, что не то у постояльца что-то пропало, не то он сам куда-то пропал. В общем, у хозяина явно остались не самые приятные воспоминания о госте.

Я хотела расспросить слуг подробнее, но тут из-за двери выглянул один из тех людей в черном, что расспрашивали меня о леди Фэйтон сегодня утром, и я поспешила выйти на крыльцо.

Гарри уже запряг карету и теперь стоял, придерживая серых коней, при виде которых я просто обмерла от восхищения.

Еще тогда, прыгая в сундук, я отметила, что у незнакомца, похищавшего Мейбл, прекрасные кони, но темнота, противный дождь и прочие обстоятельства помешали мне рассмотреть и по достоинству оценить этих животных.

Высокие, костистые, с горделиво изогнутой шеей и лоснящимися боками, они были просто прекрасны.

Не помня себя от восторга, я подошла к ним и протянула руку. Один конь фыркнул и потянулся к моей ладони.

– Эй, осторожнее, мисс! Это не котенок! – окликнул меня кучер.

Я обернулась:

– Представьте себе, я знаю, что такое лошадь!

Конечно, стоило ответить нахалу более резко, но ради знакомства с такими конями я готова была стерпеть даже резкость возницы.

– Сомневаюсь. Они кусаются, лягаются и могут укусить, – проинформировал меня Гарри.

– Вижу, у вас в этом большой опыт, – отпарировала я, намекая, что кучеру наверняка не раз доставалось копытом. – Впрочем, неудивительно, что животные вас не любят, с таким-то характером!

– Ежели вам не нравится мой характер, можете пешком до столицы топать! – отозвался кучер. – А то такие, как вы, мисс, только и могут, что восседать в фаэтоне, прикрываясь зонтиком!

– Неужели? – процедила я сквозь зубы, основательно разозленная замечанием кучера. – Да хоть сейчас готова доказать, что управлюсь с этими серыми ничуть не хуже, а может быть, даже и лучше, чем ты!

– Вы-то, может, и готовы, а вот я точно не готов отдать поводья женщине! Да вы даже через ворота не проедете, не поцарапав экипаж!

– О! – Я скептически посмотрела на мелкие царапины, украшавшие бока кареты. – Похоже, кто-то судит о других по себе!

– Что? – взревел Гарри. – Да я... да я никогда... милорд, подтвердите!

– Что я должен подтвердить? – поинтересовался, подходя к нам, граф Ренье.

– Что я всегда аккуратно проезжаю через ворота!

– А откуда тогда царапины на боках кареты? – я возмущенно ткнула пальцем в компрометирующие кучера доказательства его оплошностей.

– Действительно, царапины, – кивнул граф. – Может, веткой задело?

– Или столбом... знаете, такие, на которых крепятся ворота? – невинно заметила я, ехидно посматривая на кучера.

Тот вновь открыл было рот, чтобы выдать возмущенную тираду, но тут к нам подошла Мейбл.

– Что случилось? – она посмотрела на Ренье.

Тот мгновенно улыбнулся и подал ей руку, помогая сесть в экипаж, потом с обреченным выражением лица повернулся ко мне. Я прикусила губу: как это ни претило всем принципам благопристойности, но Мейбл следовало дать шанс.

– Знаете, я бы хотела поехать рядом с вашим кучером и посмотреть, как он правит лошадьми. В прошлый раз мне показалось, что карету потряхивает на ухабах.

Я одарила кучера одной из своих самых ослепительных улыбок. Он вздрогнул и сложил пальцы в фигуру от сглаза.

– Свят, свят, свят! Хозяин, если она полезет на козлы, то дальше вы едете без меня! – воспротивился Гарри.

– Невелика потеря, – меланхолично отозвалась я. – Заодно и трясти экипаж будет меньше.

– Ну уж нет! – безапелляционно заявил граф. – Леди де Кресси, садитесь в карету! Или я закрою вас в сундуке!

Сундук, кстати, был вновь крепко-накрепко привязан на запятках экипажа. На этот раз ремни предусмотрительно обхватывали крышку, чтобы никто не смог пролезть внутрь. При воспоминании о часах, проведенных в темноте и тесноте, я невольно поежилась.

Этьен проследил за моим взглядом и многозначительно приподнял брови. Пришлось презрительно хмыкнуть в ответ.

– Что у вас происходит? – Мейбл выглянула из экипажа.

– Ваша подруга намеревается ехать с моим кучером на козлах.

– Амелия, ты все-таки влюбилась в конюха?

Мы с Гарри испуганно переглянулись и одновременно замотали головами.

– Я не самоубийца! – заявил Гарри.

– Я лишь хотела убедиться, что этот тип не перевернет нас по пути! – Я с вызовом взглянула на кучера.

– Не думаю, что такое случится, – беспечно откликнулась Мейбл. – А вот тебе лучше ехать внутри кареты, ведь собирается дождь!

Я хотела возразить, что дождь мне не страшен, но холодная капля упала на нос, и я лишь пожала плечами. Путешествовать действительно лучше с комфортом. А если эти двое так глупы, что не желают пользоваться моей добротой, то это их право. Потому я послушно села рядом с Мейбл, а граф Ренье занял место напротив нас.

Гарри захлопнул дверцу, вскочил на козлы, и мы покинули «Оазис».

Глава 7

Дуэль вчетвером

Амелия

Трясаясь в карете, мы не имели возможности следить за тем, что происходило снаружи. Стук копыт запряженной в экипаж пары, окрики Гарри, равномерное поскрипывание колес – все это заглушало прочие звуки. К тому же Мейбл обменивалась с нашим спутником негромкими дежурными фразами, а я многозначительно молчала, делая вид, что смотрю в окошко и люблюсь унылым дождливым пейзажем. Если этим двоим комфортно лишь в присутствии дуэньи, ну что поделывать?

Во всяком случае, граф Ренье отличал Мейбл от меня, даже несмотря на одинаковые плащи, которые мы раздобыли на постоялом дворе, чтобы не привлекать внимания шпииков. Эти воспоминания вернули меня к унылым размышлениям о собственной судьбе, поскольку – а в этом я была абсолютно уверена – моя тетушка никогда не допустит, чтобы я отказалась от выгодного, по всеобщему мнению, брака.

Так что мы ни о чем бы не заподозрили, если бы кучер не заговорил с хозяином через магическую трубку.

– Милорд, тут, похоже, за нами увязался всадник.

Мы с Мейбл испуганно переглянулись, а граф Ренье придвинул к себе шпагу:

– Какой всадник?

– А мне почем знать? Высокий. В шляпе.

Мы переглянулись, и я покачала головой: оба шпиика, которых я видела, были среднего роста.

– Один? – на всякий случай уточнил Этьен.

– Один-одинешенек.

Граф заметно расслабился.

– Ну так мало ли что. Просто по пути человеку. Тракт-то не в нашей собственности, мы его не покупали. Пускай себе едет.

– А не скажите, милорд, – возразил Гарри. – Дорога, может, и общая, да только этот уже второй раз на перекрестье точнехонько за

нами поворачивает. Конь у него приметный, вороной. Усталый, правда, оттого до сих пор и не нагнал. Но, думается мне, осталось недолго. А вот его и снова видать.

Этьен высунулся в окошко, но, похоже, ничего таким образом не разглядел.

– Приближается? – спросил он, вновь проверяя, насколько быстро и легко шпага выходит из ножен.

– Так точно, – по-военному отозвался слуга. – И, сдается мне, видал я уже этого жеребца, правда давнехонько. Да и хозяин его – личность довольно приметная.

– Значит, вороной, говоришь? – хмурясь, переспросил граф Ренье: судя по тону, и у него возникли какие-то подозрения. – Останови-ка. Похоже, мне нужно побеседовать с этим любителем путешествий и вороных коней.

– Вы знаете этого человека? – оживилась я. Мейбл лишь бросила на нашего спутника вопросительный взгляд.

– Скажем так: я предполагаю, кто это.

Тем временем Гарри повиновался, и карета остановилась. Граф Ренье стремительно распахнул дверцу и соскочил на обочину. Мы с Мейбл переглянулись.

– Пойдем! – Я мотнула головой в сторону распахнутой двери.

– Думаешь, от нас этого ждут? – соседка скептически посмотрела на морозящий снаружи дождь.

– Нет, конечно, но ты же не хочешь пропустить все самое интересное?

В глазах Мейбл блеснул огонек любопытства.

– Пожалуй, ты права!

Мейбл

Путешествие оказалась гораздо более приятным, чем я ожидала. Странно, но Амелия молчала, делая вид, что рассматривает капли дождя на оконном стекле. Я даже обеспокоилась, не заболела ли она, но спрашивать не стала, не решаясь нарушить доброжелательную атмосферу, царившую в карете.

Сообщение Гарри о преследователе прозвучало как гром среди ясного неба. Я вздрогнула, опасаясь, что это все-таки люди мистера

Годфри, но Амелия развеяла мой страх, а уж предположения Этьена о знакомстве со всадником и вовсе успокоили.

Я понимала, что нам лучше оставаться в экипаже, но любопытство победило, и я последовала за Амелией. Мы выбрались наружу как раз в тот момент, когда наш преследователь спешил.

При виде знакомой фигуры я расширила глаза от удивления, а Амелия тихо ахнула и невольно отступила обратно к карете. Ибо вороного коня взял под уздцы не кто иной, как граф Рейнард Аттисон.

– Добрый день. – Он внимательно посмотрел на нас и чуть наклонил голову. – Леди де Кресси.

– Счастлива лицезреть.

Амелия присела в заученном реверансе со столь же заученной улыбкой на лице.

– Здравствуйте, Мейбл, – более доброжелательно поприветствовал меня граф.

– Рада вас видеть.

Я говорила искренне, и кажется, меня готовы были придушить за это как подруга, так и Этьен.

– Какая неожиданная встреча, граф Аттисон! – Этьен сделал шаг вперед, сложил руки на груди, на время позабыв о пристегнутой к поясу шпаге, и сверлил вновь прибывшего не самым дружелюбным взглядом.

– Рад видеть вас в добром здравии, граф... Ренье? – процедил тот сквозь зубы. – Пока что в добром.

На Этьена скрытая угроза не произвела никакого впечатления. Он мрачно оглядел преследователя.

– Чем обязан чести вас лицезреть?

– Всего лишь обстоятельствам, – продолжил граф Аттисон, ничуть не более приветливо. – Вижу, вы путешествуете в теплой компании?

– Всего лишь помогаю двум юным леди, попавшим в беду.

Рейнард скептически изогнул бровь и неожиданно перешел на неформальное обращение:

– С каких это пор тебя начали интересоваться леди, попавшие в беду? Заметь, я даже не спрашиваю, по каким именно признакам ты определил, что они в беде и нуждаются в твоей помощи!

Мы с Амелией тревожно переглянулись.

– Послушайте, граф Ренье действительно помог нам! – возмутилась Амелия.

Жених смерил ее строгим взглядом.

– Сбежать из пансиона?

– Я не сбежала! – запальчиво возразила Амелия, но, бросив на меня быстрый взгляд, осеклась. – И вообще, как вы умудрились обнаружить мое отсутствие? Там же все воспитанницы в одинаковых платьях!

– Ни одно из них не было белым, – хмыкнул Рейнард. – Вот я и решил, что вы сбежали и прихватили его с собой, дабы надеть, когда будете умирать от тоски, и направился вслед, чтобы успеть на отпевание.

Мы с Этьеном недоуменно нахмурились, а Амелия возмущенно засопела.

– Вынуждена разочаровать вас, граф, – холодным тоном произнесла она. – Слухи о моей кончине слегка преувеличены.

– Просто для них не было повода, – в тон ей ответил Рейнард и многозначительно добавил: – Пока что.

Мы с Этьеном переглянулись. Диалог этих двоих приобретал все более личностный оттенок.

– Может, оставим их разбираться, а сами продолжим путь? – шепотом предложил граф Ренье.

– Не знаю, – так же тихо ответила я. – Неудобно как-то. Ведь Амелия попала в эту авантюру из-за меня.

– А нечего совать нос куда не просят, – еле слышно пробормотал Этьен, но остался стоять рядом со мной.

– Выходит, вы мечтаете о моей смерти?

Соученица буквально кипела от возмущения.

– Конечно, но только после свадьбы, так я смогу заполучить ваше приданое! – насмешливо отозвался Рейнард.

– Кузен, хватит! – вмешался Этьен, чем привел нас с Амелией в изумление.

– Погодите, так вы что же, родственники?! – выдохнула она.

– Весьма дальние, – хором ответили мужчины, враждебно покосившись друг на друга.

– И оба – графы?

– Оба, – кивнули те.

– Какой ужас! – воскликнула Амелия.

Может быть, она искренне удивилась, а может, специально выждала момент, чтобы немного понизить градус напряженности. С этой девушкой трудно утверждать что-либо однозначно.

Странно, но уловка сработала. Мужчины перестали сверлить друг друга неприязненными взглядами и повернулись к Амелии.

– Ужас? – переспросили они почти хором.

– Конечно, кого ни встретишь, тот граф. Этак у нас скоро и простых людей на трактах не останется!

– А вы прогуляйтесь по дороге до соседней деревни, – елейным голосом предложил Рейнард. – Если вам так хочется быть ближе к народу.

– Рейнард, вообще-то это может быть опасно, – вмешался Этьен. – Молодая девушка, одна...

– Опасно для простого народа? Действительно, как это я не подумал! – граф Аттисон обернулся к невесте. – Ну так как, Амелия, вы идете на поиски?

– И не подумаю, – моя соседка изобразила оскорбленную невинность. – Там мокро, и я могу заболеть!

– И тогда точно умрете! Я так и представляю вас: молодую, красивую, лежащую на кровати в белом платье, надеюсь, вы прихватили его с собой? – ехидно уточнил Рейнард.

Вот далось ему это платье!

Амелия обиженно надулась и демонстративно отвернулась от насмешника.

– Ну а теперь, когда мы выяснили, что леди де Кресси не собирается идти в народ, почему бы нам всем не отправиться куда-нибудь в более сухое место и спокойно поговорить? – подозрительно миролюбиво произнес граф Аттисон.

– Поговорить? – Этьен изогнул бровь. – Уж прости, я тороплюсь и не намерен вести с тобой беседы!

– Поверь, я тоже не горю желанием общаться с тобой, кузен, но раз уж наши пути пересеклись...

– Заметь, не я тому виной!

– Именно ты.

– А мне казалось, это ты нагнал нашу карету, будто разбойник с большой дороги.

– Издеваешься? – процедил сквозь зубы Рейнард. – Ты отлично знаешь, что я не мог поступить иначе! А вот я, признаюсь, был удивлен. Не ожидал от тебя столь бесчестного поступка. Как видно, с годами ты осваиваешь школу подлости и интриг.

– О да, я и правда прошел прекрасную школу. – Этьен старался говорить спокойно, но я видела, как гневно он вскинул голову в первый момент. – И что тебя так удивило? Слово «честь» для меня – пустой звук, об этом осведомлен не только ты, но и его величество.

– С тех пор прошло несколько лет! – На лице Рейнарда была написана крайняя степень раздражения. – Ты давно мог возвратиться ко двору и купаться в привилегиях. Но нет, тебе не позволила мальчишеская гордость! Катаешься по Богом забытым местам вместо того, чтобы приносить государству настоящую пользу. Если хочешь знать, твое бесчестие король ценит куда выше, чем многочисленные заслуги иных вельмож.

Я, затаив дыхание, прислушивалась к разговору и старалась не пропустить ни слова. Хотя, скажем прямо, мало что понимала. Гордость Этьену действительно была свойственна, и мне было ясно, что в представлении такого человека, как Рейнард, она могла сойти за мальчишескую. Но о каком давнем событии идет речь и о каком бесчестии? И при чем тут его величество? Хотя, может быть, именно участие короля объясняет стремление Этьена забыть о той истории, заставляет выпивать в не самых престижных местах и проматывать свое состояние в карты?

– Я очень признателен за это его величеству, – холодно откликнулся граф Ренье. – А где кататься, позволь мне решать самому. Однако вернемся к тому, с чего начали, а именно к моей вине перед тобой!

Рейнард постоял, раскачиваясь с пятки на носок и обратно, словно призывал на выручку все свое самообладание.

– А ты считаешь, что не виноват?

– Разумеется.

Рейнард делано расхохотался.

– Хочешь совет опытного человека? – осведомился он, отсмеявшись.

– Жажду.

– Если тебе хватает совести ставить другим подножку, имей как минимум смелость признаться в содеянном.

– Да я в чем угодно признаюсь! – взорвался Этьен. – У меня в этом деле имеется богатый опыт! Но, может быть, изволишь намекнуть, что именно я совершил на этот раз?

– По всей видимости, прошлое не дает тебе покоя, раз ты похитил чужую невесту! – Рейнард, кажется, тоже был близок к окончательной потере хладнокровия.

– Ты про леди Фэйтон? – обреченно осведомился Этьен.

– Нет! – рявкнул Рейнард. – Я про леди де Кресси! Хотя то, что ты похитил еще и леди Фэйтон, не делает тебе чести.

– Вот те на...

Гарри, давно уже соскочивший с облучка и подошедший поближе к хозяину, недоуменно почесал затылок.

Мне причины возмущения графа были более понятны, но, святые угодники, как он узнал, где искать Амелию?

– Нет, это уже никуда не годится! – вознегодовал Этьен. – Буквально какая-то мания: в последнее время все, кому не лень, обвиняют меня в похищении невест!

– Может быть, это оттого, что ты действительно их похищаешь?

– Ты несешь чушь!

– Неужели? И тем не менее эта девушка, – Рейнард кивнул в сторону Амелии, – здесь! Путешествует в твоей карете! И это с твоей-то репутацией!

Этьен буквально задохнулся от последних слов. Его глаза яростно сверкнули. Недолго думая, он выхватил шпагу.

– Ах, тебе не нравится моя репутация, – прошипел он.

Рейнард усмехнулся и обнажил собственную шпагу.

– Раз уж тебе так угодно... – он отшвырнул ножны и встал в позицию.

Этьен не начал разводить политесы, а попросту обрушился на противника. Тот достаточно легко уклонился и нанес ответный удар. Резко зазвенела сталь, рассекая пасторальную тишину проселочной дороги.

После нескольких ударов мужчины закружили по поляне, пристально следя друг за другом, точно два хищника. Зачарованная, я наблюдала за ними, затаив дыхание.

– Как ты думаешь, из-за кого они дерутся? – вполголоса спросила я у Амелии. – Из-за тебя или из-за меня?

– Конечно, из-за меня, – убежденно ответила та, с горящими глазами наблюдая за дуэлью. – Ты же слышала!

Право, самоуверенности ей было не занимать. И, признаться, такая убежденность немного меня задела.

Противники вновь обменялись несколькими ударами, проверяя защиту друг друга. Их подошвы скользили по мокрой траве.

– Вот и хорошо, – невинно заметила я.

– Почему?

Амелия повернулась ко мне и подозрительно прищурилась.

– У них такая отчаянная дуэль, что один наверняка скоро погибнет. По меньшей мере, серьезно покалечится. А я не хочу, чтобы это было на моей совести.

Прежде Амелия явно не думала о таком развитии событий и теперь слегка заколебалась.

– Ну, вообще-то, если вдуматься... Может быть, Рейнард отстаивает и твои интересы... Это ведь ты сбежала от жениха, и именно в карете Этьена.

– Вряд ли граф Аттисон стал бы так обо мне заботиться, – поспешила возразить я. – Мы ведь ни в каких отношениях не состоим, подумаешь, один раз поцеловались на балу.

– Вы целовались?! – возмущенный крик Амелии перекрыл даже звон шпаг.

Она так пристально всматривалась в дуэлянтов, словно намеревалась броситься между ними, дабы вlepить жениху пару оплеух.

– Ой, ты не знала? – Я смущенно прикусила губу. – Извини. Но в этом нет ничего предосудительного: вы же тогда еще не успели познакомиться. Я ему понравилась, ну и...

– Ты? Понравилась? – гневно выдохнула она. – Да если хочешь знать, это все из-за моего платья! Обряди я в этот белый саван бегемота, Рейнард бы и с ним целовался!

– Хочешь сказать, я похожа на бегемота? – возмутилась я. – Да у меня талия тоньше твоей! Мне даже платье пришлось утягивать!

– Зато и грудь меньше! Там тоже платье пришлось утягивать!

– Ну, зато ума-то у меня больше, чем у некоторых пустоголовых и неугомонных!

– Целоваться, одетой в чужое платье, с чужим женихом – особого ума не надо! А в другой одежде он бы на тебя не позарился!

– Я и с Этьеном целовалась! Уж там-то платье было мое! И целуется он лучше!

Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга, а потом с визгом кинулись в бой в буквальном смысле этого слова. Стыдно признаться, но мы забыли про дуэль и дрались, словно рыночные торговки. Амелия все пыталась повалить меня на траву, я же – схватить ее за волосы и хорошенько встряхнуть.

– Господи, надо же! Господин граф, господин граф! Только гляньте, они ж глаза друг другу повыцарапают! – пробасил кучер.

– Вертихвостка! – пыхла Амелия.

– Зазнайка! – огрызнулась я.

– Бегемот в платье!

– Огородное пугало!

– Это что еще такое? – раздалось над ухом, но мы не отреагировали. – Этьен, помоги!

Крепкие руки обхватили меня и бесцеремонно куда-то потащили.

– Отпусти!

Я хотела отбиться, но не тут-то было. Краем глаза я заметила, что Этьен пытается удержать рвущуюся в бой Амелию, а та выворачивается, стараясь его пнуть. Одна из попыток оказалась успешной, Этьен скривился, но рук не разжал.

– Не смей его трогать!

Я отчаянно извивалась, стремясь освободиться и снова ринуться в атаку.

– Поосторожнее! Ты ему все ноги отдавишь! – в свою очередь рывкнула на меня Амелия.

Мужчины переглянулись. Рейнард кивнул:

– На счет три!

– ...Три!

Руки, удерживающие меня, разжались, чтобы вновь смениться уже более мягкими объятиями Этьена. Рейнард же схватил Амелию за плечи и развернул к себе.

– Отпустите меня! – почти всхлипывала девушка, все еще пытаюсь вырваться, но уже как-то вяло. – Как она могла!

– Хватит! – приказал Рейнард. – Этьен, похоже, наши разногласия придется решать позже.

– И без свидетелей! – граф Ренье хмуро посмотрел на меня.

Я опустила голову, чувствуя, как краска стыда заливает лицо. Меня не оправдывало даже то, что Амелия начала первая. Хотя... если говорить правду, то мы обе были хороши. По всей видимости, Амелию посетили те же мысли. Во всяком случае, она прекратила вырываться и теперь обиженно сопела, хмуро посматривая на меня.

– Ты думаешь, они высидят полчаса в одной карете? – с сомнением обратился к кузену Этьен.

– Кто ж знает. А почему только полчаса?

– Здесь неподалеку есть постоянный двор. Думаю, нам проще всего добраться до него и уж там решать, что делать дальше. – Этьен внимательно посмотрел сначала на меня, потом на Амелию. – Скажите, можем ли мы рассчитывать на ваше благоразумие?

– А мы можем рассчитывать на ваше? – вскинула подбородок Амелия.

Мужчины отвели глаза. Теперь, кажется, от стыда сгорали все четверо.

– Поехали! – скомандовал наконец Рейнард, подводя свою невесту к карете.

– Эй, погодите! – возмутился вдруг Гарри. – Я на такое не согласен! Карета небольшая, и ежели леди опять начнут друг другу волосы драть, то, не ровен час, мы все перевернемся!

– Гарри! – попытался одернуть его хозяин, но кучер уже вошел в раж.

– Вам-то хорошо говорить «Гарри!», а бедному Гарри что делать, лошади опять же...

– И что ты предлагаешь? Идти до постоянного двора пешком?

– А сундук ваш на что? Спрячем одну в сундук, как вчера, и доедем! – почти радостно предложил кучер.

Амелия одарила его убийственным взглядом.

– Ты хочешь сказать, что твой хозяин засунул вчера Амелию в сундук? – слишком ровным тоном поинтересовался Рейнард.

На его щеках заиграли желваки. Настал черед Амелии краснеть от стыда.

– И что такого? – Желая поддразнить кузена, Этьен не стал вдаваться в подробности. – Допустим, я вожу девушек в сундуках. Я же человек без чести, забыл? Разве тебя это с какой-то стороны касается?

– Да, черт тебя побери! – взорвался Рейнард. – Потому что леди де Кресси – моя невеста! Больше того, наша помолвка подкреплена древней магической клятвой, будь она неладна!

Этьен ошарашенно взглянул на Амелию. Та виновато кивнула, прикусив нижнюю губу.

– Черт! Жаль, что ты не сказал мне сразу. – Голос Этьена был полон раскаяния. – Поверь, если бы я знал... Нет, ну раз сложилась такая ситуация, забирай ее, конечно!

Этьен сопроводил свое предложение жестом, призванным отобразить щедрость и широту его души.

– Подожди! – с излишней, как мне показалось, поспешностью остановил его Рейнард. – Не так сразу. Если у вас большая любовь, я готов все взвесить.

– Ну что ты! – галантно уверил его граф Ренье. – Я не могу препятствовать твоему счастью!

– Я готов пожертвовать им ради твоего! – заявил Рейнард. Учитывая магическую клятву, трудно было поверить в его искренность. По-моему, он просто стремился поддеть свою невесту. – Более того, я лично посажу леди де Кресси в твою карету и пожелаю вам счастья!

– Пойдите-ка! – Амелия возмущенно уперла руки в бока. – Вообще-то это моя жизнь, и только мне решать, с кем и куда ехать!

– Леди, если у вас и было право принимать подобные решения, вы его утратили, совершив такую глупость, как побег из пансиона, – холодно отрезал Рейнард. – А уж путешествие в обществе мужчины...

Удивительно, но под тяжестью его взгляда Амелия опустила голову.

Такая категоричность меня задела, и я поспешила заступиться за подругу по несчастью:

– На самом деле, это моя вина. Это я решила сбежать от мистера Годфри. Амелия, по сути, присоединилась случайно, и я ей очень

благодарна за это и за своевременную помощь!

Амелия удивленно приподняла брови, явно не ожидая встретить заступника в моем лице.

– Леди Фэйтон! – Рейнард с укором взглянул на меня. – По правде сказать, от вас я никак не ожидал такого неблагоприятия!

– Простите, но в тот момент побег казался мне единственным выходом... – призналась я. – Мистер Годфри... вы же его видели.

Рейнард помрачнел и отвел глаза, вынужденный признать мою правоту.

– Эй, и долго вы будете переминаться с ноги на ногу у кареты? – сердито окликнул нас Гарри. – Не знаю, как вы, а мы с лошадьми уже промокли! Поговорить можете и внутри, а еще лучше – на постоялом дворе!

Рейнард нахмурился и строго взглянул на кучера.

– Может быть, запихнем в сундук твоего слугу? – предложил он Этьену.

– Тогда один из нас должен будет править лошадьми, а второй – поехать в карете с дамами, – отозвался тот.

Оба кузена мечтательно взглянули на козлы, с тоской – на карету, потом вздохнули.

– Прошу.

Этьен все-таки распахнул дверцу, и мы заняли свои места в экипаже.

Глава 8

Зеленая игуана

Мейбл

Удивительно, но на постоянный двор мы добрались без приключений. Въехав в ворота, распахнутые расторопным слугой, Гарри остановил карету перед входом в приземистое каменное здание, добротное, но отчего-то казавшееся неуклюжим. Над дверью красовалась вывеска с надписью «Зеленая игуана». Под буквами было нарисовано, а скорее даже намалевано, животное, отдаленно напоминавшее дракона цвета морской волны. Судя по выражению морды зверя, и у него, и у художника явно были какие-то проблемы психологического характера.

Немногочисленные посетители мгновенно повытягивали шеи, заведя нашу компанию. Еще бы: двое мужчин и две молодые женщины, потрепанные настолько, словно в стране идет война, а они только что выбрались с поля боя. У одного кровь на порванном рукаве, другой слегка хромот, у девиц волосы выбились из причесок и торчат во все стороны, у одной грязное пятно на щеке, у второй – свежая царапина на лбу.

При этом зал каждый пересекал со своим настроением. Амелия вышагивала с таким горделивым видом, словно над ее образом несколько часов кряду трудились лучшие модистки столицы. Я разрывалась между двумя стремлениями: прикрыть ранку на лице и спрятать от посторонних глаз наполовину оторванную манжету. Этьен тоже чувствовал себя неловко и изо всех сил старался идти ровно, в результате чего складывалось впечатление, будто он хромот не на одну ногу, а сразу на обе. Рейнард своего внешнего вида не стыдился, скорее он был до предела раздражен, и это проявлялось в излишней резкости его движений.

Единственным, кого наше эффектное появление, похоже, оставило равнодушным, был стоявший за стойкой трактирщик. Флегматичное выражение его лица не изменилось даже самую малость. Очень похожее выражение наблюдалось на мордочке другого живого существа – игуаны, той самой, зеленой, в честь которой, по-видимому,

и было названо заведение. Существо сидело в клетке совершенно неподвижно, и только глаза его внимательно следили за чужаками.

При виде животного, лицо Амелии просветлело, и она подошла к клетке.

– Ух ты, какая прелесть! А она не кусается? – спросила девушка, совершенно нелогично просовывая палец между металлическими прутьями.

Рейнард кинулся вперед, но тут же остановился, понимая, что в спасении невесты необходимости нет.

Игуана окинула конечность и ее обладательницу грустным взглядом и слегка попятилась в глубь клетки, от греха подальше.

– Не кусается, – запоздало просветил нас трактирщик. – Питается исключительно травой и мелкими насекомыми. Для людей она абсолютно безопасна.

– А почему она такая грустная? – спросила я, тоже склоняясь над клеткой. Игуана не удостоила меня даже взглядом.

– Экзистенциальный кризис, – ответил трактирщик с таким вздохом, что мы не поняли, у кого именно был этот кризис: у игуаны или у хозяина, но на всякий случай уважительно и в меру сочувственно покивали в ответ.

– А может быть, вы ее просто не кормите? – Амелия с подозрением посмотрела на трактирщика.

– Амелия, перестань! – зашипела я.

– Что «перестань»? – передразнила она меня. – Ты же сама слышала: игуана питается мелкими насекомыми. Ты видела здесь хоть одно насекомое?

– У нас приличное заведение, – оскорбился трактирщик. Впрочем, и это он сделал как-то меланхолично.

– Да, мы заметили. Любезный, сколько у вас найдется свободных комнат? – отмахнулся Рейнард, извлекая на свет туго набитый кошель, на который вся наша компания, трактирщик и даже игуана посмотрели с явным уважением.

Флегматизм флегматизмом, но вовремя продемонстрированная платежеспособность возымела необходимое действие.

– Есть две свободные комнаты, дамы и господа. Чистые и светлые, с окнами на восток и расположены по соседству. Вам там будет удобно, – рассыпался в заверениях хозяин.

Он жестом подозвал мальчишку-помощника и начал отдавать указания.

– Ну что ж, поделимся по двое, – внес рациональное предложение Этьен.

– А с кем будет ночевать гра... – Амелия заметила, как тот покачал головой и исправилась: – Граф Рейнард?

Отчего-то из всех возможных вопросов ее интересовал именно этот.

– С графом Этьеном, разумеется, – немного удивленно отозвался Рейнард.

– А вы уверены, что это вас не скомпрометирует? – упорствовала девушка, хотя во взгляде и мелькнуло смущение. – В наше время подобное, знаете ли, может спровоцировать нехорошие слухи. В комнате хотя бы будут две отдельные кровати? – строго обратилась она к трактирщику.

– Леди, у нас приличное заведение! – впервые за все время проявил эмоции хозяин. Потом тоскливо оглядел нашу компанию и почему-то добавил: – Было...

Пока Рейнард расплачивался, я немного огляделась. Уютный, хотя давненько не чищенный камин, олени рога на стене, деревянные столы с широкими скамьями, слегка приоткрытая дверь, ведущая, по всей видимости, на кухню. Стоило мне сделать это предположение, как ноздри уловили дразнящий запах тушеного мяса. Желудок требовательно заурчал, что было совершенно неприемлемо для леди, поэтому я поспешила отдалиться от остальных хотя бы на пару шагов. Этьен заметил мой маневр, нахмурился, но ничего предпринимать не стал.

– Желаете отужинать? – грустно спросил трактирщик, а игуана посмотрела на нас так, словно в случае положительного ответа собиралась пожертвовать нам свою собственную трапезу.

Учитывая, что питалась она насекомыми, подобная самоотверженность не вдохновляла.

К счастью, мы уже успели понять, что страдальческие интонации для хозяина заведения обычное дело и отношения к содержанию разговора не имеют.

– Желаем, но позже, – ответил Рейнард, никак не отреагировав на тоску в глазах трактирщика. – Сперва мы устроимся. Пусть кто-нибудь

поможет нашему человеку занести вещи. И пришлите к нам горничную с горячей водой.

– Будет исполнено. Джим, проводи господ в их комнаты.

Трактирщик извлек из узкого ящика два массивных ключа. Гуськом мы проследовали за мальчишкой на второй этаж. Комнаты действительно располагались по соседству и были столь похожи, что казались близнецами.

– Пожалуйте, господа.

Мальчишка шмыгнул носом, торжественно вручил нам два ключа, получил от Рейнарда мелкую монету и удалился.

Мы переглянулись и пошли осматриваться. В каждой комнате имелось по две кровати, целомудренно разделенных стоявшей посередине тумбой, так что даже Амелии не к чему было придаться. В довершение всего, у мужчин над тумбой, словно для защиты упомянутого целомудрия, висело ружье. Рейнард опасливо покосился на него, затем перевел задумчивый взгляд на нас с Амелией. Этьен согласно кивнул, после чего кузены очень быстро препроводили нас в соседнюю комнату, а сами вернулись к себе.

Оставшись наедине, мы не имели возможности наблюдать, как Этьен, едва закрылась дверь, поднес палец к губам, а затем осторожно, на цыпочках, двинулся к своему сундуку, каковой уже успели доставить наверх. Рейнард наблюдал за процессом с неммым недоумением. Еще сильнее он удивился, когда Этьен резко откинул крышку, заглянул внутрь и лишь после этого, облегченно выдохнув: «Никого», уселся наконец на кровать.

После ухода мужчин в комнате возникло ощутимое напряжение. Мы с Амелией сели каждая на свою постель, то и дело поглядывая друг на друга. Не знаю, как моя соседка, но лично я испытывала невообразимую смесь стыда, раздражения и еще чего-то, смутно похожего на признательность за то, что спутница не бросила меня посреди дороги.

– Они опасались, что мы схватим ружье, – подала голос Амелия.

– Прости, что? – изумилась я.

– Ружье, – повторила подруга. – Оно висит на стене в соседней комнате. Поэтому Этьен нас сюда и выставил.

– Ну, положим, сделал он это не без участия Рейнарда, – отозвалась я и, набравшись смелости, примирительно проговорила: – Прости, что целовалась с твоим женихом. Это все произошло случайно. Он просто подошел, мы начали говорить, и он...

– А, ерунда, – отмахнулась Амелия. Правда, голос звучал очень грустно. – Ты не виновата. Рейнард всего лишь искал белое платье.

Она подозрительно часто заморгала и отвернулась, делая вид, будто рассматривает что-то за окном.

– Платье? – недоуменно переспросила я.

– Угу. Его описали в письме мои родители. Он искал платье – и нашел... на тебе.

Я помолчала, принимая информацию к сведению. Теперь некоторые странности из предшествовавших разговоров нашли логическое объяснение.

– Ты выйдешь за него замуж? – спросила я наконец.

– За платье?

– За Рейнарда, глупышка!

Амелия пожала плечами.

– А что мне еще делать? Магическая клятва может быть нарушена, лишь когда кто-то из обрученных нашел свою истинную любовь...

Амелия прикусила губу. Как я уже поняла, она всегда так делала, когда была расстроена или сконфужена.

– Ну, во всяком случае, твой жених приятен собой и состоятелен, – я попыталась утешить девушку банальными истинами, которыми нас так часто кормили в пансионе.

Амелия горько усмехнулась.

– Мейбл, неужели не ясно, что Рейнард не желает этого брака! Даже в день знакомства он целовался с тобой!

– Так ведь это потому, что он нас перепутал... погоди, ты сказала, что Рейнард не желает, стало быть, сама ты не против?

– Против чего? – насторожилась соседка.

– Против брака с Рейнардом.

Я испытующе взглянула на Амелию. Та отвела взгляд.

– Ты же сама говорила: он недурен собой, богат... – девушка старательно теребила и без того смятую оборку платья.

– К тому же помчался за тобой, да так, что чуть не загнал коня, – подлила я масла в огонь, внезапно озаренная догадкой, что Рейнард не так уж безразличен Амелии, как она пытается показать.

– Ты же слышала, что он готов был уступить меня Этьену... словно я какая-то вещь или лошадь!

Стук в дверь избавил меня от необходимости отвечать. Горничная осторожно вошла в комнату, неся горячую воду. Мы с Амелией дружно улыбнулись и попросили раздобыть принадлежности для шитья, чтобы худо-бедно починить нашу одежду. Запасных платьев в моем сундучке было всего два, Амелия же вовсе не взяла с собой никаких вещей, что и неудивительно, учитывая, что она вообще не собиралась отправляться в дорогу. К счастью, фигуры у нас были похожи. В прошлом это позволило мне воспользоваться ее белым платьем, теперь же она облачилась в мой запасной наряд. Правда, нам все-таки пришлось слегка распустить шнуровку. Что и говорить, Амелия действительно отличалась более пышными формами.

Едва мы закончили переодеваться и более-менее пригладили волосы, как Амелия решительно взяла меня за руку и потянула к выходу. Я очень устала и, признаться, была готова лечь спать не поужинав, но сочла, что голодание сил не прибавит, к тому же нельзя же отпускать соученицу одну. Юная леди не может появиться в общественном месте без сопровождения. Однако, к некоторому моему удивлению, вниз мы не пошли. Вместо этого Амелия настойчиво постучала в дверь к нашим соседям.

Открыл Рейнард, уже без сюртука, в наполовину расстегнутой рубашке. Ворчливо воскликнул: «Ну наконец-то!» – и замер, осознав, что в комнату просится не горничная, а недавние спутницы, доставившие ему и кузену столько хлопот. Оглядел нас с некоторой долей одобрения и даже зависти, опустил взгляд, оценивая собственный внешний вид, и раздраженно поморщился. Затем задумался, кажется, прикидывая, по какой причине мы могли здесь появиться. Наблюдать за гаммой его эмоций, буквально написанных на лице, было довольно-таки забавно.

– Что, мыши? – наконец спросил он с выражением тоскливой безнадежности, которое, кажется, перенял у нашего трактирщика.

– Где мыши? – взвизгнула я и точно запрыгнула бы Рейнарду на руки, если бы не Амелия, вовремя и весьма цепко ухватившая меня за

локоть.

– У вас в комнате мыши?

– У нас в комнате?!

Я едва не задохнулась от ужаса.

– Боже, Мейбл, как можно бояться мышей? – возмутилась Амелия. – Они же такие маленькие, пушистые и с умными глазками! Твой страх – это пережитки прошлого.

– У этих пережитков длинные и мерзкие хвосты, – проворчала я. – А еще они грызут все подряд.

– Прекрати, они милые. – Амелия бросила на жениха самый невинный из своих взглядов. – Так где мышка, Рейнард?

– Я думал, к вам в комнату пробралась мышь и поэтому вы прибежали за нами, – отмахнулся тот, слегка морщась. По всей видимости, рана на руке причиняла ему боль. – Что же тогда? Таракан?

– Таракан? Здесь есть тараканы?

Я почувствовала, что вот-вот упаду в обморок. Амелия принялась обмахивать меня платочком.

– Мейбл, ну что ты! Хозяин сказал, что это приличный постоянный двор!

– Был... – мрачно отозвалась я, на всякий случай оглядываясь по сторонам в поисках насекомых.

– Даже если они здесь и были, их всех съела игуана, – безапелляционно заявила соученица.

– Бедное животное, теперь понятно, откуда у нее этот кризис! – пробормотала я.

Амелия тем временем повернулась к жениху, все еще стоящему в дверях, и смерила его в высшей степени неодобрительным взглядом.

– Вы что мне тут, решили угробить подругу, граф Аттисон? – сердито спросила она. Интересно, и когда мы вдруг стали подругами?.. – Я, между прочим, за нее отвечаю!

От такого утверждения я закашлялась и даже почувствовала прилив сил. Мне казалось, что в нашей небольшой компании ответственность распределялась совершенно иначе.

– Если у вас в комнате не завелась никакая живность, зачем же вы в таком случае сюда пришли? – сдержанно поинтересовался граф.

Его недавнее раздражение, похоже, сошло на нет. Готова поклясться, что уголки его губ подрагивали от тщательно

сдерживаемой улыбки.

– Спасать ваше здоровье, разумеется! – фыркнула Амелия и решительно шагнула вперед.

Рейнард, слегка опешивший от такого напора, попятился, беспрепятственно пропуская невесту в комнату. Амелия с королевской снисходительностью кивнула ему и требовательно обернулась ко мне, дескать, почему я до сих пор в коридоре?

– Постой, это же нарушает все приличия!

Я попыталась воззвать к ее рассудку и вызубренным в пансионе правилам, хоть и понимала, что после всего случившегося в «Оазисе» заботиться о приличиях теперь поздно.

– Ну так и заходи скорее, чтобы тебя никто не увидел! – дала дельный совет Амелия.

Понимая, что в нашем случае это действительно самое правильное решение, я послушно проскользнула внутрь.

При виде нас Этьен, такой же потрепанный, как и его кузен, моментально вскочил с кровати, наступил на больную ногу и поморщился.

– Надо немедленно привести вас в порядок! – деловито объявила Амелия.

– Именно этим мы и собирались заняться, – отозвался Рейнард. – Вот только горячую воду никак не принесут.

– Это, наверное, наша вина, – призналась я. – Мы немного задержали горничную, а она здесь, кажется, только одна.

– А вот и она!

Услышав приближающиеся шаги в коридоре, Этьен распахнул дверь. Порог действительно переступила уже знакомая нам девушка, аккуратно несшая кувшин, почти до краев наполненный горячей водой.

– Прекрасно. Благодарю вас! – Этьен принял из ее рук тяжелый сосуд и установил его на прикроватный столик рядом с пустым тазом.

– Желаете что-нибудь еще? – поинтересовалась горничная.

Ни малейшего удивления в связи с нашим присутствием в комнате мужчин она не выказала. То ли успела насмотреться всякого, то ли по нам просто было очевидно, что заниматься чем-либо предосудительным мы вовсе не планировали.

– Да, – деловито объявила Амелия. – Нам понадобятся бинты или, на худой конец, лоскуты чистой ткани. Настойка из имбиря – у вас же найдется имбирь? – Горничная кивнула, и пансионерка продолжила: – Клюквенный морс, спирт и рассол.

– А также пчелиный мед и рыбий жир, – вмешалась я. – Примерно семь ложек меда на три – жира. Впрочем, мы можем смешать и сами.

– Хорошо, леди. Я проверю насчет рыбьего жира, но все остальное точно найдется, – пообещала девушка и удалилась.

– Спирт и рассол? – обернулся к Амелии Рейнард, едва затворилась дверь. – Мне начинает казаться, что вы – отличная невеста.

– Может быть, леди уточнит, с какой именно целью велела принести эти напитки... то есть жидкости?

Этьен проявил большую подозрительность, чем его кузен, и оказался прав.

– С медицинской, разумеется, – нетерпеливо повела плечиком Амелия. – Спирт – для дезинфекции. – Мужчины при этом уточнении заметно пригорюнились. – А рассол – самое верное дело, чтобы отмочить запекшуюся кровь. Вот у вас же кровь уже запеклась!

Рейнард отпрянул с выражением недоверчивого ужаса на лице.

– Рассолом? Кровь? Да вы с ума сошли! «Не сыпь мне соль на рану» – это, стало быть, не метафора, это специально для таких добрых девушек, как вы, написано? И эта женщина еще упрекала меня в склонности к жестокости! – возмутился он. – Эй, девушка, ничего нам приносить не надо! – крикнул он вслед удалившейся горничной, но та, конечно, уже не услышала. – Кто вас надоумил лечить такими своеобразными методами? – никак не успокаивался он.

– Воспитательницы в пансионе, – почти что хором ответили мы с Амелией.

Переглянулись и невольно захихикали от такой синхронности. Но мужчины, кажется, приняли нашу веселость за признак страшного заговора против их пола в целом и двух конкретных особей в частности.

– Я всегда считал, что эти пансионы – напрасный перевод средств, – посетовал Рейнард. – Но теперь выясняется, что еще и вредный. В ближайшее время обращусь к королю с прошением все их позакрывать!

– Вот тут я совершенно с вами согласна! – воскликнула Амелия. – С радостью поставлю под прошением свою подпись. По меньшей мере, пускай высочайшим указом запретят ученицам писать эссе. Мне порядком надоело это занятие. Я, конечно, понимаю, что обладаю некоторым талантом сочинителя и моими эссе можно зачитываться...

– Что-то я не припомню, чтобы твои эссе читали, – вмешалась я.

– В классе – нет, а вот в учительской они имеют определенный успех! – Она с триумфом взглянула на жениха и вздохнула. – А служанку вы зря пытались остановить. Надо же вашу рану обработать.

– Да это не рана, так, царапина, – запротестовал Рейнард, но во взгляде его уже не было той враждебности, что прежде.

Он инстинктивно приложил ладонь к тому месту, где была разорвана рубашка.

– Поэтому кровь до сих пор сочится? – Амелия смерила его очень строгим взглядом. – И вы, конечно, не пытались перевязать руку?

– Вот еще, заморачиваться! – Граф подошел к кувшину и плеснул немного воды в таз. – Подорожника нарвали, приложили – и порядок.

– Подорожник? – пренебрежительно фыркнула Амелия. – Прямо с дороги? Грязный? Интересно, и сколько инфекций вы с его помощью себе занесли?

Рейнард пробормотал себе под нос что-то нелестное о неугомонных женщинах. Этьен стыдливо извлек из-под рубашки лист подорожника и спрятал его за спиной. Я успела заметить, что на растение и впрямь налипла дорожная грязь.

– Да будет вам известно, милорды, – назидательным тоном произнесла моя подруга, – что любая царапина – это очаг воспаления. Все может закончиться гангреной и ампутацией конечности, а если вы не согласитесь на ампутацию, то вашей смертью!

– Амелия, ну почему у вас мысли постоянно о смерти! – возмутился Рейнард.

– Мы все должны думать о бренности бытия, – наигранно вздохнула девушка и тут же перешла в наступление: – Снимайте рубашку!

Этьен на всякий случай отступил мне за спину, но было вполне очевидно, что Амелия обращается к его кузену.

– При вас? – едко отозвался тот, на всякий случай схватившись рукой за воротник, точно стыдливая девица.

– А что в этом такого? Вы же собираетесь на мне жениться? – парировала Амелия. – Или намереваетесь всю жизнь спать одетым? А Мейбл можете не стесняться.

– Да, нынче это модно, – хмыкнул Рейнард. – Но, видите ли, моя дорогая, я никогда не следовал моде!

Слегка уязвленная Амелия прикусила губу и повернулась ко мне.

– Мейбл... сходи пока, пожалуйста, к нам в комнату, принеси что-нибудь для перевязки. – В темных глазах были мольба и дополнительное: «Можешь особенно не спешить».

Я кивнула, но чуть-чуть задержалась, наблюдая, как Рейнард стаскивает рубашку через голову. Однако ощутимый толчок в бок от вызвавшегося проводить меня Этьена заставил все-таки переступить порог.

– Ты же хромаешь! Я сама справлюсь, – засопровтивлялась я, остановившись возле нашей с Амелией комнаты.

– Ерунда, потерплю. Простой ушиб.

– Что, Рейнард загнал в какую-то канаву? – сочувственно спросила я.

Ключ легко провернулся в замке, и дверь отворилась.

– Нет. Поскользнулся на траве, когда увидел, как вы с подружкой развлекаетесь. Кстати, тогда же и задел кузена. Он тоже отвлекся.

Я закусила губу и поспешила войти. Оглядела кровать, стол и тумбочку в поисках подходящего для перевязки материала. Горничная в любом случае принесет бинты, но это займет время. Плюс, ясное дело, Амелия хотела ненадолго удалить меня из комнаты Рейнарда. Как ни странно, я была на нее за это не в обиде, хотя и предпочла бы задержаться чуть подольше.

– Садись, не напрягай ногу!

Я гостеприимно указала на свою кровать (стульев в комнате не было), но Этьен не торопился принять приглашение.

– Ты давно знакома с моим кузеном? – спросил он таким тоном, будто в подобном знакомстве могло быть нечто предосудительное.

– Нет, – с невинным видом ответила я, втайне надеясь, что верно истолковала истинную причину его интереса.

– Но вы встречались неоднократно?

Глаза Этьена метали молнии.

– До сегодняшнего дня – лишь однажды.

– Просто вы обрадовались друг другу, будто старые знакомые, – попытался оправдаться Этьен, кажется, поняв, что несколько перегнул палку, устроив мне допрос.

– Не стану лгать, будто мы друг другу неприятны. Более того, получив впечатление о моем женихе, он... он позволил себе некоторые... гм... предложения, – я заметила, что Этьен готов вскочить на ноги, чтобы мчаться в соседнюю комнату и продолжить дуэль, потому торопливо добавила: – Но нас не связывают никакие обязательства.

– Неужели?

– Да. Уверяю тебя, граф Аттисон не делал ничего предосудительного. Он видел, как я была расстроена, и лишь пытался сказать, что моя жизнь не закончится, даже если я выйду замуж за мистера Годфри.

Похоже, Этьена такое объяснение временно успокоило, но я сама не пожелала закрыть тему.

– Скажи... – Я машинально разгладила ладонями узорчатую скатерть. – А если бы я приняла предложение графа Аттисона и попросила его покровительства? И уехала бы с ним в столицу. Как бы ты поступил?

Я замерла, продолжая смотреть на не слишком изящные белые кружева. Ожидая, что сейчас он пожмет плечами и скажет, что никак бы не поступил и вообще всячески поощряет такое мое решение. Если предлагают помощь, к чему от нее отказываться?

– Да примерно то же самое, что сделал и так, – через силу признался он после короткой паузы.

– Разошелся бы с ним по разным комнатам? – не поняла я.

– Вызвал бы его на дуэль.

Я по-прежнему не отрывала глаз от скатерти, но на губах расцветала совершенно неприличная улыбка. Неприличная, потому что слишком многое говорила о моих чувствах, а настоящая леди должна хранить такую информацию «под замком».

– Тебе не нужно прибегать к его помощи, – продолжал Этьен. – Я сам отлично сумею защитить тебя от этого Годфри. Ты мне веришь?

– Конечно, – благодарно кивнула я. – Ты уже имел возможность мне это доказать.

Он принял мой ответ и сцепил пальцы, явно что-то обдумывая.

– И еще, – решил он наконец. – Тебе совершенно необязательно работать гувернанткой или ехать к дальней родственнице, от которой все равно неизвестно чего ждать. Я обещаю, что позабочусь о тебе. И сумею оградить тебя от трудностей.

И почему только я хотела безоговорочно ему поверить? Ведь точно знала: себя самого он ограждает от трудностей не слишком успешно. Играет в азартные игры с сомнительными личностями, ездит по заведениям с подпорченной репутацией, пьет литрами дешевое вино... И при всем этом он казался мне самым надежным человеком в целом мире.

– Просто будь рядом.

Этьен взял мою руку в свою, аккуратно погладил мои пальцы, потом поднес к губам и поцеловал.

– В каком...

Я начала было говорить, но голос стал настолько хриплым, что пришлось прокашляться и лишь затем продолжить:

– В каком качестве? Вряд ли тебе может понадобится гувернантка.

Он улыбнулся. Светло так, почти по-детски.

– Почему? Я буду писать эссе на самые низкие оценки. Ну а уроки рисования у тебя Гарри готов брать хоть прямо сейчас.

– А если серьезно?

Шуток мне было сейчас недостаточно. Я хотела услышать нечто большее.

– А разве вариантов много? – спросил Этьен, не выпуская мою руку из своей. – Кстати, а в каком качестве ты бы хотела принять помощь Рейнарда?

Я задумалась. Говоря откровенно, тут все довольно просто. По моему, каждая приличная девушка хочет принимать опеку от двух категорий мужчин: либо отцов, либо мужей. А на моего отца ни Этьен, ни Рейnard никак не тянули по возрасту. Но что за варианты имел в виду Этьен, сказать было сложно. На отца он намекал вряд ли, а вот на друга? На любовника? На так называемого «тайного благодетеля»?

– Я – порядочная девушка, – заявила я, решив на всякий случай четко расставить все точки над *i*. И справедливости ради добавила: – Хотя в последние дни этого и нельзя сказать, судя по моему поведению.

– Я тоже порядочный мужчина, и для меня эти слова – не пустой звук, – серьезно заверил Этьен. И, немного подумав, продолжил: – Хотя этого и нельзя сказать, судя по моему поведению последние несколько лет. Так что вывод следует простой.

Какой именно, он не договорил. Переключил внимание с моей руки на лицо, и я внезапно поняла, насколько близко мы стоим друг к другу. Как так получилось? Когда, в какой момент мы приблизились столь непристойно? Губы наши встретились, уже знакомые, но все еще знающие друг о друге так мало. Перед глазами поплыло, голова закружилась. Что он там говорил о выводе? Варианты двоились, троились перед мысленным взором, и лопались, как мыльные пузыри. Отчаявшись как следует поработать головой, я решила полностью отдаться ощущениям.

Этьен резко втянул воздух, и я поняла, что он неудачно передвинул ногу, потревожив ушиб. Исключительно с этой целью – тревожась о его здоровье – я толкнула его на кровать. В первый момент он, кажется, удивился, но руки не разжал и потянул меня за собой... И вскоре два порядочных человека самым непорядочным образом обнимали друг друга на узкой постели. Я вцепилась в Этьена мертвой хваткой. Он склонился надо мной. Моя нога попыталась лечь на его бедро, но этому препятствовала юбка, которая в результате основательно задралась. Рукава, наоборот, съехали с плеч. Мягкая, струящаяся ткань приоткрыла обзор, спустившись до верхней части корсета. Грудь вроде бы и прикрыта, но мужскому взгляду, скажем так, есть за что зацепиться. Этьен потянулся ко мне с глухим стоном, но внезапно замер.

Взгляд, затянутый поволокой безумия, постепенно прояснялся. Облизнув губы, он не без труда заставил себя подняться на руках, а затем еще немного от меня отстраниться.

– Прости. – Он сел на кровати, прикрыл глаза, откинул голову назад и шумно выдохнул. – Я зашел слишком далеко. Все-таки есть что-то в этом правиле – не позволять мужчине и женщине оставаться в комнате наедине, если они не муж и жена.

Мой взгляд тоже потихоньку прояснился. Я тряхнула головой и потеряла виски, чувствуя, как в душе начинает разгораться злость на Этьена.

– Если ты сейчас же не продолжишь, – прошипела я, – я позову Рейнарда из соседней комнаты. И уж он-то точно не остановится!

Этьен посмотрел на меня в изумлении. Потом, кажется, собрался обидеться на упоминание о кузене, но вовремя передумал. Морщины на его лбу разгладились, глаза посветлели, и он потянул рубашку через голову.

Движимая неожиданным для самой себя порывом, я прильнула губами к его животу. Этьен на миг замер, а затем рванул рубашку со всей силы, но та не поддалась. Рукава застряли на запястьях, горловина – чуть выше подбородка. Владелец своевольной одежды чертыхнулся и возобновил попытки, а я, вместо того чтобы ему помочь, стала прокладывать губами дорожку от живота к горлу, с каким-то безумным наслаждением отмечая, как реагируют на каждое мое прикосновение его мышцы, как по мужскому телу пробегает легкая дрожь. Засмеялась, когда пара его отчаянных попыток освободиться снова закончилась ничем. Видимо, ткань прочная и пуговицы пришиты на совесть.

– Тебе с такой рубашкой даже кольчуга не нужна, – прошептала я, приблизившись к броне, которая в данный момент скрывала его голову.

Этьен выругался, пока цензурно, но весьма эмоционально, и попытался вернуть рубашку в прежнее положение, то есть надеть. Увы, это ему тоже не удалось.

– Похоже, ты застрял, – безжалостно констатировала я. – Придется ждать, пока похудеешь.

Очередной резкий рывок – и Этьен все-таки остался без рубашки. К счастью, не лишившись при этом головы. Только на лбу красовалась красная полоса и волосы сильно растрепались.

– Я ее сожгу, – процедил он, прижимая меня к кровати.

– Прямо сейчас? – прошептала я в его приблизившиеся губы.

– Чуть погодя, – ответили мне, и сознание снова затуманилось. На сей раз надолго.

Наверное, в той девушке на кровати было очень мало от обычной Мейбл. А может, наоборот, это настоящая Мейбл проснулась, как после зимней спячки? Я стонала. Моя голова металась по подушке. Пальцы с невероятной силой сжимали то простыню, то плечи Этьена.

Потом я долго лежала в приятном бессилии, тяжело и часто дыша, с закрытыми глазами, поскольку даже поднять веки казалось задачей

чересчур сложной. А уж потянуться за простыней, чтобы хоть как-то прикрыться, было и вовсе лень. Наверное, именно так становятся падшими женщинами. Ну и пусть. Я знала одно: никогда не вернусь к прежней жизни. Опека мачехи, пансион, помолвка с мистером Годфри – все это давило на меня, заставляло замыкаться в себе, не позволяло чувствовать себя человеком. Больше этого не будет. Я не знала, как сложится жизнь дальше. Уверена, побуждения у Этьена самые что ни на есть лучшие, он намекнул на это весьма недвусмысленно, но... Вряд ли человек, столь праздно проводящий сегодняшний день, способен предвидеть, что готовит ему день завтрашний. Так или иначе... Я готова потерять уверенность в завтрашнем дне, готова жить более бедно, чем прежде, оставить привычную обстановку, работать гувернанткой. Но я не вернусь в прежнее зависимое положение.

Через какое-то время мы все-таки решили, что следует вернуться к остальным, и, кое-как приведя себя в порядок, постучались в соседнюю комнату. И застыли от удивления, в то время как Амелия, краснея, опустила глаза.

Глава 9

Радости и сладости

Амелия

Как только Мейбл вышла в сопровождении Этьена, я повернулась к своему жениху. Тот уже снял рубашку и пытливо смотрел на меня, явно ожидая реакции. Не дождется! Что я, мужчин не видела? Конечно, видела! Моя гувернантка в столице не раз водила меня в музей, где были выставлены статуи из далекой Ойкумены. И одежды на них было гораздо меньше, чем на мужчине, стоявшем сейчас напротив меня. Правда, статуи были из холодного мрамора, а не из плоти и крови, и у них не было такого горящего взгляда, от которого голова начинала кружиться, а ноги подкашивались.

Стараясь не показывать своей слабости, я подошла к Рейнardu, сосредоточиваясь на багровой полосе, пересекающей плечо. На мой взгляд, выглядела она ужасно: рассеченные края разошлись, а внутри виднелось алое. К горлу подступила тошнота. Я невольно сглотнула и постаралась дышать как можно ровнее.

– Возможно, лучше ее зашить? – предложил Рейнard. Он спокойно рассматривал свою рану. – Думаю, двух-трех стежков вполне хватит. Вы же умеете шить?

– Что? – При мысли о том, что мне сейчас вручат нитку с иглой и заставят протыкать живую кожу, я почувствовала себя совсем дурно.

– Только не говорите, что в пансионе вас не учили шить!

– Учили, но... – я судорожно придумывала причину, по которой мне не всучат швейные принадлежности, и наконец выпалила: – Но я прогуливала эти уроки!

– Даже так! – довольно хмыкнул жених. – Ну ничего, дело поправимое. Зашьете, заодно и научитесь!

Он направился к двери, явно намереваясь отдать распоряжения горничной. У меня внутри все похолодело. Ведь с этого ужасного человека станется всучить мне иглу с ниткой и руководить процессом.

– Я умею только вышивать! И то крестиком! – предупредила я. – Знаете, всяких птичек или цветочки. Хотите, чтобы я обработала рану

именно этим способом?

Увы, я просчиталась: напугать графа оказалось не так легко.

– Позовем горничную, пусть принесет все, что нужно, а там разберемся.

– Стойте! – Я окончательно запаниковала. – Не смейте!

– Почему?

– Да хотя бы потому, что... вы же не одеты! Что обо мне подумают люди?

– Действительно незадача... Ну, раз люди все равно подумают... – Он вдруг резко изменил направление и начал надвигаться на меня.

– Подождите! Что они подумают?

Я отступила и пятилась до тех пор, пока не споткнулась о кровать.

– Вы – привлекательны, я – чертовски привлекателен, мы помолвлены, так что зря время терять? – пояснил граф Аттисон, буквально возвышаясь надо мной. Мне пришлось задрать голову, чтобы смотреть ему в глаза.

Рейнард сделал еще шаг, и я, непроизвольно отшатнувшись, упала на постель. Мужчина стал коленом на край кровати и наклонился надо мной, опираясь на здоровую руку.

– Вы... граф Аттисон... ваше сиятельство... ой, ваша светлость, что вы делаете?

Мысли окончательно спутались. Близость завораживала и в то же время пугала. Почему-то подумалось, что я слишком молода, чтобы вот так вот...

– Вы только что называли меня по имени. – Голос звучал с хрипотцой, заставившей меня задрожать.

Ничуть не сомневаясь в том, что сейчас произойдет, я изо всех сил забилась, пытаюсь вырваться. Внезапно Рейнард охнул, перекатился на бок и сквозь зубы произнес несколько абсолютно незнакомых мне слов.

– Ой... – только и сказала я, понимая, что нечаянно задела его рану. – Извините...

Вместо ответа мужчина бросил на меня мрачный взгляд и вдруг совершенно неприлично громко расхохотался.

– Вы невозможны, – сказал он, вытирая слезы, брызнувшие из глаз. – Право, Амелия, я уже лет пять не испытывал таких ярких эмоций, как с вами за эти дни.

– Эмоций? – выдохнула я. – Хотите сказать, что то, что только что было, имело отношение к эмоциям?

– Ну... – протянул Рейнард, переворачиваясь на бок и подпирая голову здоровой рукой. – Скажем так, мне очень хотелось вас проучить.

– Что?! – Я подскочила, а кровать жалобно скрипнула. – То есть вы не собирались?..

– Нет, но все может измениться, – торопливо проговорил Рейнард, не иначе как заметив жажду убийства в моем взгляде. – Если, конечно, вы настаиваете, то я готов, несмотря даже на тяжелые раны... Кстати, может, ее все-таки перевязать?

Он с некоторым беспокойством покосился на плечо. Рана открылась, и теперь алые капли падали на белоснежную простыню.

– Обойдетесь подорожником, – отрезала я, вставая и поправляя платье.

На тумбочке я заметила зеленый листок, как раз тот, который прятал от меня Этьен, подобрала его, демонстративно поплевала и налепила на рану.

– А вас в пансионе все-таки неплохо учат, – хмыкнул Рейнард. – Экое новшество: лечить колотые раны змеиным ядом!

– Я вообще могу добить вас, чтоб не мучились, – мрачно пообещала я, косясь на ружье, висевшее над головой жениха.

– С вас станется.

Рейнард усмехнулся и неторопливо поднялся. Я невольно залюбовалась его скупыми движениями и тем, как перекачивались мышцы под кожей. Определенно, у статуй в музее такого не было.

– Придется все делать самому, – пожаловался он в никуда и, подойдя к тазу, смочил первую попавшуюся тряпку водой.

– Подождите! – не выдержала я. – Присядьте.

Он послушно сел на указанный стул. Взяв небольшое полотенце, лежавшее на краю кровати, я намочила его и начала аккуратно промокать кожу вокруг раны.

– Все-таки ее надо зашить. – Я подняла голову и встретила с задумчивым взглядом серых глаз.

– И так сойдет, просто наложите тугую повязку, – подсказал граф Аттисон.

– Говорите так, будто... – я вдруг осеклась, заметив небольшой шрам у него на груди. – У вас уже были ранения.

– Да, – он пожал плечами. – Шрамы же украшают мужчину...

– И добавляют седых волос женщине, – проворчала я еле слышно, набравшись смелости и внимательно осматривая рану. – Все-таки лучше зашить.

Рейнард усмехнулся.

– Бинтуйте, – коротко приказал он. Спорить я не стала, просто наложила повязку так, как меня учили дома, и закрепила концы булавкой.

– Готово.

– Спасибо! – Рейнард поднялся и потянулся за рубашкой. Жилет надевать не стал, опасаясь вновь потревожить рану, лишь накинул на плечи редингот. В этот момент в дверь постучали.

– Да! – рявкнул жених.

Горничная вновь вошла в комнату, неся огромный поднос, нагруженный склянками.

– Прошу прощения, миледи, но рыбий жир найти не удалось, – проговорила девушка, старательно делая вид, что не смотрит на смятые простыни, на которых атели капли крови.

Я покраснела.

– Это не то... – начала было я, желая объяснить служанке происходящее, но Рейнард не дал мне этого сделать.

– Спасибо, милая, ступайте, – распорядился он, подталкивая горничную к дверям. – Мы разберемся сами.

– Как пожелаете. – Получив медную монету, та послушно вышла.

– Рейнард! – Я кинулась к дверям. – Надо ей все объяснить! Что она о нас подумает?!

– Странно, что вас не смущали подобные мысли, когда вы сидели в карете к моему кузену, леди де Кресси, – сурово ответил он.

– Я не садилась в карету, в карету села Мейбл, а я залезла в сундук, поскольку думала, что Мейбл решила покончить с собой! – торопливо пояснила я. – И в комнате мы спали вместе с Мейбл. Граф Ренье ушел на сеновал. Правда, там была ширма...

– На сеновале? – зачем-то уточнил Рейнард.

– Зачем на сеновале ширма? – не поняла я.

– Вы сами только что рассказывали про сеновал и упомянули про ширму.

– Нет, ширма была в комнате. Кстати, а где Мейбл и ваш кузен?

– Полагаю, по соседству, за стенкой. – Рейнард подошел к подносу, оставленному горничной. – О, а вот и еда!

Судя по всему, трактирщик несколько неправильно истолковал наши с Мейбл распоряжения. Во всяком случае, вместо спирта в графин был налит бренди, в рассоле плавали огурцы, а еще на тарелках были хлеб и аппетитно подрумяненная ветчина. Рейнард быстро соорудил себе бутерброд, положил сверху огурец и довольно захрустел.

– Я не ел с самого утра, – доверительно сообщил он мне, наливая бренди в бокал. Задумчиво взглянул на меня и отодвинул второй бокал в сторону. – Думаю, вам еще рановато для крепких напитков.

Я поняла, что он говорит отнюдь не о времени суток. Это задело. Разумеется, я и сама не стала бы пить крепкие спиртные напитки, но решать за меня – вот это было слишком.

– Мне восемнадцать, – сухо проинформировала я жениха.

– Да, я помню, – отозвался он, демонстративно затыкая пробкой графин.

– Это хорошо, поскольку люди вашего возраста склонны к провалам в памяти, – мстительно заявила я, обходя стол.

– Моего возраста? – Мне показалось, или глаза Рейнарда блеснули?

– Преклонного. – Я положила на хлеб ветчину, откусила и напоследок захрустела огурчиком, оказавшимся малосольным. – Мм... вкусно!

Рейнард не стал отставать, быстро соорудил себе второй бутерброд. Несколько минут мы просто смачно хрустели огурцами, а мой жених к тому же успел опустошить бокал бренди. Он как раз наливал себе еще, когда в дверь постучали и в комнату вошли Мейбл с Этьеном.

Черт, а ведь увлеченная поглощением пищи, я совершенно о них забыла. Я бросила быстрый взгляд на поднос, поняла, что на нем ничего не осталось, и невольно покраснела.

Рейнард, все еще жуя, лишь махнул вошедшим рукой, предлагая присоединиться к нашему пиршеству, и даже щедро плеснул бренди во

второй бокал.

– Едите? Без нас? – возмутился Этьен.

– Сами виноваты, что задержались.

Рейнард демонстративно стянул с тарелки еще один огурчик. Этьен последовал его примеру, явно намереваясь поскорее наверстать упущенное.

Я вопросительно взглянула на подругу, но она опустила глаза, избегая моего взгляда. Выглядела она очаровательно взъерошенной. Это заставило меня задуматься, что же происходило в соседней комнате.

Мой мысленный процесс был прерван громкими голосами, а затем раздался стук в дверь, заставивший нас тревожно переглянуться. Рейнард пошел открывать, а Этьен вытащил шпагу и положил себе на колени.

– Господа, простите, – все та же горничная заглянула к нам в комнату. – Но тут такое дело...

Она вздохнула.

– Из комнат не уйдем! – категорично заявил Рейнард. – На сеновале тоже спать не будем и к себе никого не пустим.

Этьен с уважением посмотрел на кузена, казалось, предусмотревшего все варианты.

– Побойтесь Бога, господа, на нашем постоялом дворе отродясь ничего не было из того, что вы сказали, – замахала руками горничная.

– Тогда зачем вы пришли? – поинтересовался граф Ренье.

– Принести нам еще огурцов? – я с надеждой посмотрела на рассол, прикидывая, оставить ли его на утро – отмачивать повязку Рейнарда, или не надо.

– Всего лишь спросить, не видели ли вы Клеопатру?

– Кого?

Мы с Мейбл и Рейнардом переглянулись, а Этьен даже приподнялся со стула, с подозрением косясь в сторону своего сундука.

– Клеопатру, игуану нашего хозяина, – пояснила горничная. – Он решил покормить ее и забыл закрыть клетку... и вот...

– Она ушла?

Судя по округлившимся глазам, Мейбл явно представила, как игуана крадется в темноте по комнате в поисках смысла своего существования. Горничная кивнула, и моя подруга беспомощно

взглянула на Этьена. Казалось, еще чуть-чуть – и она попросит графа Ренье не оставлять ее одну этой ночью.

– Даже если эта тварь сбежала, вряд ли она так быстро добралась до второго этажа, – беспечно отозвался Рейнард. – Так что лучше не тратьте время зря, а принесите нам еще ветчины и ваших замечательных огурцов!

Горничная хотела возмутиться, но в пальцах моего жениха сверкнула монета, и служанка поспешила исполнить распоряжение щедрого постояльца. Я недовольно нахмурилась: подобная расточительность вкупе со снисходительным тоном показались мне вульгарными. О чем я и не преминула сообщить.

– Ерунда, – отмахнулся Рейнард. – Девушке надо подзаработать, к тому же мы не делаем ничего дурного: просим ее заняться своими прямыми обязанностями!

– Да, но хозяин...

– Если бы он не корчил такие постные рожи, то, глядишь, и игуана бы не ушла за лучшей долей! – поддержал кузена Этьен.

– С чего вы решили, что побег ведет к лучшей доле? – возмутилась я.

– Мы так не решали, но если судить по вашим поступкам...

Рейнард мстительно улыбнулся, и мне захотелось его пнуть. Я не стала отказывать себе в удовольствии. К тому же мы все сидели за столом, и никто ничего бы не заметил. Улыбка так и не сошла с губ моего жениха, зато Этьен почему-то сдавленно охнул. Наверное, я попала ему по ноге.

– Что? Игуана? – вздрогнула Мейбл.

– Нет.

Судя по взгляду, счет графа Ренье ко мне только что возрос.

Я виновато улыбнулась и пожала плечами, давая понять, что это нелепая случайность. Почему-то он мне не поверил.

– А что, если игуана все-таки где-то в комнате? – задумчиво спросила Мейбл, не обращая внимания на наши переглядывания.

– Глупости, – оборвал ее Рейнард. – В лучшем случае она затаилась где-то в зале. И выползет ночью.

– А в худшем? – насторожилась я.

От ответа моего жениха избавила горничная, вновь появившись с подносом.

– Прошу прощения, но хозяин впал в очередной экзистенциальный кризис, отказывается давать ключи от погреба, потому я осмелилась предложить вам чай, пирог и сладости, – служанка улыбнулась и, получив очередную монету, вновь вышла.

Мы переглянулись и пожали плечами.

Мейбл

– О, пирожки! – обрадовалась Амелия, разглядывая поднос. Она быстро выхватила один, откусила и закатила глаза. – Как вкусно!

– Можно подумать, вас в пансионе морили голодом. – Рейнард невольно улыбнулся детскому восторгу своей невесты.

– Не морили, но пирожки, как и конфеты, были редкостью, – пояснила я, разливая чай по чашкам.

– Это еще почему? – удивился Этьен.

– Потому что идеальная жена должна быть изящной, томной и хрупкой, – пояснила я.

– Они даже шоколадки отбирали, – пожаловалась Амелия, – а у меня без них мозги не работают!

Мужчины с ужасом воззрились сначала на девушку, потом на кучу фантиков, невероятно быстро скопившуюся на подносе около моей соученицы. На их лицах было буквально написано, что если Амелия в бесконфетном состоянии смогла провернуть эдакую аферу с сундуком и мнимой помолвкой, то что же будет, когда ее фантазия получит подпитку.

– Какая... э-э... жестокость! – первым сообразил Рейнард, аккуратно убирая вазочку с конфетами подальше от невесты.

– Именно! – ничуть не смущаясь, та потянулась за конфетами, точно лошадь за морковкой. Рейнард отодвигал вазочку все дальше, но подруга упорно продолжала тянуться за ней, пока Этьен не выхватил из рук кузена злополучную вазочку и вновь не водрузил на стол.

– Как раз всем поровну! – обрадовалась Амелия, увидев, что в вазочке осталось всего четыре конфеты.

Быстро, пока никто не остановил, она схватила одну из них, развернула фантик и запихнула конфету в рот.

Мы с Этьеном многозначительно переглянулись, а Рейнард вздохнул и быстро съел свою. Я тоже взяла одну, хотя к конфетам была

равнодушна. Но это был единственный способ противостоять подпитке неумемных мыслей моей подруги.

Амелию это не расстроило. Подперев щеки кулаками, она сидела и шурилась, точно довольный котенок. Или удав. Хотя от такого количества сладкого удаву бы точно стало плохо.

От змеи мои мысли плавно переместились к игуане. Предположение, что огромная ящерица бродит по дому, заставляло ощутимо напрячься.

– Как вы думаете, игуану уже поймали? – с надеждой в голосе поинтересовалась я.

– Вряд ли, – отозвался Рейнард, тоже пришедший в благостное расположение духа после еды.

Он откинулся на спинку стула и задумчиво смотрел, как кузен уплетает пирожки.

– Глядя на тебя, можно подумать, что либо ты тоже проходишь обучение в школе невест, либо недавно рубил дрова, – заметил он.

При последних словах я почувствовала, как щеки запылали, а Этьен закашлялся, подавившись очередным пирожком.

Недолго думая, Рейнард достаточно сильно ударил его по спине. Кашель прекратился, а Этьен хмуро взглянул на кузена.

– Я уже и забыл о твоём неординарном умении говорить под руку! – проворчал он, потирая спину.

– А чаще надо бывать дома, – с фальшивой доброжелательностью посоветовал граф Аттисон. – Тогда и память вернется!

– Интересно, а почему Этьен редко бывает дома? – лениво любопытствовала Амелия, явно борясь с дремотой.

– Исключительно по собственной глупости, – отрезал Рейнард, заводя, похоже, старую песню.

Этьен тотчас вскинул голову и ответил кузену, гневно глядя на него:

– Ничего подобного, и тебе это прекрасно известно.

– Раньше – да, но сейчас это лишь вопрос твоего упрямства, – подчеркнуто спокойно откликнулся Рейнард и сделал глоток из фарфоровой чашечки, которая казалась слишком маленькой и хрупкой в руках сильного мужчины.

– В данный момент из нас двоих упрямство проявляешь ты, – подался вперед Этьен.

К чаю он не притронулся. Это и хорошо: боюсь, в тот момент ни в чем не повинная посуда вполне могла бы треснуть в его пальцах.

– Хочешь опять пообщаться со мной в том же духе, как и днем? – сердито добавил он.

– Если это необходимо, – повел плечом Рейнард, сохранявший внешнее хладнокровие, но уже не такой расслабленный, как пару минут назад.

Амелия смерила обоих насмешливым взглядом.

– Дуэль однорукого с хромоногим? – любопытствовала она. – Право слово, я хотела бы на это посмотреть! Мейбл, на кого ты поставишь?

Ее улыбка была настолько заразительна, что я не удержалась, захихикав в голос. Мужчины немного посверкали друг на друга глазами, но в итоге тоже начали улыбаться. Я в очередной раз мысленно восхитилась умением соученицы разряжать обстановку.

– Он действительно наотрез отказывается возвращаться в столицу, – примирительным тоном произнес Рейнард.

– А почему? – с живым любопытством осведомилась Амелия, не желавшая оставлять щекотливую тему.

Этьен молчал. Граф Аттисон вопросительно на него посмотрел, дескать, рассказывать или как? Ренье передернул плечами. Мол, как знаешь, но учти, что я буду внимательно следить за повествованием. И если твои слова разойдутся с истиной, пеняй на себя.

Едва я закончила этот мысленный перевод, Рейнард заговорил:

– Вообще-то это страшная государственная тайна. – Он поглядел на Амелию, сделав страшное лицо, она ответила ему тем же. Граф Аттисон усмехнулся и продолжил: – Но по прошествии нескольких лет, а главное, после того, как у принца появился законнорожденный наследник, соблюдение секретности не столь уж важно. Да и слухи при дворе и без того ходят, так что... – Он махнул рукой, словно убедил самого себя во внутреннем споре, и перешел к рассказу. – Его высочество кронпринц Генрих – человек достаточно своеобразный. И самое главное, он не привык отказывать себе в собственных маленьких – или не очень – желаниях.

Я украдкой покосилась на Этьена. Пока тот, похоже, был солидарен с оценкой, данной его кузеном.

– Лет пять тому назад случилось так, что он проявил интерес к одной юной особе, которая происходила из знатной аристократической семьи. Интерес этот оказался взаимным. Тетушки, несомненно, приставленные приглядывать за леди, судя по всему, выполняли свою работу из рук вон плохо.

– Или очень хорошо, – возразила Амелия. – Полагая, что родство с принцем искупит позор семьи.

– Может, и так, – не стал спорить Рейнард. – В любом случае тайное свидание его высочества с молодой девой состоялось, и не исключено, что не одно. Это не так уж важно. Важен результат, совершенно логичный при таких отношениях: леди забеременела. Как вы сами понимаете, крайне неприятное обстоятельство, учитывая, что на тот момент она была не замужем и даже не помолвлена.

– И что же ее родители? – охнула я.

– Были, мягко говоря, в растерянности.

– Надеюсь, ее не выгнали из собственного дома? – хмурясь, осведомилась Амелия. – А что? – округлила глаза она, поймав мой взгляд. – В наше время полно родителей, которые заботятся о чести семьи именно таким образом. Отрекаются от не оправдавшего надежды отпрыска – что может быть проще? – и готово. Мы не с ним, мы просто случайно проходили мимо. Случайно посмотрели в его сторону, случайно пожили с ним в одном доме... лет эдак восемнадцать – двадцать.

– Конкретно таким образом родители девушки не поступили, – вернул нас от общественного к частному Рейнард. – Не стану называть имен, но семья эта была облечена немалой властью и предъявить требования к королю было в их силах.

– Но они этого не сделали? – Амелия подалась вперед, внимательно слушая жениха.

– Аудиенция состоялась. – Этьен криво улыбнулся.

– Но не увенчалась для семейства успехом? – уточнила я.

– Это с какой стороны посмотреть, – мрачно отозвался Этьен.

– Скажем так, родителей девушки удалось убедить, что любовником мог оказаться не кронпринц.

– Интересно, сколько это стоило казне? – невинно заметила Амелия.

Рейнард улыбнулся:

– Это обошлось недешево. Справедливости ради надо заметить, родители девушки и сами не были до конца убеждены, что виновный – именно наследник, но точно знали: это некто, близкий к престолу. Что еще более досадно, слухи быстро распространились по дворцу, и осведомленных стало больше, чем нужно. Королю пришлось действовать, причем действовать быстро и правильно. А факторов было много. С одной стороны, оскорбленные дворяне, которых следовало как-то успокоить. С другой – принц, репутация которого не должна была пострадать ни при каких обстоятельствах. Тем более что уже велись переговоры о женитьбе Генриха на одной из дочерей короля Франкии.

– И от девушки избавились? – охнула я.

Рейнард покачал головой:

– Ни в коем случае! Даже будучи бастардом, этот ребенок несет в себе королевскую кровь! Кто знал, будут ли у принца другие дети, будут ли среди них мальчики, окажутся ли все здоровыми, доживут ли до того времени, когда Генриху понадобится наследник. Такого ребенка нельзя было терять из виду, его образование нельзя было пускать на самотек, а кроме того, нельзя было передавать право опеки чужому мужчине, желания которого могли бы хоть в чем-то пойти вразрез с королевскими интересами.

– И какой же из этого следует вывод? – осведомила Амелия тоном прилежной ученицы.

– Вывод прост. Требовался человек, который взял бы вину на себя. Достаточно близкий к трону, чтобы те, кто был в курсе сплетен, поверили в его причастность. То есть в отцовство.

– Другими словами, стали искать козла отпущения, – уточнила Амелия. Этьен одобрительно хмыкнул. – Как я понимаю, нашли?

– Нашли, – спокойно подтвердил Рейнард.

– Как я понимаю, вот этого молодого человека? – Моя соученица вопреки всем правилам этикета указала на Этьена пальцем. Тот склонил голову, изобразив по-светски неискреннюю улыбку на лице. – А его мнение хотя бы спросили?

– Разумеется, – отозвался Рейнард.

– О да, – протянул его кузен. – По такому случаю собрали целый семейный совет. Впрочем, заранее подготовив имена кандидатов. А впрочем, нет, кажется, имя там было только одно.

– И ты согласился? – удивленно выпалила я.

– Кто же станет отказывать его величеству в маленьких просьбах, – снова фальшиво улыбнулся Этьен.

– Но ты ведь на ней не женился?

Несмотря на то что речь шла о делах давно минувших дней, я сочла необходимым уточнить этот вопрос.

– Конечно же, нет, – ответил за кузена Рейнард. – Я ведь упомянул: ни король, ни принц не желали отдавать возможного наследника чужому мужчине. За Этьена из казны выплатили компенсацию, девушку просто отправили подальше от столицы, в далекий замок, где она и ее ребенок как сыр в масле катались и, насколько мне известно, катаются до сих пор. У них там раздолье, свежий воздух, игрушки, драгоценности... и никаких отцов. Так что брака от Этьена никто не требовал.

– Конечно, – едко отозвался тот. – Меня выставили не только совратителем, но еще и подлецом, не готовым нести ответственность за собственные поступки.

Рейнард раздраженно возвел глаза к потолку:

– Не надо говорить об этом с таким трагизмом. Подобные случаи происходят на каждом шагу, к тому же о той истории давно уже позабыли.

– И никакого наказания не последовало? – недоверчиво спросила Амелия.

– Ну почему? Король «разгневался» и на время приказал Этьену не появляться при дворе, – равнодушно откликнулся граф Аттисон. – Только и всего. Согласен, это было сопряжено с некоторыми неудобствами, но ничего страшного или непоправимого не случилось. Наш же общий знакомый ведет себя так, словно ему высочайшим указом отрубили ногу.

– Фамильная честь, конечно же, не в счет, – с сарказмом констатировал Этьен.

Рейнард шумно выдохнул, демонстрируя таким образом собственную досаду:

– Ты уже давно не мальчик, чтобы так все драматизировать.

– Но если вы так спокойно относитесь к подобным вещам, граф Аттисон, то почему вам было не взять вину на себя? – проворковала

Амелия. – Ведь вы, как я понимаю, состоите в не менее близкой родственной связи с королем, чем граф Ренье?

– Потому что граф Аттисон в тот момент был нужен при дворе для исполнения других государственных поручений, – ничуть не смутился Рейнард. – Если бы обстоятельства сложились иначе и роль Этьена выпала мне, я бы уж точно не стал делать из нее трагедию. Интересы короны – превыше всего, и если они требуют пожертвовать собственной репутацией, пускай.

– Для человека, репутация которого и без того небезупречна, это действительно не представляет большой проблемы, – подхватил его кузен, вновь начиная распаляться.

Рейнард приоткрыл рот для ответа, но я его опередила, стремясь не позволить конфликту разгореться с новой силой:

– Но ведь выходит, что ты, Этьен, действительно близкий родственник короля. Почему я никогда об этом не слышала?

– А ведь верно, – подхватила Амелия. – Фамилия Ренье мне смутно знакома, но не из списка первых дворян королевства.

– Естественно, – откликнулся Этьен, которому, кажется, фраза про список первых дворян нисколько не польстила. – Если бы я везде представлялся той своей фамилией, можешь себе представить, что бы творилось вокруг при каждом моем появлении? Я бы шагу не мог ступить без толпы любопытных свидетелей.

«И уж точно не смог бы вволю играть в карты в сомнительных заведениях», – пронеслось в моей голове.

– То есть фамилия Ренье – вымышленная?

Уж если Амелию что-то заинтересовало, она не успокоится, не выяснив всех тонкостей дела.

– Нет, почему? – возразил Этьен.

– Фальшивое имя тоже не совпадает с представлением моего кузена о чести, – язвительно вставил Рейнард.

– Ренье – девичья фамилия моей матери, – пропустил шпильку тот. – И одна из моих тоже. Мне она досталась вместе с титулом графа после смерти дяди. Но произносят ее только в случае полного представления со всеми регалиями, каковое случается нечасто. Так что она не на слуху.

– И путь назад, во дворец, тебе заказан? – сочувственно спросила я.

И снова Рейнард возвел очи к потолку.

– То-то и оно, что нет, – возразил он. – История давно исчерпана, и возвращаться ко двору можно хоть прямо сейчас. Но наш герой слишком обидчив и идти на мировую не желает.

– Обидчивость тут ни при чем, – запротестовал Этьен, хотя я подозревала, что он немного грешит против истины. – Меня устраивает мой нынешний образ жизни. И я не желаю ничего менять.

После этих слов в комнате воцарилось молчание. Дружелюбная обстановка, в которой начинался наш вечер, постепенно сошла на нет, и мы с Амелией, пожелав мужчинам спокойной ночи, отправились в свою комнату.

Глава 10

Приключения зеленой игуаны

Граф Аттисон спал очень плохо. Кровать была узкой и постоянно скрипела, матрас шуршал, за окном завывал ветер, а на соседней койке то и дело похрапывал Этьен. Рейнард даже позавидовал кузену, которого кочевой образ жизни приучил спать когда угодно и где угодно. Сам граф предпочитал свою огромную кровать под пышным балдахинном, перину из гагачьего пуха и любимую подушку.

Иногда к этому прилагалась еще какая-нибудь пышногрудая прелестница, хотя в последнее время Рейнард предпочитал селить очередную любовницу в небольшой уютный особняк на окраине города. Сейчас особняк пустовал. Люсилла, узнав о предстоящей свадьбе своего покровителя, закатила скандал, рассчитывая на значительную компенсацию своих слез, и граф вынужден был прекратить эти отношения, которые начинали стоить ему очень дорого во всех смыслах.

Амелия обходилась дешевле. Или дороже, это уже зависело от точки зрения. Плечо опять начало ныть, и Рейнард, стиснув зубы, осторожно заворочался, пытаясь устроиться поудобнее. Кровать скрипнула. Словно в ответ Этьен захрапел. Не выдержав, Рейнард запустил в кузена подушкой. Храп стих. Зато над тумбочкой показалась голова.

– Эй, ты что?

– Не храпи!

– Я не храплю! – возмутился Этьен. – Я всего лишь дышал!

– Ты слишком громко дышал! – проинформировал его Рейнард.

– Просто ты не можешь уснуть. Я бы тоже, наверное, не смог, будь у меня такая невеста.

– Какая невеста? – голос графа Аттисона не предвещал ничего хорошего. Мысленно он уже вспоминал, где у него лежит шпага.

– Понимаешь, она как фейерверк: яркая, и никто не знает, куда полетит и где взорвется, – Этьен усмехнулся.

Рейнард открыл было рот, чтобы возмутиться, но лишь махнул рукой, признавая правоту кузена.

– Ну а ты и Мейбл? – спросил он. – Только не отрицай, я заметил, что между вами явно что-то есть.

К удивлению Рейнарда, кузен явно смутился.

– Ну... – протянул он. – Знаешь...

– Знаю. Я заметил, что вы достаточно долго отсутствовали. – Взгляд Рейнарда стал более серьезным. – И еще я знаю, что для тебя это не просто развлечение.

– Опять решаешь все за меня? – оцетинился Этьен.

– Нет. – Рейnard широко зевнул. – Просто считаю, что ты уже слишком большой мальчик, чтобы вести ту жизнь, которую ведешь.

– Тебе напомнить, почему я веду такую жизнь? – моментально вспыхнул кузен.

– Брось, Этьен, мы оба знаем, что такая жизнь тебе нравится. Признаться, я даже немного завидую тебе, – Рейnard скосил глаза в сторону окна, в которое барабанили капли дождя, и добавил: – Летом. И в хорошую погоду.

Этьен усмехнулся, но спорить не стал, лишь взбил подушку, устраиваясь поудобнее.

– Эй, а мою? – возмутился Рейnard.

– Не я ее бросал! – Этьен отвернулся к стене и демонстративно засопел.

Рейnard кинул на кузена убийственный взгляд, но встал и поплелся за своей подушкой. Морщась от боли в плече, граф Аттисон наклонился. Под подушкой сидела игуана. Раздув кожаный мешок под горлом, огромная ящерица воинственно повернула голову в сторону мужчины.

Рейnard злорадно усмехнулся. Осторожно, стараясь не спугнуть животное, он протянул руку, подхватил игуану, оказавшуюся довольно тяжелой, и, подкравшись к кузену, положил ящерицу ему на подушку. После чего склонился к уху Этьена и томно прошептал:

– Поцелуй меня...

Тот медленно открыл глаза и вздрогнул: игуана сидела возле его лица и грустно на него смотрела.

– Зачем ты подсунул мне эту гадость?! – возмутился Этьен, выхватывая подушку из-под игуаны. – А вдруг она заразная?

Ящерица еще раз скорбно взглянула на постояльца, пошатнулась и вдруг завалилась на бок, судорожно дернула несколько раз лапами и

обмякла.

Мужчины переглянулись и дружно склонились над животным, чуть не стукнувшись лбами.

– Что ты наделал? – почему-то шепотом спросил Рейнард.

– Я? По-моему, это ты подложил ее на мою подушку!

– Она и так была в кризисе, а тут еще ты назвал ее гадостью!

– Думаешь, она так расстроилась, что умерла от разрыва сердца? –

Этьен скептически изогнул бровь, рассматривая бездыханное тело ящерицы.

– Кто ее знает, – Рейнард потыкал в тушку пальцем. – По крайней мере, еще теплая.

– Послушай, сердце бьется?

– Ты ближе стоишь, вернее, лежишь! Ты и слушай!

– А ты старше и опытнее!

– Это не значит, что я когда-либо общался с игуанами! – возмутился Рейнард.

Этьен задумчиво посмотрел на зеленую ящерицу.

– Слушай, а давай отнесем ее в клетку и положим там?

– Тогда от разрыва сердца умрет хозяин, – мрачно предсказал Рейнард, вспоминая унылую физиономию трактирщика. – Проще вынести за дверь и положить в коридоре, дескать, сама умерла. От старости.

Показалось, или от этих слов игуана вздрогнула? Мужчины переглянулись.

– Может, попытаться сделать ей искусственное дыхание? – спросил Этьен.

– Делай, конечно, я не возражаю, – покладисто согласился Рейнард, на всякий случай отступая к стене.

– Ну я не знаю... – Этьен внимательно посмотрел на ящерицу. – С одной стороны, конечно, живое существо, но с другой... а вдруг у нее глисты или, к примеру, блохи?

– У нее нет шерсти, – проинформировал Рейнард кузена. – И если ты не собираешься целовать... тьфу, делать искусственное дыхание, то я, пожалуй, выкину эту ящерицу в коридор.

– Выноси! – великодушно разрешил Этьен.

Он даже вскочил с кровати и распахнул дверь.

Проходящий мимо подвыпивший постоялец остановился, взглянул на Этьена, потом перевел взгляд в глубь комнаты на стоявшего у кровати Рейнарда, сплюнул и, пробормотав нечто нелицеприятное о мужчинах и ложах, побрел дальше. Этьен покраснел и в сердцах захлопнул дверь.

– Это не постоянный, а какой-то проходной двор! М-да, выложить эту ящерицу в коридор – не вариант! Может быть, выбросим ее в окно?

– Тогда все точно решат, что ты причастен к ее смерти!

– Не я, а мы!

– Хорошо, что ты не перекладываешь свою вину на меня одного! – Рейнард снова ткнул игуану пальцем. – Слушай, она все еще теплая...

– Предлагаешь запихнуть ее в ледник?

– У нас нет от него ключей.

Рейнард сказал это таким тоном, что Этьен понял: кузен действительно рассматривал такой вариант.

Он скривился и взглянул на тумбочку. Грязный подорожник все еще лежал там. А ведь няня говорила ему, что подорожником можно вылечить все болезни. Этьен взял листик, смачно поплевал на него и приклепнул на лоб игуаны. Кожистые веки вдруг дрогнули, глаза распахнулись, ящерица перевернулась и, пользуясь изумлением мужчин, шустро устремилась к щели в стене.

– Стой! – опомнившись, кузены кинулись за ней, столкнулись лбами и разлетелись в разные стороны.

Игуана смерила их надменно-скорбным взглядом и юркнула в щель.

– Вот ведь... – выругался Этьен, потирая на глазах вырвавшую шишку.

Рейнард взглянул на него с невольным уважением:

– Даже и не думал, что ты знаешь такие слова.

– А то ты их не знаешь!

– Ну я бы сформулировал это иначе. – Рейнард достаточно витиевато выругался и удовлетворенно улыбнулся. – Слушай, а полегчало.

– Тебе – да, а меня эта тварь умудрилась цапнуть! – Этьен продемонстрировал ряд следов на тыльной стороне ладони. – Как ты думаешь, она не была заразной?

– Этого мы уже никогда не узнаем, – почти печально отвечив Рейнард, хотя его плечи поддрагивали от сдерживаемого смеха. – Но на всякий случай приложи подорожник. Он ведь от всех болезней. Хотя не думаю, что зараза тебя возьмет!

Этьен еще раз выругался, сообщив кузену все, что он о нем думает.

Амелия

Ночью я долго не могла заснуть, все ворочалась с боку на бок. Виной тому были конфеты. За ужином я их съела столько, что теперь желудок, наверное, прилипал к спине. Стоило мне повернуться, как он отклеивался, чтобы прилипнуть к животу. А Рейнард тоже хорош. Мог бы и раньше убрать вазочку. Или не отбирать последнюю конфету.

На этой мысли я поняла, что окончательно запуталась. В конфетах и в своих отношениях с графом Аттисоном. С каких пор он стал для меня просто Рейнардом?

Память услужливо подкинула сцену: я лежу на кровати, а мой жених угрожающе нависает надо мной. Странно, но сейчас страха не было, лишь любопытство, а чем это все обычно заканчивается? Нет, в теории я, конечно, знала, что происходит в спальне между супругами, но вот так, на практике, столкнулась впервые.

В голове мелькнула шальная мысль ворваться в спальню и потребовать с Рейнарда завершения начатого, но, учитывая его характер, почему-то казалось, что он не преминет воспользоваться предоставленной возможностью. А я не была уверена, что готова для такого. К тому же там был Этьен, а мне не хотелось посвящать всех в наши с графом Аттисоном отношения.

Мейбл во сне вздохнула, обняла подушку, тихо прошептал:

– Этьен...

Полагая, что ослышалась, я даже приподнялась на локте, но подруга уже сладко спала. Я закусил губу. Похоже, проблема была даже больше, чем я себе представляла. Хотя, что греха таить, Этьен и Мейбл прекрасно подходили друг другу. Если бы не глупая нерешительность графа Ренье, он бы наверняка уже сделал предложение моей подруге. Значит, надо было только его подтолкнуть.

Я вновь перевернулась. Конфеты отлипли от живота и устремились куда-то к позвоночнику. Из-за этого мне никак не

удавалось сосредоточиться на мыслях про Этьена и Мейбл. Вдобавок за стеной поднялся какой-то шум и раздались приглушенные голоса, хлопнула дверь, потом послышались ругательства. Громкие и весьма образные, я даже постаралась запомнить несколько оборотов, чтобы повторить их при случае. Правы были мои родители, когда утверждали, что именно в путешествиях пополняется словарный запас.

И вновь наступила тишина. Как я ни старалась сосредоточиться, усталость все-таки взяла свое, и глаза начали слипаться, как обертки из-под конфет. Это забавное сравнение – последнее, о чем я успела подумать, прежде чем заснула.

Разбудила меня Мейбл. Бесцеремонно потрясла за плечо и громко сообщила, что завтрак уже готов.

– Который час? – сонно спросила я.

– Десять! – Мейбл не скрывала упрека.

– Могла бы разбудить и попозже, – проворчала я, накрываясь одеялом с головой, чтобы поспать еще часик-другой.

– Амелия, все ждут только тебя! И одна я вниз не пойду.

Мейбл бесцеремонно сдернула одеяло. Я уничижительно посмотрела на подругу, но на нее мой взгляд не произвел никакого впечатления. Пришлось вставать.

Вновь надевая вчерашний наряд, принадлежавший Мейбл, я уныло рассматривала себя в зеркало.

– Знаешь, наверное, мне стоит прогуляться в ближайший город, чтобы купить себе несколько платьев, – известила я подругу. – Иначе Рейнард так привыкнет к этому, что мне придется не носить ничего другого, чтобы он не потерял меня в толпе.

– А ты собираешься ходить с ним в толпе? – зачем-то уточнила Мейбл.

– Нет, но мало ли какая случится оказия! Бедняга просто потеряется и уйдет с другой женщиной!

– Скажи проще: ты хочешь принарядиться, – уточнила подруга.

– Ну... не без этого, – не стала отрицать очевидное я. – А ты?

– Ты же знаешь, у меня нет на это средств, – отмахнулась она.

– У тебя и платьев уже нет, – я многозначительно посмотрела на то, в которое была одета. – Давай так: я ведь должна тебе как минимум

одно платье, вот я его и куплю взамен того, в котором я сейчас, и мы квиты?

Мейбл задумчиво взглянула в окно. Было видно, что гордость борется в ней с желанием надеть новое платье.

– Не знаю, – протянула она.

– Если хочешь, я поставлю на это пару пятен! – предложила я. – Ну же, Мейбл, я ведь предлагаю от чистого сердца! И потом, если ты потолстеешь, то всегда сможешь мне его вернуть!

– Кто потолстеет? Я? – возмутилась подруга. – Да это скорее ты раздашься! Все конфеты вчера слопала!

Она шутливо замахнулась на меня подушкой.

– Зато я позаботилась об остальных! – гордо возразила я. – Вам почти ничего не досталось, и, следовательно, за ваши фигуры я абсолютно спокойна. Ладно, идем, а то мне пить хочется.

В зал мы спустились в достаточно приятном расположении духа. Мужчин все еще не было, и я выразительно посмотрела на Мейбл, давая понять, что мы и сами могли бы не торопиться. Подруга в ответ лишь пожала плечами.

– Ты же все равно собиралась в город, – заметила она.

– Верно! – я повернулась к трактирщику, который сидел за барной стойкой, подперев щеку рукой, и тяжело вздыхал. – Не нашлась? – с сочувствием спросила я.

Мужчина лишь покачал головой и отвернулся, украдкой вытирая слезы. Похоже, отсутствие единственного друга явилось для него огромным ударом.

Понимая, что тревожить человека в такой момент обыденными вопросами по меньшей мере бестактно, я отошла и обратилась к ближайшей подавальщице, дородной румяной женщине:

– Скажите, а как отсюда добраться до ближайшего города?

– Вам в библиотеку, что ли, надо? – оживилась та.

– Почему в библиотеку?

– Ну как же, вы – барышни образованные, привыкли ко всяким там романам. Вот к нам как-то одна дама приезжала, все рассказывала, как книгу читала, так там девушка со зверями разговаривала, попугая грамоте обучила, да в итоге фавориткой короля стала. Там еще ящерка была, как наша, снулая да хворая.

Мейбл скептически посмотрела на подавальщицу, словно подозревая, что та все выдумала на ходу. Я лишь кивнула, делая вид, что внимательно слушаю.

– Так постоянщица книгу в библиотеке брала?

– Книгу? Нет, книгу она с собой привезла, а вот платья – те в городе покупала, – подавальщица поманила меня пальцем и заговорщицки прошептала на ухо: – Она ж с хозяином нашим все амуры крутила.

– Кто? Ящерка?

– Да какая ящерка? – всплеснула руками женщина. – Постоящица. Только вот исчезла она.

– Как исчезла?

– Да кто ж ее знает? Пришли с утра, а дверь открыта и женщины нигде нет, а на постели ящерка эта... Хозяин ее подобрал, да с тех пор души в ней не чаял... А она убегла...

– Женщина?

Я окончательно запуталась.

– Ящерка, – назидательно отозвалась подавальщица. – А ежели в город надо, так мой Томас поедет. Аккурат в обед! Ему почту надобно получить! Он вас и отвезти может, и назад потом забрать!

Я взглянула на Мейбл, с интересом прислушивающуюся к нашему разговору. Подруга покачала головой, из чего я заключила, что вполне могу отправиться в город с упомянутым Томасом самостоятельно, и попросила подавальщицу сказать парню, чтобы не уезжал без меня.

– Мейбл, а ты что обо всем этом думаешь? – спросила я у подруги, усаживаясь за стол и хватая двумя руками кружку с кофе. – О, горячая!

– Доброе утро! – раздался за спиной голос графа Атгисона.

От неожиданности я подскочила и расплескала кофе.

– Рейнард!

Я с укором взглянула на своего жениха. Больше всего он напоминал медведя, разбуженного зимой.

Не дожидаясь приглашения, он сел рядом со мной и потянулся за кофейником.

– Доброе утро! – между тем поприветствовал нас Этьен, занимая место рядом с Мейбл.

Судя по тому, какими взглядами обменялись эти двое, я была абсолютно права в своих предположениях. Оставалось только придумать способ, чтобы соединить их. Я невольно взглянула на жениха, предназначенного мне с рождения. Он задумчиво пил кофе и даже не смотрел в мою сторону.

Заметив мое праведное возмущение, Этьен доверительно произнес громким шепотом:

– Не берите в голову, он всегда такой с утра.

– Глупости! – отозвался тот. – Я просто не выспался, потому что кое-кто храпел!

Он выразительно взглянул на кузена.

– Я не храпел! – возразил последний, почему-то косясь на Мейбл.

– А еще вы оба бегали по комнате, хлопали дверью и ругались, – невинно заметила я.

Мужчины с досадой переглянулись.

– Мы видели игуану, – признался Этьен.

– И даже пытались ее поймать, чтобы вернуть законному владельцу, – подхватил Рейнард.

Эти двое пели так слаженно, словно придумывали совместные оправдания не в первый раз. Впрочем, учитывая родственные связи и незначительную разницу в возрасте, скорее всего, так оно и было на самом деле. Наверняка в детстве они проводили немало времени вместе.

– И что же случилось? – поинтересовалась Мейбл, старательно сдерживая улыбку.

– Она меня укусила! – Этьен продемонстрировал нам руку, на которой виднелись следы зубов.

– Это не опасно? – встревожилась подруга. – Надо промыть и перевязать!

– Он приложил подорожник, – хмыкнул Рейнард, допивая кофе и со стуком ставя кружку на стол.

Этьен был прав: после кофе граф Аттисон пришел в свое обычное, то есть просто дурное, расположение духа.

– Жаль, что вы ее не поймали.

Мейбл кинула сочувственный взгляд в сторону трактирщика, неподвижно сидевшего за стойкой.

– Да, – кивнул Рейнард и сменил тему: – Думаю, нам пора собираться.

– Собираться? Куда? – удивились мы трое.

– В пансион, разумеется. Не думаете же вы, что мы так и будем колесить вчетвером по дорогам?

Я вздохнула, потому что как раз об этом и думала. Но вслух произнесла:

– Вообще-то нам и втроем было неплохо!

За что получила гневный взгляд от Рейнарда, протестующий – от Этьена и виноватый – от Мейбл.

– Рейнард, не думаю, что возвращение в пансион – хорошая идея! – возразил Этьен, которого замечание кузена явно не привело в восторг. – Я понимаю, выглядеть самым мудрым в компании – крайне приятно, но, будь любезен, вспомни о той причине, по которой Мейбл сбежала из пансиона.

– Ты имеешь в виду жирного старикашку, возжелавшего купить себе молоденькую жену? – Рейнард отмахнулся. – Проблемы, дражайший кузен, надо решать, а не бегать от них всю оставшуюся жизнь. Тем более что эта конкретная проблема наверняка уже разрешилась сама собой. Не думаю, что после побега Мейбл Годфри по-прежнему заинтересован в этом браке. Тут как-никак задета его гордость.

– Да, но он нанял шпииков следить за ней! – возразила я. – Мне довелось лично пообщаться с ними в «Оазисе». Я даже была вынуждена назвать свое имя и представиться невестой Этьена.

– Даже так? – Рейнард почему-то вновь нахмурился и недовольно взглянул на кузена: – Интересно, где в этот момент был ты... – А затем он перевел взгляд на слегка покрасневшую Мейбл. – Впрочем, нет, уволь меня от объяснений.

– Где бы ни был в тот момент Этьен, я не собираюсь возвращаться в пансион и снова выслушивать глупости о том, чем должна восхищаться женщина в супружеской спальне! – отчеканила я.

– Любопытно. – Брови графа Аттисона поползли вверх. – И чем же?

– Генофондом, – ласково подсказала Мейбл. Нахмурилась, припоминая формулировку. – Поскольку мужчина – существо слабое и падкое на лесть, его надо непременно хвалить и восхищаться, –

заученно отбарабанила она, будто показывала наставнице, что выучила урок.

– Чьим генофондом будем восхищаться первым? – поддержала я подругу.

Кузены переглянулись.

– Знаешь, похоже я слегка погорячился с вашим возвращением в пансион, – пошел на попятный Рейнард. – Наверняка этот Годфри просто так не отступится.

– Думаю, да, – поспешно согласился Этьен. – И если никто не против, мы задержимся здесь на несколько дней.

Мы с Мейбл переглянулись и кивнули, соглашаясь с первым здравым предложением за все утро.

– Жаль все же, что вы не поймали игуану, – говорила я чуть позже, сидя рядом с женихом в двуколке, которую нам щедро предоставил хозяин постоянного двора. Вернее, в ответ на просьбу Рейнарда он вяло махнул рукой, пробормотал: «Берите, что хотите», – и снова впал в депрессию. Рейнард не стал ничего уточнять, а просто положил несколько серебрушек на стойку и направился в конюшню. Звон монет за спиной возвестил, что трактирщик все-таки скинул их в ящик стола.

В конюшне граф Аттисон непререкаемым тоном отдал несколько распоряжений конюху, лично проверил упряжь, и вскоре мы уже катили по дороге. Я с тихой завистью посматривала на гнедую пару. Не самые резвые, но все-таки это были лошади. В поместье я часто сама правила фаэтоном: отец научил меня, когда мне исполнилось тринадцать.

В пансионе лошадей не было. Более того, наставницы постоянно твердили, что истинной леди можно лишь сидеть на пассажирском сиденье и восхищаться, как правит фаэтоном мужчина, даже если у него кривые руки и он рвет лошадям рты.

К Рейнарду это не относилось. Я действительно восхищалась его точными, обманчиво-расслабленными движениями. Перчатки из серой кожи плотно обтягивали кисти рук, и я невольно залюбовалась ими, вспоминая, как вчера они обнимали меня, удерживая, чтобы я не вцепилась Мейбл в волосы.

Увлечшись, я пропустила момент, когда Рейнард остановил лошадей и что-то у меня спросил.

– Что?

Я почувствовала, как краснею, точно меня застучали за недостойным занятием. В принципе, так оно и было.

– Хотите? – Жених протянул мне вожжи.

Я недоверчиво посмотрела на него.

– Вы действительно дадите мне?.. Конечно, хочу, – спохватилась я, забирая вожжи из рук графа Аттисона. Наши пальцы соприкоснулись, и по телу радостной толпой пробежали мурашки. Я даже украдкой осмотрела себя: может, мы наехали на муравейник? Но нет, ничего не было, только в животе будто бы порхали бабочки. Или кто там обычно порхает, если верить романам? Решив разобраться со своим внутренним животным миром позже, я аккуратно послала лошадей легкой рысью, принаравливаясь к их ходу.

– Хорошо, – одобрительно произнес Рейнард, внимательно следя за мной, чтобы в случае необходимости перехватить вожжи.

Я не возражала: лошади были незнакомыми и неизвестно как выезженными, поэтому помощь могла оказаться нелишней.

Дорога была сухой и немногочисленной, так что до города мы доехали достаточно быстро, после чего Рейнард вновь перехватил у меня поводья.

– Я ничуть не сомневаюсь в ваших умениях, – сказал он, заметив мой недовольный взгляд, – но мы сейчас не в том положении, чтобы привлекать излишнее внимание.

Довод был достаточно разумным, и мне пришлось согласиться. Двухколеска подъехала к магазину, где в витрине были выставлены два платья – клетчатое и кипенно-белое.

Я насмешливо взглянула на Рейнарда, и он недовольно поморщился, но промолчал.

– Я бы хотела первым делом заехать в банк... – заговорила я, вынужденная указать на его просчет.

– В банк? Зачем?

– Разумеется, чтобы взять денег.

– Не думаю, что это хорошая идея.

– Почему?

– Служащие банка потребуют доверенность, которой у вас наверняка нет, после чего задержат вас и отправят магическое письмо вашим родителям. А те вновь возвратят вас в пансион.

– Но тогда... – я слегка растерялась, пытаюсь сообразить, как лучше объяснить, что у меня просто нет при себе денег на покупку платьев.

Граф Аттисон совершенно верно истолковал мою заминку. В руку мне лег небольшой, но достаточно тяжелый кошелек.

– Полагаю, что могу надеяться на ваше благоразумие, – произнес жених, спрыгивая с двуколки и протягивая мне руку, чтобы помочь спуститься.

– Но я... Рейнард, я не могу принять эти деньги!

– Считайте это дружеским займом.

– А мы друзья?

– По крайней мере – соседи, – он подхватил меня за талию и бережно поставил на землю. – Ну и немножко помолвлены, если вы вдруг забыли.

Я рассмеялась:

– Вам обязательно было напоминать об этом?

– Конечно, – с довольной улыбкой подтвердил Рейнард. – А теперь ступайте. Надеюсь, двух часов вам хватит?

– Вы не пойдете со мной?

– К модистке? – Он содрогнулся. – Ни за что!

– Вы говорите так, будто уже там бывали.

Я прищурилась. Конечно, мне доводилось слышать, что иногда мужчины сопровождают женщин к модисткам и даже присутствуют в раздевалке.

– У меня есть мать и сестра, а также две племянницы. – Рейнард снисходительно посмотрел на меня. – Так что я прекрасно знаю, от чего отказываюсь! Заеду часа через два, надеюсь, этого времени будет достаточно!

Он распахнул дверь, пропустил меня, после чего вновь вскочил в двуколку и поспешил по своим делам.

Я же переступила порог и осмотрелась. Светлая мебель, модная полосатая обивка. По всей видимости, дела хозяйки шли хорошо. В одном из удобных кресел восседала дородная дама в персиковом платье и ярко-алом тюрбане. При виде меня она нахмурилась. Оно и понятно: в ее глазах я была слишком юной, чтобы бродить по улицам в одиночестве.

– Добрый день! – вежливо поздоровалась я. – Скажите, это действительно самая лучшая модная лавка в городе?

– Да.

Дама неодобрительно поджала губы.

– Замечательно! – Я улыбнулась как можно более приветливо. – А вы не подскажете, где хозяйка?

– Она вышла за образцами тканей.

Тон женщины был ледяным. Судя по всему, она видела, кто меня провожал, и поспешила сделать соответствующие выводы. Конечно, благоразумнее было просто промолчать, но презрительные взгляды этой дамы меня задели, потому я продолжила:

– Видите ли, почтовая карета, в которой я путешествовала, перевернулась, и сундук разбился...

Для правдоподобия я слегка всхлипнула.

– Путешествовали?

Как ни старалась женщина сохранить холодность, было видно, что она жаждет сплетен.

– Да, мы с компаньонкой в сопровождении моего кузена ехали в столицу, – вдохновенно продолжила я. – Там живет моя тетушка, леди де Кресси.

В глазах собеседницы мелькнул интерес.

– Леди де Кресси – ваша родственница?

– Да. Это моя тетя. Родители отправили меня к ней, чтобы я приобрела светский лоск.

– Вот как?

Взгляд женщины становился все более заинтересованным.

– Да, вы же понимаете, что, когда у девушки есть приданое, ей надо быть очень осторожной!

Я потупила взгляд.

– Конечно, конечно. – Дама всплеснула руками, напомнив курицу-наседку. – Наверное, вам очень тоскливо в нашем маленьком городке?

– Ну... – протянула я, гадая, с чего она вдруг стала столь приветливой.

– О, я позабыла представиться, – спохватилась дама. – Миссис Уоллтон, жена градоправителя и одна из патронесс местной ассамблеи.

– Очень приятно.

– И я подумала, что вам, наверное, очень скучно приходится на постоялом дворе...

– Ну... – неопределенно протянула я.

Не объяснять же супруге градоправителя, что в нашей компании не соскучишься.

– Завтра вечером в ассамблее мы даем благотворительный бал. Я внесу в список приглашенных вас и вашу компаньонку! – Она достала из ридикюля небольшую записную книжку и сделала пометку. – Как ее имя?

– Мейбл. Мейбл Фэйтон.

– Замечательно. Буду очень рада вас видеть! И вашего кузена, конечно же, тоже...

В ее голосе прозвучала досада. Я с удивлением посмотрела на собеседницу, но в этот момент в лавку вернулась модистка.

Примерка заняла гораздо больше двух часов, ведь мне пришлось, ко всему прочему, подобрать еще два бальных платья. Когда, расплатившись с портнихой, я вышла, Рейнард нетерпеливо вываживал коней вдоль улицы.

– Ну наконец-то! – пробормотал он, подходя и помогая мне взобраться на сиденье. – Я уж думал, вы решили остаться там навечно!

– Я задержалась всего лишь на полчаса! – возразила я. – Только не говорите, что это время показалось вам вечностью!

– Подобную глупость я точно не скажу, но лошади застоялись, и потому я вряд ли позволю вам править ими по дороге обратно!

– Вы не можете так поступить!

Я даже задохнулась от подобной несправедливости.

– Вы так думаете? – Граф Аттисон приподнял брови, вдоволь насладился выражением возмущения на моем лице и рассмеялся. – Я действительно этого не сделаю, но конфет вечером вы точно не получите!

Если он хотел меня напугать, то просчитался: после вчерашнего на конфеты я и смотреть не могла, потому лишь послушно кивнула головой и радостно перехватила вожжи.

Глава 11

Знакомство с родителями

Мейбл

Упоминание о шпиках мистера Годфри заставило меня снова заволноваться, и я предпочла лишний раз не выходить из комнаты. К тому же я заметила, как Амелия смотрит на своего жениха. Что-то в этом взгляде появилось новое, да и Рейнард уже взирал на девушку скорее с любопытством, нежели с неодобрением. Словом, я решила дать им возможность побыть наедине.

Этьен извинился и тоже умчался куда-то в сопровождении верного Гарри, а я осталась одна.

Чтобы хоть как-то отвлечься от грустных мыслей, я решила написать Лизетте, единственной подруге, которая наверняка волновалась о моей судьбе.

Пришлось несколько раз переписать письмо, прежде чем мне удалось связно изложить свои мысли и ни разу не упомянуть Амелию.

Дорогая моя Лизетта,

прости, что долго не давала о себе знать. События закружились столь стремительно, и я так в них запуталась, что просто не могла написать прежде. С радостью исправляю эту оплошность.

Начну с того, что мой побег, который мы с тобой так старательно готовили, с самого начала пошел не по плану. Известный тебе извозчик не приехал. Должно быть, он не сумел освободиться или же перепутал адрес. Я прождала его несколько часов. Но не волнуйся, дорогая моя Лизетта. Правду говорят: все, что ни делается, то к лучшему. Когда я уже собиралась возвращаться – а ты представляешь, каким позором обернулось бы такое возвращение, ведь мне неминуемо пришлось бы столкнуться с привратником и все узнали бы о неудавшемся побеге! – так вот, когда я стала подумывать о том, чтобы отправиться обратно в пансион, появилась другая карета. Ее хозяин оказался настолько добр, что довез меня до постоянного двора, помог устроиться на ночлег, спас от напавшего на мой след Годфри и продолжает опекать до сих пор. Все

это совершенно бескорыстно, исключительно по благородству души. Какое счастье, что хорошие люди все-таки существуют! Порой мне становится совсем тоскливо, но тогда я вспоминаю о нем и о тебе и понимаю, что жизнь небеспросветна.

Боюсь, сейчас мне пора заканчивать письмо. Прости, если оно вышло немного сумбурным. Я все еще не в силах как следует осмыслить то, что произошло со мной за последние дни. Очень хочу получить от тебя весточку. Как ты живешь, что принесла тебе эта неделя? Я остановилась на постоялом дворе «Зеленая игуана». Думаю, мы пробудем здесь еще несколько дней, и очень надеюсь, что успею получить твой ответ.

Твоя Мейбл

Перечитав письмо еще раз, я вложила его в конверт и указала имя адресата, после чего спустилась в зал и попросила трактирщика отправить письмо с остальной почтой. Он меланхолично кивнул и протянул конверт крепкому вихрастому парню. Насколько я поняла, это и был тот самый Томас, который изначально должен был подвезти Амелию.

Я собиралась вновь уйти в свою комнату, когда вдруг увидела Этьена, входящего на постоялый двор с вытянутым от удивления лицом.

– Мейбл, – он подскочил ко мне, но сказать ничего не успел: внезапно вернувшийся Томас громко его окликнул.

– К вам посетители, граф Ренье!

И пошире распахнул дверь, впуская в зал мужчину и женщину в летах. Дама среднего роста была одета в платье, сшитое по последней моде, разумеется, с учетом всех возрастных ограничений. Ее темные волосы почти не поседели и были подстрижены довольно-таки коротко – настолько, что уберечь еще сантиметр, и длину можно было бы назвать скандальной. Словом, прическа оставалась в рамках приличий, но балансировала на самой грани.

Мужчина, высокий, довольно-таки крупного телосложения, был одет не менее аристократично, но эпатировать явно не стремился. Увы, с его волосами седина обошлась более жестоко, однако вид он имел здоровый и жизнерадостный.

– Матушка? Отец?

Я тихо ахнула, а Этьен, придя в себя, устремился к родителям, поцеловал женщину в щеку и крепко пожал руку мужчине.

– Я, конечно, очень рад вас видеть, но... как вы здесь оказались?

Судя по всему, для него этот визит оказался такой же неожиданностью, как и для меня.

– Ну как же, сынок! – укоризненно покачала головой женщина, элегантно скидывая с плеч плащ, который моментально подхватил лакей. Это произвело на меня впечатление: никому из пансионеров столь отточенное движение никак не удавалось, несмотря на все тренировки. – По столице прошел слух, что ты скоро женишься на леди де Кресси. А мы, твои родители, об этом ни сном ни духом! Разве же мы могли спокойно сидеть дома после таких-то новостей? Конечно, мы тут же сорвались с места. По счастью, семейный маячок сообщил нам, в каких краях ты находишься. А дальше мы отправились в мэрию – ты ведь знаешь, там служит давешний отцовский приятель, – и получили разрешение на портал без проволочек и с существенной скидкой.

За время этого монолога отец Этьена ни разу не подал голоса, однако лицо его, обладавшее богатой мимикой, было весьма красноречиво. Пользуясь тем, что он стоял чуть позади супруги и при этом обладал более высоким ростом, мужчина отчаянно старался дать сыну понять: он вовсе не считал необходимым мчаться сквозь все препятствия в этот дом, был убежден, что сын справится со своими женщинами и сам, а он предпочел бы в данный момент спокойно попивать вино за партией в бридж. Но решения в данном случае принимал не он, а супруга...

Тут он вытянул руку, указывая на мать Этьена, та же, повернув голову, засекла этот жест. Седовласый мужчина мгновенно спрятал руку за спину и принял выражение лица идеального семьянина.

– Понятно, – сказал Этьен, пытаясь скрыть за таким заявлением свою растерянность.

И действительно: как он мог поступить в сложившейся ситуации? Возразить, что все услышанное родителями неправда, беспочвенный слух, пущенный неким мистером Годфри, а сам он не состоит с леди де Кресси ни в каких отношениях, за исключением дружеских, да и то с большой натяжкой? И самым большим их совместным грехом было поедание конфет. Не считая разве что сундука...

Наверное, раскрыть истину было бы самым справедливым поступком в отношении родителей, но, сколь ни стыдно это признавать, в противовес такому простому решению вступали мои интересы. Этьен отлично понимал: если станет известно, что он не женится на Амелии и вовсе не намеревался похитить ее из пансиона, знающие люди сразу же поймут: в действительности с ним уехала я, Мейбл Фэйтон. Эти сведения дойдут до мистера Годфри, тот приедет снова – и уж тогда так легко, как в первый раз, от своего не отступится. А в том, что об отмене свадьбы с Амелией станет известно, сомневаться не приходилось. Помимо нас четверых и родителей Этьена, в комнате находился Томас, а за ее пределами толпилось еще человека три – так я, по крайней мере, могла определить на глаз. Стало быть, рассчитывать на строгую секретность было бы глупо.

Этьен понимал все это не хуже меня и потому после непродолжительной паузы вынужденно кивнул.

– Да, так получилось, – лаконично ответил он, но этого хватило, чтобы слова были расценены как признание.

– Замечательно, но скажи, почему тогда ты держишь за руку эту милую девушку, кстати, а кто она? – графиня с интересом взглянула на меня.

Моя ладонь выскользнула из руки Этьена.

– Ну... – протянул он, стараясь выиграть время.

Как раз в этот момент Амелия появилась в дверях и замерла, с интересом рассматривая нашу компанию.

– Дорогая, наконец-то! – Этьен буквально кинулся к ней, обнял и быстро чмокнул в щеку, заслоняя от родителей, чтобы те не увидели вылезшие из орбит глаза леди де Кресси.

– Этьен, я и не думала, что вы так без меня скучали, – только и смогла сказать она.

– Безмерно! Каждая секунда без вас казалась вечностью! – Он склонился к уху Амелии и прошепел: – Здесь мои родители, не стоит, чтобы они знали о Годфри. Подыграйте мне.

– О, – только и сказала в ответ Амелия.

Быстро чмокнув Этьена в щеку, она решительно направилась к якобы будущим родственникам.

– Рада встрече.

Подруга сделала грациозный реверанс и вопросительно взглянула на пожилую пару.

– Поздравляю! – с воодушевлением воскликнул отец Этьена. – Мы с графиней Ламбер очень за вас рады!

Настал мой черед ахнуть. Фамилия Ламбер была слишком хорошо известна. Сразу стало понятно, почему Этьен назывался девичьей фамилией матери.

– Да, конечно, очень рады, – эхом отозвалась графиня Ламбер, и я почувствовала, что искренности в ее словах куда как меньше.

– Амелия, я...

Рейнард появился в дверях. При виде родителей кузена, его брови удивленно поползли вверх.

– Тетя, дядя! Какой сюрприз! – воскликнул он, подходя и сперва почтительно целуя руку графине, а потом обмениваясь крепким рукопожатием с графом. – Что сподвигло вас на путешествие?

– Известие о том, что наш сын наконец-то нашел себе невесту! – ответил граф Ламбер.

– Кстати, Рейнард, а сам ты что здесь делаешь? – забеспокоилась графиня. – Ведь если мне не изменяет память, именно ты был помолвлен с леди де Кресси.

– Был? – Рейнард нахмурился. Три пары глаз умоляюще взглянули на него, а Амелия еще и едва заметно покачала головой. Граф Аттисон скрежетнул зубами. – Вот оно что... да, я *был* помолвлен.

– Наверное, разрыв – это очень тяжело, мой мальчик, – как ни в чем не бывало продолжала графиня.

– Ну что вы! – язвительно отозвался Рейнард. – Я с самого начала знал, что мы с Амелией слишком разные, а уж после того, как она одна съела все конфеты, точно понял, что мы совершенно не подходим друг другу.

– О да! – язвительно отозвалась подруга. – К тому же Рейнард храпит и ругается, как портовый грузчик.

– Храпит как раз Этьен, – возразил Рейнард.

– Значит, ругательств вы не отрицаете?

– Храпит? – графиня Ламбер обеспокоенно взглянула на Амелию. – Откуда такие сведения?

– Наши комнаты находятся по соседству, и я всю ночь не могла сомкнуть глаз, – наябедничала та.

– Меньше надо было есть конфет! – совершенно бессердечно отозвался граф Аттисон.

– Дорогой, – графиня Ламбер обеспокоенно взглянула на супруга. – Видишь, как хорошо, что мы приехали! А ты еще сомневался!

Судя по взгляду, которым граф одарил супругу, его сомнения лишь усилились, но графиню это не смутило.

– Милейший, – обратилась она к подоспевшему трактирщику, – надеюсь, у вас есть свободные комнаты?

– Даже свободная клетка, мадам, – отозвался тот, грустно посматривая на вышеупомянутый предмет.

– Нет, клетка мне не нужна, разве что... – она смерила нас всех каким-то странным взглядом, потом взглянула на клетку и покачала головой, словно убеждаясь, что ни один из нас туда не поместится. – Нет, мы обойдемся без нее. Но я все равно хотела бы привести себя в порядок. Дорогой?

Граф вздохнул и последовал за женой вверх по ступеням.

– Ну и что вы все опять затеяли? – ехидно поинтересовался Рейнард, когда шаги графа и графини затихли, а этажом выше захлопнулась дверь.

– Рейнард! Если правда о Мейбл всплывет, сюда может заявиться мистер Годфри. Ты же не хочешь, чтобы он начал предъявлять на нее свои права? – сердито прошипел Этьен.

– Да? – Его кузен озадаченно потер нос. – Наверное, не хочу.

– Именно! – категорично заявила Амелия. – И вообще, что вам стоит изобразить, будто вы помолвлены с Мейбл? Это сделает картину более убедительной.

– Абсолютно ничего, – отозвался Рейнард. – Мне даже ничто не мешает жениться на Мейбл по-настоящему!

Этьен нахмурился, Амелия поджала губы. Оба весьма красноречиво давали понять: кое-что графу Аттисону все-таки помешает.

– Право, думаю, женитьба – это лишнее, – поспешно сказала я.

– Да, не спорю, жизнь во грехе имеет свои прелести! – весело согласился Рейнард. – Встречаешь приятную во всех отношениях особу, вспоминаешь, что не женат, и думаешь: «Какая прелесть!»

Подруга обиженно засопела, и я поспешила вмешаться:

– Полагаю, лишнее притворство никому не пойдет на пользу. Амелия представит меня как свою компаньонку. Этого будет достаточно, чтобы объяснить мое присутствие. Хорошо?

Она кивнула в знак того, что не возражает, и все равно обрушилась на Рейнарда:

– Если вам так противен брак, почему же вы не разорвали нашу помолвку?

Граф Аттисон насмешливо взглянул на невесту.

– А вы сами как думаете? – спросил он. – Кстати, Этьен, мне интересно, как ты потом собираешься объяснять все родителям?

– Что-нибудь придумаю, – мрачно отозвался тот. – Но пока остается угроза со стороны Годфри, придется соблюдать конспирацию. А сейчас мне стоит узнать, есть ли здесь отдельные гостиные для того, чтобы пообедать в семейном кругу.

Гостиная нашлась. Думаю, на кухне поднялся самый настоящий переполох, но в итоге нам подали весьма вкусный обед, настолько приближенный к праздничному, насколько это было возможно устроить в столь краткие сроки. Слуги, вносявшие в столовую блюдо за блюдом, улыбались и излучали всяческую доброжелательность, что красноречиво свидетельствовало: не только в пансионе Святой Матильды обучают искусству лицемерия.

Стол накрыли на шестерых: Этьена и его родителей (Августа и Розалинду Ламбер), Рейнарда, Амелию и меня. Я пыталась этого избежать, воспользовавшись положением мнимой компаньонки и под таким соусом пробормотав, что мне, наверное, лучше будет удалиться. Но соседка одарила меня воистину убийственной улыбкой, откровенно предупреждавшей: надумаешь ускользнуть от ответственности – убью! После чего во всеуслышание заявила, что ее компаньонка непременно должна обедать за общим столом, со всеми на равных. Не зверь же она, Амелия, бездушный, в самом деле! Рейнард тут же начал поддакивать, явно имея свои корыстные мотивы. Пришлось уступить, тем более что этот подход был по-своему справедлив: весь этот спектакль игрался в первую очередь ради моего спасения от мистера Годфри. Так что я осталась.

Мы расселись. Леди Розалинда, как старшая из присутствующих дам, прочитала короткую молитву, и слуги начали накладывать нам еду. По гостиной поплыли умопомрачительные запахи. Первая

странность случилась, когда разливавший вино парень, обслужив мать Этьена, приблизился к Амелии.

– Нет-нет, – поспешила вмешаться графиня Ламбер, едва бутылка наклонилась над пустым еще бокалом.

Слуга отдернул руку, и темно-гранатовая жидкость так и не потекла из узкого горлышка в прозрачный бокал.

– Вам не следует пить вино, юная леди. – Леди Розалинда произнесла эти слова с материнской улыбкой на лице, но за доброжелательностью скрывалась требовательность и жесткость, которым сложно было идти наперекор. – Лучше возьмите воды. Или, быть может, здесь найдется какой-нибудь свежий сок?

Амелия отступать не привыкла и тем более не любила, когда ей указывали.

– Отчего же? – возразила она. – Я очень люблю это вино.

– Понимаю, милочка, но теперь вам придется заботиться не только о себе. – И вновь за милой улыбкой – тон, не допускающий пререкательств. – В вашем положении следует отказаться от крепких напитков. Они могут повредить здоровью малыша.

Этьен спрятал лицо в салфетке, а пальцы Рейнарда, сжимавшие вилку, побелели.

– Малыша? – вспыхнула Амелия. – Вы заблуждаетесь. Уверяю вас: я вовсе не... я не в тягости, если вы это имели в виду.

– Вот как? – нахмурилась леди Розалинда. Отменять свой запрет она не спешила, и бедолага-слуга продолжал стоять возле «невесты», если можно так выразиться, с бутылкой наголо. – Но я подумала, что такой скоропалительный брак... должен иметь под собой весьма веские основания. Да и ваша полнота говорит в пользу моей версии.

Неприятно удивленная Амелия округлила глаза и окинула взглядом собственную фигуру. Я поступила аналогично: как-никак разница между нами была совсем небольшая, оттого мы и могли носить одни и те же платья. Вроде бы все в порядке. Мы конечно, не такие тощие, как если бы несколько месяцев промаялись чахоткой, но и пышечками нас тоже никак не назовешь. Должно быть, леди Ламбер изучала Амелию через воображаемое увеличительное стекло – как и положено рассматривать будущую невестку.

– Матушка, ты можешь нисколько не сомневаться: леди де Кресси вовсе не ждет ребенка, – вмешался Этьен, косясь на слугу, который

ловил каждое слово.

Казалось, такое заверение должно было обрадовать графиню, явно считавшую, что на ее сына ведется охота. Но нет, она еще сильнее сдвинула брови.

– Не ждет ребенка? Почему же? – Даже не знаю, удивление это было или скорее претензия. – Вы же не первый день вместе, наверняка состоите в отношениях. Вот только не надо возражать: я слишком давно живу на этом свете, чтобы поверить в сказочные истории! И если, Этьен, твоя... гм... невеста не забеременела, выходит, что она бесплодна?

Амелия нервозно сглотнула, Рейнард начал поспешно вытирать губы салфеткой, стремясь скрыть лицо. Его плечи так и подрагивали от смеха.

Лорд Август не слишком внимательно следил за разговором, больше сосредоточенный на нескольких видах коньяка, из которых ему предстояло сделать весьма непростой выбор.

– Конечно же, нет! – возмутилась предположению Розалинды «будущая невестка». – Я вовсе не бесплодна.

– Откуда вы знаете? – тут же перехватила инициативу та. – У вас есть тайные дети? Сколько их? С кем они живут? С отцами? С кормилицами? Надеюсь, вы не отдали их в бедные семьи? Да, и если о них пекутся кормилицы, значит ли это, что у вас мало молока?

Под таким напором даже Амелия, в принципе не страдавшая стеснительностью, не сразу нашлась что сказать.

– Матушка, у леди де Кресси нет тайных детей, и вообще никаких, – отрезал Этьен, взглядом и жестами подавая графине всевозможные знаки закрыть тему.

– Ну хорошо, – смирилась последняя, и слуга, вздохнув с облегчением, налил девушке вина. После чего продолжил обход гостей.

– Давайте в таком случае поговорим о пансионе, – с воодушевлением предложила «матушка», и наше настроение вновь ухудшилось. – Поведайте нам, что вы там изучаете.

– Манеры, литературу, вышивание, ведение счетов, – принялась загибать пальцы я.

– Эссе! – внезапно вмешался Рейнард. На лице его цвела весьма ехидная улыбка. – Леди де Кресси просто обожает писать эссе. Можно

сказать, только этим она и занимается все свое свободное время.

Амелия ответила ему еще более многозначительной улыбкой и попыталась пнуть под столом. Этьен скривился. Просто удивительно, как подруга умудрилась перепутать и попасть именно по его ноге, однако, похоже, это уже становилось традицией.

– О, эссе? – с некоторым удивлением переспросила графиня Ламбер. – А на какие темы?

– «Различия между женой и собакой», – искренне ответила Амелия, а я потихоньку прикрыла лицо руками. – И еще: «Отсутствие костей в языке мужчины: причины и следствия», – сияя, добавила она.

Рейнард довольно хмыкнул.

– Какие странные темы! – поразилась леди Розалинда. – В мое время мы больше анализировали стихотворения. А что еще вы изучаете?

– Манипуляции, – не без удовольствия сообщила Амелия.

– О, манипуляции... – мечтательно протянула мать Этьена. – Да, мы тоже когда-то проходили манипуляции. Какая прекрасная тема. Помнится, я тогда получила за курсовую работу высший балл. До чего полезный предмет, как он применим в быту!

– А что именно вы там изучали, дорогая? – любопытно спросил лорд Август, на миг отрываясь от наконец-то полученного коньяка.

– Да так, ничего особенного, – небрежно пожала плечами графиня, опуская глаза. – Я уже и не припомню подробностей: ведь это было так давно! И потом, кем мне манипулировать, в мои-то годы?

И она обвела невинным взглядом мужа, сына, будущую невестку и любимого племянника.

– Хотелось бы любопытно спросить у сегодняшних пансионеров: не обучают ли вас случайно отговоркам о головной боли? – негромко, но едко осведомился вышеупомянутый племянник.

Мы с Амелией дружно покатались со смеху, чем вызвали недоумение некоторых присутствующих.

– Нет, Рейнард, – покачала головой я. – На самом первом уроке... мм... манипуляции пансионеров учат никогда этого не делать. Поэтому если какая-то девушка при общении с вами отговаривалась подобным образом, значит, либо она не обучалась в пансионе, либо у нее в самом деле болела голова.

Розалинда поглядела на меня так пристально, что я невольно втянула голову в плечи, однозначно уверившись: сейчас начнет отчитывать. Но, к своему удивлению, услышала я совершенно иное:

– Рейнард, как я погляжу, тоже нашел свое будущее. Ты, Этьен, как всегда, хлопаешь глазами, а все самое лучшее достается твоему кузену.

Я бросила короткий взгляд на Этьена. Высказывание матери явно его не порадовало. Хотя я вовсе не собиралась замуж за графа Аттисона, в чем-то Розалинда, по-видимому, попала в точку, и в точку болевую. Так, как умеют только близкие и родные люди.

– Вы ошибаетесь, – вторя моим мыслям, заверил Рейнард. Чувствовал он себя весьма комфортно, в отличие от Этьена. – У нас с леди Фэйтон пока нет подобных планов.

– Давайте поговорим с вами через полгода, – проницательно улыбнувшись, предложила его тетя. – Кстати, приезжайте к нам со своей невестой в гости! Я испеку необыкновенно вкусный пирог.

– Матушка, ты же не умеешь печь, – скосил на нее глаза Этьен.

– Вот за полгода как раз и научусь.

– Зачем учиться печь, если у тебя есть великолепная кухарка?

– Не скажи. Лишний повод погордиться собой никогда не помешает, – возразила его мать. – Взять хотя бы госпожу Госсиби и ее пироги. Как они полезны для здоровья!

– Госпожа Госсиби печет совершенно отвратительно! – поразился такому аргументу Этьен. – Ее стряпню совершенно невозможно есть.

– Это верно, – кивнула графиня. – Но для кого это представляет проблему? Для несчастных гостей, которым приходится терпеть ужасный вкус, а позднее несварение желудка. Зато госпожа Госсиби чрезвычайно гордится собой, и для ее здоровья это очень полезно.

Мы переглянулись и предпочли заняться фаршированным фазаном, заботливо разложенным по тарелкам.

Кажется, минула целая вечность, пока приличия наконец позволили нам выйти из-за стола. Родители Этьена еще беседовали с Рейнардом, обсуждая здоровье и здравомыслие общих родственников, мы же с Этьеном вцепились друг в друга, едва оказавшись в коридоре.

– Прости меня! – выдохнул он, с трудом отрывая губы от моих. Я все еще стояла, слегка откинув голову назад и прикрыв глаза в сладкой истоме. – Видит Бог, я люблю своих родителей, но они приехали

невероятно не вовремя. Еще и эта дурацкая ночь. Если бы я мог провести ее с тобой!

Сердце екнуло, будто устремилось куда-то в бездну, когда я поняла, что чувствую то же самое.

– Я слишком сильно к тебе привязываюсь, – пробормотала я, крепко сжимая его плечи. – Это начинает меня пугать.

– Не надо ничего бояться, – прошептал он таким тоном, словно никакие угрозы мира и вправду не были нам страшны, пока мы вместе.

Второй поцелуй вышел еще более страстным и, наверное, оказался бы очень долгим, если бы за моей спиной не раздался голос графини Ламбер:

– Как интересно.

Я вздрогнула и стремительно отстранилась от Этьена, при этом случайно задев его больную ногу (он поморщился, но мужественно стерпел) и оттолкнув к стене (он тоже стерпел, хотя, кажется, рисковал повредить позвоночник).

– Вот это я понимаю, сынок: ты не теряешь времени зря, – заметила Розалинда, в то время как я ожесточенно размышляла, сцепить ли пальчики в образе скромной пансионерки, или, с учетом обстоятельств, это все-таки будет перебор. – И хорошо, что ты прислушиваешься к советам матушки. Эта милая девушка подходит тебе куда больше. Леди Амелия бесспорно очаровательна, но она слишком увлечена Рейнардом. А ты ведь не хочешь, чтобы тебя все время сравнивали с кузеном?

– Очаровательна? – приподнял брови Этьен. – А мне показалось, будто она страшно тебе не понравилась.

– Ну что ты, дорогой! – весело проворковала графиня. – Амелия – сущее дитя, но она прелестна! Просто твоя мать не любит, когда из нее делают дурочку. И если перед ней разыгрывают спектакль (ну, например, о мнимой помолвке), она с легкостью отвечает на это таким же спектаклем.

– Надо признать, ты сделала это виртуозно.

– Рада, что ты оценил. Вот и еще один повод для твоей старушки-матери погордиться собой.

Про старушку она явно покривила душой: выглядела леди Ламбер великолепно и, вне всякого сомнения, еще долгие годы могла бы очаровывать мужчин, если бы не предпочитала игры другого рода.

– А все-таки будьте поосторожнее, – добавила Розалинда, прежде чем нас покинуть. – В коридор всякий может выйти. Вдруг вас застанет невеста?

Последние слова она произнесла с театральным ужасом и, взмахнув для пущей драматичности веером, возвратилась в комнату.

Мы с Этьеном выразительно посмотрели друг другу в глаза, но обсуждать случившееся на словах не рискнули.

Амелия

Как я ни старалась, слова Рейнарда все не шли из головы. Спокойствие, с которым жених отказался от меня в угоду кузену, и его замечания по поводу прелестей холостяцкой жизни не давали мне покоя. А ужин с графом и графиней Ламбер и вовсе закончился полным провалом. Самое главное, я не могла понять, как впоследствии объяснить свой отказ выходить замуж за их сына.

Сидя рядом с Этьеном и судорожно придумывая ответы на каверзные вопросы его матери, я слышала, как явственно он скрежетал зубами. Пальцы молодого графа сжимали нож и вилку так, словно он собирался кого-то ими прирезать. В результате больше всех досталось фазану, которого слуга положил на тарелки. Этьен так зверски орудовал ножом, что превратил свой кусок практически в паштет.

Сама я к еде почти не притронулась. Из-за вопросов графини и ехидных взглядов, которые то и дело кидал на меня Рейнард, кусок просто не лез в горло.

Едва блюда убрали, а слуга внес в комнату графин с портвейном, я вскочила и, пробормотав извинения, вышла.

Даже не оглядываясь, торопливо взбежала наверх, захлопнула за собой дверь и лишь тогда, убедившись, что меня никто не преследует, выдохнула.

Чуть позже в комнату вошла Мейбл. Она выглядела вдохновенно-смущенной, глаза блестели. Я прищурилась.

– Только не говори, что ты целовалась с Этьеном!

– Не буду, – покладисто согласилась подруга, моментально переводя себя этим заявлением в разряд врагов.

– Значит, ты опять целовалась с Рейнардом? – ахнула я, чувствуя желание не то расплакаться, не то вцепиться Мейбл в волосы.

Она заморгала и недоуменно посмотрела на меня:

– С чего мне целоваться с Рейнардом?

– А почему у тебя такой вид, как будто ты только что целовалась? И если не с Этьеном, то с кем?

– Ну... – Мейбл невольно улыбнулась. – На самом деле мы с Этьеном действительно...

– Ты же сказала, что не с ним?

– Ты сама попросила не говорить, что я целовалась с Этьеном! – настала очередь Мейбл возмущаться. – Вот я и не стала. Кстати, есть хорошая новость: графиня Ламбер обо всем догадалась, так что вам больше не придется изображать пылких влюбленных.

– Жаль. – Из моей груди вырвался вздох разочарования. – Я как раз хотела поцеловаться с Этьеном, чтобы уравнять счет!

– Уравнять счет? Стало быть, с Рейнардом ты уже целовалась? – оживилась Мейбл.

Я горько усмехнулась и отошла к окну, размышляя о том, что жизнь ко мне удивительно несправедлива.

Конечно, Мейбл была старше и к тому же являлась одной из самых прилежных учениц пансиона, но ведь это еще не повод, чтобы с ней целовались все кто ни попадя. Особенно Рейнард. Я бросила на подругу уничижающий взгляд, но она не заметила, глубоко погруженная в свои мысли. На губах то и дело появлялась улыбка.

– Знаешь, – наконец произнесла она, – мне кажется, графиня Ламбер даже обрадовалась тому, что Этьен увлекся мной. Наверное, она надеется, что теперь он оставит свои пагубные пристрастия...

– Это вряд ли, – отозвалась я. – Насколько мне известно, ни один мужчина пока не изменился в угоду женщине.

– Может, и не в угоду мне, но не надо считать его совсем падшим! – горячо возразила подруга. – Ты же сама слышала его историю!

– Мейбл, я ни за что не поверю, что мужчина садится за игорный стол лишь потому, что хочет отомстить миру за поруганную честь!

– Ты ничего о нем не знаешь! – гневно воскликнула Мейбл.

По-моему, она начала по-настоящему злиться.

– Очень даже знаю. Более чем достаточно, – не отступала я. – Скажи на милость, к чему хотя бы этот маскарад с вымышленными фамилиями?

– Этьен получил титул и фамилию Ренье от дяди!

– И как он ее использует?

Мейбл с вызовом взглянула на меня:

– Он – хороший человек.

– Я и не спорю. Хороший. Но он – игрок, и прости, Мейбл, в его случае это самая настоящая болезнь. И хорошо все это не кончится. Тебе лучше иметь это в виду уже сейчас.

Мейбл оглянулась на дверь, будто испугалась, что Этьен стоит прямо там и внимательно слушает наш разговор. И это посреди ночи!

– Амелия, да какое ты имеешь право давать мне советы? С каких пор ты стала разбираться в отношениях с мужчинами? Лучше на себя посмотри! У тебя самой эти отношения не очень-то и клеятся! Рейнард, между прочим, достойный человек, но ты с самого начала его отталкиваешь. И вот результат: теперь он не слишком интересуется тобой как женщиной.

Настала моя очередь злиться. Особенно если учитывать, что Мейбл целовалась с моим женихом на балу.

– Вот как? Да если хочешь знать мы... вчера мы...

Я прикусила губу, понимая, что не стоит признаваться во всех своих грехах, особенно в том, до чего мы чуть было не дошли с Рейнардом.

– Воровали друг у друга колбасу? – поддразнила Мейбл. – Очень романтично.

– Вовсе нет! Мы много чем занимались!

Я невольно покраснела, вспомнив нависшее надо мной мужское тело.

– Да ладно, вы ведь даже не целовались.

– Мы просто не торопим события. Уж нам-то ничто не мешает сделать это в любой момент!

– Ни за что не поверю!

– Ах так?

Я окончательно вышла из себя.

– Да, так!

– Ну ладно! Сейчас проверим!

Я подлетела к двери, распахнула ее, намереваясь найти Рейнарда и потребовать от него давно причитающийся мне поцелуй, выскочила в коридор и замерла.

Около лестницы в кресле-качалке удобно расположилась графиня Ламбер собственной персоной. Над ее головой мерцал магический светлячок – очень дорогая штука, позволявшая регулировать яркость света.

Сейчас огонек разгорелся на полную мощь, поскольку графиня читала книгу. Услышав шум, она подняла голову и посмотрела на меня поверх очков учительским взглядом, точь-в-точь как наставницы в монастыре.

– Амелия? Вы еще не спите?

– Я? – Я зачем-то оглянулась, чувствуя себя нашкодившим ребенком. – Нет, я... я... шла за молоком... для Мейбл! Она, знаете ли, любит теплое молоко на ночь!

Возмущенный вздох за моей спиной подсказал, что стрела попала в цель.

– Вот как? – Графиня улыбнулась. – Помочь подруге – это святое! Не смею вас задерживать!

Царственным жестом она указала на ступени. Я по привычке прикусила губу. О том, чтобы стучать в комнату Рейнарда, не могло быть и речи. Следовало дожидаться, пока графиня уйдет. Кстати, а сама-то она что делала в коридоре? Последний вопрос я произнесла вслух.

Мать Этьена с улыбкой посмотрела на меня.

– Мой муж уже лег спать, а у меня старческая бессонница. Вот и пришлось жертвовать собой, чтобы не разбудить супруга, – она снисходительно улыбнулась мне, давая понять, что прекрасно знает, зачем я выскочила из комнаты на самом деле.

– А... понятно, – протянула я.

Под бдительным оком пришлось спуститься в зал, затем действительно взять на кухне стакан теплого молока и принести его в комнату, стараясь не вдыхать исходящий от него запах.

Шествую мимо графини, я демонстративно приподняла стакан, она кивнула в ответ и вновь погрузилась в книгу.

– Вот, держи!

Я сунула стакан в руки Мейбл.

– Зачем оно мне? – поморщилась подруга. – Фу, этот запах!

– А как бы я иначе объяснила графине, зачем выскочила в коридор?

– А действительно – зачем?

Мейбл недоуменно посмотрела на меня.

– За молоком, – буркнула я, чувствуя, что краснею. – Ты его пить будешь?

– Конечно, нет! – Мейбл демонстративно подхватила стакан и направилась к двери. – Я отнесу его обратно!

– Мейбл, подожди! – я попыталась остановить ее, но подруга лишь отмахнулась, решительно открыла дверь и замерла.

– Графиня Ламбер? – донесся до меня ее сдавленный голос.

– Доброй ночи, Мейбл, – приветливо отозвалась мать Этьена достаточно громко, чтобы я тоже могла слышать через приоткрытую дверь. – Вижу, вам не понравилось молоко, которое так заботливо принесла ваша подруга.

– Нет... то есть... – Мейбл слегка смутилась. – Понравилось, но мне не хватает меда.

– О, не беда, я сейчас скажу горничной, она принесет.

– Спасибо...

Все еще слегка ошарашенная, Мейбл отступила в комнату и шепотом спросила у меня:

– Как ты думаешь, зачем она там сидит?

– Охраняет нашу честь от посягательств...

– Ты думаешь?

Мейбл на цыпочках подкралась к двери и вновь приоткрыла. Графиня оторвала взгляд от книги и улыбнулась. Мейбл присела в легком реверансе и спешно захлопнула дверь.

– Знаешь, Амелия, мне кажется, что графиня будет сидеть так всю ночь.

– Зачем? – удивилась я.

– Чтобы сберечь честь сына и племянника от *наших* посягательств.

– Глупости!

Я прошла по комнате, затем, не выдержав, выглянула в коридор. Графиня так и сидела в кресле, делая вид, что увлечена книгой. Тем не менее я заметила пронзительный взгляд, который она бросила из-под кружевного чепца.

– По-моему, ты права, – со вздохом призналась я, вновь закрывая дверь.

После подобного нам ничего не оставалось, как лечь спать.

Почти всю ночь я беспокойно проворочалась с боку на бок. Рейнард никак не шел из головы. В памяти то и дело всплывали его взгляды, улыбка, от которой на левой щеке появлялась едва заметная ямочка, его редкие и оттого бесценные прикосновения. Ближе к рассвету я пришла к неутешительному выводу, что влюбилась. После чего, огорченная, наконец заснула.

Проснулась я уже далеко за полдень. Мейбл в комнате не было, она вошла чуть позже, пока я продолжала нежиться под одеялом. Вид у нее был тоскливый.

– Что случилось? – позевывая, осведомилась я.

– Этьен. Он уехал на два дня. Какие-то дела, требующие его личного присутствия.

Это известие застало меня врасплох.

– Как уехал? – Я вскочила с кровати. – Он ведь обещал отвезти нас в столицу!

– Ты все еще считаешь, что это хорошая идея?

– Предлагаешь вернуться в пансион?

От необходимости отвечать Мейбл спас громкий стук. Дверь распахнулась, и в комнату вошли коробки. Вернее, их внесла горничная, но коробок оказалось так много, что самой служанки почти не было видно.

– О, это платье! – Все мои горести были моментально позабыты. – Мейбл, смотри же!

Я начала открывать коробки. Модистка действительно постаралась на славу и прислала нам лучшее, что у нее было, в том числе и два бальных платья. Белых. И хотя одно из них было с лавандовыми вставками, а второе расшито яблоневыми цветами, настроение опять испортилось.

– Что за глупость постоянно рядить юных девушек в белое? – я раздраженно отшвырнула платье прочь.

– А по-моему, очень мило, – Мейбл взяла платье с лавандовыми вставками и такими же лентами на оборках и приложила ко мне. – Оно прекрасно подходит к твоим глазам.

– То есть ты предпочитаешь с яблоневыми цветочками?

– Я? – изумилась подруга. – Амелия, я, конечно, тебе признательна, но к чему мне бальное платье?

– Потому что мы приглашены на бал! – Я торопливо рассказала Мейбл о встрече в лавке. – Не знаю, чем вызвана такая приветливость, но старая гримза выдала мне приглашения!

– А ты сказала ей, сколько лет твоей компаньонке? – скептически поинтересовалась Мейбл, хищно посматривая на расшитый цветами наряд.

– Разумеется, нет, но я честно сказала, что ты старше, так что приличия соблюдены! Я буду твоей компаньонкой, а ты – моей! – Я даже хлопнула в ладоши.

– Ты хочешь, чтобы мы поехали туда без сопровождения?

– А ты хочешь, чтобы нас сопровождали? – Я изогнула бровь. – Мейбл, появишься ты с Этьеном, все сочтут, что у вас порочная связь! Хотя я не уверена, кого из вас она порочит больше.

– Этьен, в любом случае, уехал, – напомнила подруга. – Но мы могли бы попросить сопровождать нас графиню Ламбер...

Однако по лицу Мейбл было видно, что ее не слишком прельщает такая перспектива – точно так же, как и меня!

– После того, как она всю ночь просидела на лестнице? – фыркнула я, поскольку все еще не могла простить графине ее вчерашний поступок. – К тому же она действительно будет следить за нами, и мы не сможем полностью насладиться балом!

– Остается лишь Рейнард.

Сердце вновь кольнуло, как всегда, когда Мейбл вдруг упоминала графа Аттисона. Мысль о том, что, помимо меня, Рейнард будет сопровождать еще и мою подругу, оказалась не слишком приятной. Я покачала головой:

– У Рейнарда отвратительная память, а с учетом того, что платья шились местной модисткой, он попросту все перепутает и привезет с бала не пойми кого. Нет, Мейбл, пригласили только нас, о Рейнарде речи не было, поэтому и поедем мы туда вдвоем! Я не желаю отказываться от веселья!

Признаться, тут я покривила душой, поскольку супруга градоначальника упоминала и кузена, но мной двигало желание досадить жениху и показать ему, что я тоже чего-то стою сама по себе. А проще всего это было сделать на балу, где наверняка будет достаточно много молодых людей. Я решительно подхватила платье:

– В общем, решай сама, а я собираюсь вечером хорошо провести время!

Мейбл посмотрела на меня с сомнением, затем взглянула на платье.

– Ладно! – сказала она после непродолжительной внутренней борьбы и строго добавила: – Но к полуночи мы вернемся!

– И даже в туфлях! – уверила я подругу, припомнив старую сказку о Золушке.

К нашему счастью, графиня Ламбер, утомленная вчерашним ночным бдением, рано легла спать, Рейнард же уехал по собственным делам, пообещав скоро вернуться. Но дожидаться его мы не стали. Договориться с трактирщиком по поводу поездки на бал не составило труда, благо на постоялом дворе имелся весьма приличный каретный сарай.

Экипаж тронулся, и я улыбнулась подруге, чувствуя необычайное воодушевление: мы одни ехали на бал!

Глава 12

Бал не по плану

Амелия

Как обычно, при входе царила суета. К крыльцу один за другим подъезжали экипажи. Солидные отцы семейств, почтенные матроны, важно надувающие щеки молодые люди и весело щебечущие девицы на выданье – все они толпились на пороге, окликали друг друга, обменивались приветствиями и чинно следовали в танцевальный зал, откуда уже доносились звуки музыки.

Мы с Мейбл тоже направились туда. Зал был традиционно украшен лилиями и розами, посередине кружились несколько пар, а все остальные рассредоточились между белоснежными колоннами, поддерживающими высокий потолок здания, на котором был изображен полуголый мужчина в окружении пухлощеких младенцев с крыльями. Я невольно задрала голову, сравнивая древнего бога танцев со своим женихом. Признаться, Рейнард выглядел куда более впечатляюще, чем это белесое тело на потолке.

– А, леди де Кресси! Вот вы где! – налетела на меня новая знакомая. На этот раз ее очень пышные формы были затянуты в оранжевый шелк, а на голове возвышался синий бархатный тюрбан с пером. – Рада видеть вас, моя милая.

Она скользнула по Мейбл подозрительным взглядом.

– Это моя компаньонка, леди Фэйтон, – объяснила я.

– Вот как? – дама холодно оглядела подругу. – Я полагала, что компаньонки юных леди должны быть старше.

– Мейбл просто очень умная, – доверительно сообщила я.

– Это заметно. Не каждой девушке в столь юном возрасте удастся втереться в доверие к родителям знатной леди.

Я ожидала, что подруга возмутится, но Мейбл не отреагировала. Она стояла и широко раскрытыми глазами наблюдала за танцующими парами. Я проследила за ее взглядом и ахнула: там был Этьен.

– Что-то случилось? – встревожилась моя собеседница.

– Нет... ничего, мне показалось. Просто обозналась. Такое случается на многолюдных торжествах.

Я бросила задумчивый взгляд на Мейбл. Несомненно, дама, которую сейчас кружил в вальсе Этьен, была обворожительна, но Мейбл выглядела совсем не хуже и даже более естественно, чем эта покрашенная и напомаженная тетка, увешанная бриллиантами и жемчугом, точно новогодняя елка.

– Жаль, я думала, вы увидели друзей. – Показалось, или в голосе дамы слышалось облегчение? – Что ж, если у вас их здесь нет, позвольте я представлю вас своему сыну.

– Да, конечно.

Я еще раз взглянула на Мейбл, но та по-прежнему наблюдала за Этьеном. Понимая, что лучше оставить ее одну и дать возможность объясниться с графом Ренье, я позволила патронессе увести меня.

Мы проследовали к одной из колонн, около которой стояли несколько молодых людей. Все они были одеты по последнему даже не слову, а крику, вернее – судя по узким фракам и пестрым жилетам с множеством карманов – предсмертному хрипу моды.

– Леди де Кресси, позвольте представить вам моего сына мистера Вильяма Уоллтона. Вилл, это леди Амелия де Кресси. – Мое имя прозвучало очень многозначительно, словно миссис Уоллтон на что-то намекала.

Худощавый молодой человек улыбнулся и склонился над моей рукой:

– Леди де Кресси, я очарован! Позвольте мне, в свою очередь, представить вам моих друзей: мистера Оливера Хенсли и лорда Дэвида Чепмена.

– Очень приятно! – вежливо отозвалась я, по очереди протягивая руку вышеупомянутым молодым людям.

Признаться, ни один из них не произвел на меня благоприятного впечатления, более того, все трое показались какими-то скользкими, и я уже жалела, что позволила увести себя от Мейбл.

– Позвольте пригласить вас на танец, – тем временем продолжал Вильям Уоллтон.

Я не нашла благовидного предлога, чтобы отказать. Танцором мой партнер оказался не слишком приятным: он постоянно наступал мне на ноги и сбивался с темпа, из-за чего уже в середине танца я остановилась и, сославшись на жару, попросила принести мне лимонад.

Вилл, именно так он просил себя называть, усадил меня на диванчик у стены, а сам направился к буфету. Ждать его я не стала. Вскочила и поспешила выйти на террасу, провожаемая любопытными взглядами.

Там тоже было достаточно много народа, и незнакомая девушка без должного сопровождения привлекала ненужное внимание. Несколько дам поспешили отойти в сторону, неодобрительно косясь в мою сторону. Одна почтенная матрона спешно увела свою дочь обратно в зал. Мужчины, напротив, с интересом рассматривали меня, точно товар на рынке, и двое из них даже попытались со мной заговорить.

К такому я была не готова: в родном городе я пользовалась определенным уважением в обществе. Слишком поздно вспомнилось, как мне твердили, что одинокая девушка наводит мужчин на определенные мысли. Словно в подтверждение этой нехитрой истины, ко мне обратился один из них.

– Прелестная нимфа, в каком уголке этого сада вы прятались от мира?

Он наклонился ко мне. От него несло бренди и чем-то приторным, а глаза странно блестели.

– Простите, мне надо идти, – пробормотала я, пытаюсь вернуться в танцевальный зал, но мужчина ловко преградил мне путь, заставляя отойти в тень балкона.

– Зачем покидать нас так скоро?

– Вас?

Я нахмурилась и огляделась. Людей на террасе поубавилось, а те, кто остался, делали вид, будто ничуть не интересуются происходящим.

– Меня и моего маленького дружка, – шепнул он, придвигаясь ко мне чуть ближе.

– Но я не вижу рядом с вами никакого друга, – возразила я.

– Я обязательно познакомлю вас с ним, но чуть позже. – Еще шаг, я вновь отступила и оказалась прижата спиной к стене здания. Теперь от остальных нас скрывали колонны, поддерживающие балкон.

– Знаете, как-нибудь в другой раз.

Я попыталась проскользнуть мимо мужчины, но он выставил руки, упираясь в стену с двух сторон от меня.

– Послушайте, это же городской бал! – возмутилась я.

– Всего один поцелуй, и я отпущу вас! – пообещал мужчина.

– Всего один?

– Конечно!

Я задумалась. С одной стороны, мужчина мне не нравился, к тому же от него пахло спиртным. Но с другой... ведь это было именно то, чего я совсем недавно хотела... к тому же об этом никто не узнает...

– Хорошо, но только один!

Я мужественно подставила лицо и на всякий случай зажмурилась. Но тут же приоткрыла один глаз, чтобы увидеть, как незадачливый кавалер отлетает от меня прямо на клумбу.

От удивления я открыла второй глаз и ойкнула, встретившись с яростным взглядом Рейнарда.

Если бы я была чувствительной особой, наверняка упала бы в обморок. Но, к сожалению, я не обладала этим приятным качеством, и потому мне оставалось лишь смотреть в яростно сверкающие глаза жениха.

– Позвольте! – неуверенно возмутился мой недавний поклонник, поднимаясь и подходя к нам. – По какому праву?

Рейnard лишь взглянул на него через плечо, и мужчина предпочел попятиться и вновь прилечь на клумбу.

– Идем! – коротко приказал мне Рейnard.

– По какому праву? – попыталась возмутиться я, чтобы сократить хотя бы остатки самоуважения.

Предложенная незнакомцем формулировка пришлась весьма кстати.

– У меня есть на вас все права! – Сталь в голосе заставила меня невольно поежиться. – И если вы сейчас не пойдете сами, я взвалю вас на плечо и пронесу через бальный зал!

– Вы не посмеете! – ахнула я.

– Хотите проверить?

Он протянул ко мне руку. Я отшатнулась, вновь вжавшись в холодную стену.

– Не надо, я... хорошо, идемте!

Рейnard лишь сделал шаг в сторону, позволяя мне идти первой. Музыка в танцевальном зале показалась оглушающе громкой. С гордо поднятой головой я проследовала к выходу.

– Леди де Кресси, милая, – прошептала миссис Уоллтон. – А Вилл вас всюду ищет...

– Вилл? – снова закипая, переспросил приблизившийся Рейнард.

Моя собеседница посмотрела на него удивленно и сперва немного высокомерно, но под его гневным взглядом заметно съежилась.

– Да, это мой сын... Прекрасный молодой человек...

– Который желал бы поправить состояние семьи за счет богатой невесты? – Граф Аттисон криво усмехнулся. – Вынужден вас огорчить: леди де Кресси помолвлена и в скором времени выйдет замуж. А теперь простите, у нас мало времени.

Подхватив меня под руку, Рейнард вышел, буквально таща меня за собой.

Лишь у самой кареты я спохватилась.

– Рейнард, а как же Мейбл?

– Я пришлю за ней экипаж, – пообещал жених, лично распахивая дверцу. Пришлось повиноваться.

По пути мы не сказали друг другу ни слова. Рейнард упрямо смотрел в окно, и впервые в жизни я не рискнула первой начать разговор. Настроение портилось с каждым ударом копыт о землю. Ведь это Рейнард со своим безразличием был виноват в том, что я поехала на бал в таком настроении, а значит, и во всем, что там произошло. Если бы он уделял мне больше внимания, я позвала бы его с собой. При мысли о том, что мы могли бы в эту самую секунду кружиться в вальсе на балу, вернулась злость.

Я сердито смотрела на жениха, надеясь, что он скажет хоть что-нибудь, что позволит мне обрушиться на него с упреками, но безрезультатно. Похоже, граф Аттисон просто не желал обращать на меня внимания. Злость сменилась осознанием вины.

Понимая, что лучше покаяться и извиниться, я нерешительно начала:

– Рейнард, я...

Он медленно повернулся, жестом призывая к молчанию.

– Амелия, не стоит утруждать себя, – голос звучал обманчиво спокойно. – Ведь это я виноват в том, что могло произойти.

– Вы? – изумленно воскликнула я.

– Именно. Ведь еще при первой нашей встрече вы ясно дали мне понять, что не желаете иметь со мной ничего общего, тем не менее я

проявил некоторую настойчивость. Искренне прошу простить меня за это.

Я смотрела на него не мигая. Если бы он злился, ругался или читал мне нотацию, я бы поняла, но граф Аттисон вновь отвернулся к окну, делая вид, что разглядывает обочину дороги. Судя по всему, он опять все решил за нас двоих. В гробовом молчании мы подъехали к «Зеленой игуане». Все еще предпочитая глядеть в сторону, Рейнард помог мне выйти из кареты и, крепко стиснув ладонь, повел в здание.

Там, по обычаю, было не слишком многолюдно. Трактирщик так и стоял за стойкой, то и дело вздыхая. При нашем появлении он помрачнел еще больше и похоронным голосом заявил, что нас ожидают в малой гостиной.

– Ожидают? Кто?

Я встревоженно посмотрела в сторону указанной двери.

– Почему мне знать?

Голос хозяина «Зеленой игуаны» был полон скорби.

Рейнард шумно выдохнул.

– Амелия, иди в комнату, – приказал он. – Я разберусь, что это за визитер.

Я хотела ответить, но в этот самый момент дверь в малую гостиную распахнулась и на пороге возникла дама, при виде которой я испуганно пискнула и поспешила спрятаться за спину жениха. Увы, мой маневр не остался незамеченным. Женщина строго взглянула на меня сквозь стекла своего пенсне.

– Леди де Кресси! Где ваши манеры?

Пришлось выйти и сделать реверанс.

– Доброй ночи, мадам Клодиль, – поздоровалась я с директрисой нашего пансиона.

– Доброй. – В ответ та окинула меня внимательным взглядом и недовольно поморщилась при виде измятого платья. – Похоже, вы неплохо проводите время...

– Клодди, ну что ты напустилась на девочку? – графиня Ламбер возникла за спиной директрисы. – Рейнард, милый, вижу, ты нашел их... Амелия, а где же Мейбл?

– Понятия не имею, – совершенно искренне ответила я и мстительно добавила: – Граф Аттисон увез меня с бала, даже не дав найти подругу.

– Рейнард! – графиня Ламбер всплеснула руками.

– Возможно, вы просто не знали, в каком она платье? – поинтересовалась я, ангельски взмахивая ресницами и надеясь, что упоминание о платье пробьет брешь в ледяной стене, которую воздвиг жених, но тот даже бровью не повел.

– Вы разделились на балу? – мадам Клодиль нахмурилась. – Какая неосторожность!

– Ну, меня пригласили на танец, не могла же я отказывать мистеру Уоллтону, чья мать входит в состав патронесс местной ассамблеи?

– Вы могли отказать самой миссис Уоллтон, когда она приглашала вас на этот бал, – отозвался Рейнард. Он так и стоял, сложив руки на груди и хмуро взирая на женщин. – Как я понимаю, приезд мадам Клодиль означает, что девушки вернутся в пансион?

– Разумеется, милый, – отозвалась графиня Ламбер, а мадам Клодиль кивнула, подтверждая ее слова. – Мы с Клодди решили, что так будет лучше для всех! Подумай сам, какие слухи могут пойти, если вы так и будете проживать на постоялом дворе.

– Я планировал отвезти Амелию к ее родителям, – сухо проинформировал граф Аттисон.

Я вздрогнула. Наверняка Рейнард собирался сказать, что расторгает помолвку и никакие магические клятвы его не удержат. В носу противно защипало.

– И тем самым взбудоражить всю округу? После такого сплетники еще несколько лет будут судачить о том, чего и в помине не было! – графиня Ламбер покачала головой. – Нет, милый, Клодиль приехала очень вовремя. Пока о побеге никому не известно, девушки могут вернуться в пансион и закончить свое обучение.

Рейнард задумчиво взглянул на меня и сухо кивнул, признавая правоту графини.

– Вы правы, тетя, так действительно будет лучше для всех. Дамы, – он поклонился и направился к выходу.

– Вы куда? – совершенно по-глупому спросила я.

Граф насмешливо взглянул на меня:

– Искать вашу подругу, конечно же. Согласно счетам, бальных платьев было два. На вас я вижу то, что с фиолетовыми лентами. Значит, леди Фэйтон надела белое с зелеными веточками.

Выпустив эту стрелу, он вышел. Я обреченно посмотрела ему вслед.

– Амелия, милая, – голос графини Ламбер вывел меня из задумчивости. – Полагаю, вам стоит хотя бы переодеться, а еще лучше – подняться в комнату и лечь спать. Верно, Клодди?

– Вы знакомы? – запоздало поинтересовалась я, чтобы хоть как-то отвлечься от охватившего душу ледяного отчаяния.

– Да, мы учились вместе в пансионе, – графиня Ламбер мечтательно улыбнулась. – И танцевали на балах... иногда они нам казались довольно утомительными...

– Не знаю, мне они всегда нравились, – мечтательно отозвалась директриса и тут же спохватилась: – Да, думаю, леди де Кресси просто необходимо отдохнуть. Мы выедем завтра с утра. Амелия, ступайте к себе.

Я вздохнула и, понимая, что дальнейшие протесты сочтут за капризы избалованной девчонки, начала подниматься в свою комнату.

* * *

Дождавшись, пока наверху хлопнет дверь, возвещавшая, что Амелия де Кресси все-таки зашла в комнату, мадам Клодиль повернулась к бывшей соученице, а ныне супруге графа Ламбера.

– Как я понимаю, тебе не нравятся эти девушки, Розалинда?

– Что ты, милая, они очаровательны.

– Тогда почему ты так хочешь спрятать их в моем пансионе?

Графиня Ламбер улыбнулась:

– Клодди, ты же сама по пять раз на дню твердишь юным особам, что доступность обесценивает любовь. Моему сыну и племяннику в этой истории все слишком легко дается. Настало их время приложить хоть какие-то усилия...

Мейбл

Сборы на бал вышли очень сумбурными, но в этом и была вся Амелия. Я так и не поняла, как ей удалось организовать наш небольшой побег, но в назначенное время мы, одетые и причесанные, сидели в карете друг напротив друга. Выезжая за ворота, я оглянулась.

Показалось, или занавеска в комнате, которую заняли родители Этьена, дрогнула? Впрочем, в сумерках я могла и ошибиться.

До места добрались достаточно быстро, и меня захватила обычная суэта, царящая почти на всех балах. Вместе с людским потоком мы с Амелией неспешно проследовали в зал, в центре которого уже кружились пары.

Я проследила за ними без особого интереса, но вдруг едва не задохнулась от удивления. Потому что возле ближайшей колонны стоял... Этьен!

Кажется, Амелия что-то говорила, но я уже не слушала. Я ошеломленно застыла, инстинктивно схватившись за спинку удачно подвернувшегося стула, чтобы справиться с целой гаммой нахлынувших эмоций. Изумление: откуда он здесь взялся? Радость: ура, он совсем рядом! Обида: почему он не взял меня с собой? Возмущение: с каких это пор посещение балов называется «делами»? Возможно, я бы даже поверила, что Этьена привело сюда исключительно чувство долга, ведь именно праздники становятся порой удобным предлогом для важных встреч и нужных знакомств, но... Доверию чрезвычайно мешала дама, руку которой он сжимал в данный момент самым неподобающим образом!

Впрочем, сказав «дама», я не отдала незнакомке должное. Это была не просто дама, а шикарная женщина, из тех, вслед которым не способен не обернуться даже самый хладнокровный мужчина, даже самый преданный муж. Пышная грудь, изящные руки, чувственные губы и столь же чувственный взгляд серых глаз, самую капельку раскосых – ровно настолько, чтобы придать внешности изюминку, но недостаточно, чтобы она выглядела чужестранкой. Пышные черные волосы, уложенные в замысловатую прическу при помощи жемчужных заколок. Платье тоже украшено жемчугом и сшито так, чтобы не скрывать прелестей соблазнительной фигуры. Все в меру, баланс подобран идеально: приличия вроде бы соблюдены, и в то же время мужчины буквально пожирают красотку глазами, несомненно, представляя ее в своей постели. И эта стерва, то есть, простите, дама, щебечет что-то на ухо Этьену!

Я сделала глубокий вдох, с трудом удерживаясь от недостойного порыва запустить в этих двоих стулом. Но вместо этого, как истинная леди, расправила плечи и величественным шагом направилась... к

наиболее удобному для подглядывания месту. А именно – к широкой лестнице, по которой то и дело сновали вверх и вниз веселящиеся гости. Отсюда я неплохо видела Этьена и его спутницу, а вот риск быть замеченной сводился к минимуму.

Кажется, еще совсем недавно я размышляла о том, что Этьен ничего мне не должен, как сложится наша дальнейшая жизнь, неизвестно, а наши отношения, как бы хороши они ни были, могут прерваться в любую секунду, и с этим следует смириться. Куда только девались все эти мысли? От моего благородства и благодушия не осталось и следа. Да как он посмел?! Да какое имел право? Как мог рисовать указательным пальцем круги на ее ладони? Почему подпустил ее так близко? Не пресек столь безобразные и откровенные попытки флиртовать?

Заиграл вальс, и эти двое почти сразу же закружились в танце, словно он заранее ее ангажировал. Впрочем, почему «словно»? Наверняка именно так оно и было. Мой наблюдательный пункт стал менее удобен, и я начала осторожно перемещаться по залу, стараясь не потерять из виду кружащуюся парочку. По пути столкнулась с какой-то дамой, случайно наступила на ногу одному джентльмену и едва разминулась с лакеем, который нес заставленный бокалами поднос. И наконец коснулась пальцами прохладной каменной колонны, возвышавшейся совсем близко к месту для танцев.

Вон она, эта пара. Я вдруг осознала, что Этьен одет так же, как во время злополучной партии в карты. По последней моде в самом неприятном ее проявлении. Один жилет выглядывает из-под другого, и одежда снова настолько тесная, что, кажется, вот-вот затрещит по швам. И как только ему удастся танцевать в таком наряде, не сбивая дыхания?

Пальцы Этьена как бы невзначай скользнули по оголенной спине незнакомки. От этого зрелища по моей собственной спине пробежали мурашки. Партнерша улыбнулась, обнажая прекрасные белоснежные зубы. Интересно, какими средствами она пользуется, чтобы поддерживать свой рот в таком превосходном состоянии? Как-никак уже не девочка. Надо будет при случае спросить ее совета: быть может, мне тоже пригодится когда-нибудь, лет через десять. Или пятнадцать, мысленно добавила я, тщетно пытаясь обнаружить на лице незнакомки хоть какие-то признаки спрятанных под пудрой морщин.

Увлеченная подсматриванием, я даже привстала на цыпочки, и тут какая-то пара на несколько секунд загородила мне обзор. Я pokrутила головой и почти сразу вновь обнаружила Этьена. Он так мило улыбался партнерше, что у меня екнуло сердце. Раз-два-три, раз-два-три... Длинные мужские пальцы сжимают маленькую трепетную ручку. Раз-два-три... Заколка падает на пол, но женщина лишь смеется, без сожаления наступая на украшение каблукочком изящной туфли. Интересно, она со всеми вещами, сослужившими свою службу, так поступает? А с людьми?..

Музыка отыграла, танцующие остановились. Кавалеры благодарили дам за танец, кто словесно, а кто традиционными, заученными кивками. Дамы отвечали не менее заученными реверансами. Вальс почти сразу же сменила мазурка, но счастливая парочка (иначе интересовавших меня мужчину и женщину было не назвать) предпочла сделать перерыв. Я едва успела спрятаться за колонной, поняв, что они двинулись непосредственно в мою сторону.

– Вы великолепно танцуете.

Голос Этьена прозвучал совсем близко, и я прижалась к гладкой каменной поверхности, стараясь не дышать.

– Вы преувеличиваете.

Невзирая на смысл сказанного, дама и не скрывала, как довольна похвалой.

– Эй, любезный!

Я отчетливо слышала негромкое позвякивание бокалов на подносе у лакея. Надо же было этим двоим устроиться с противоположной стороны моей колонны! Хорошо, что она была достаточно широкой: именно это позволяло мне до сих пор оставаться незамеченной.

– Неплохое вино, – заметила дама. – Да и закуски у них неплохи. Значительно лучше, чем можно было ожидать в эдакой глуши, вы не находите, граф?

Что же ты делаешь в этой глуши, если такая привередливая? Сидела бы в своей столице и горя не знала! И тогда с тобой едва ли познакомился бы Этьен, который, напротив, предпочитает провинцию...

– Глупости, – пренебрежительным тоном возразил он. – Вино недостаточно выдержано. Такой сорт необходимо продержатъ хотя бы лет пятьдесят, а тут... Не удивлюсь, если и сорока не будет. Вот я

прихватил с собой пару бутылочек для настоящих ценителей. Хотел подарить хозяину, но вовремя сообразил, что он даже не заметит разницы между напитком богов и эдаким вот пойлом.

– И что же, теперь вы будете пить свой божественный нектар в гордом одиночестве?

– Надеюсь, что не в одиночестве.

Трудно было не уловить намек в этих словах. Во всяком случае, его партнерша по танцу явно не была настолько глупа. Тем не менее она предпочла сделать вид, будто ни о чем не догадалась.

– Вы слишком строги к местному обществу. Оно по-своему мило. И привлекательно в своей первозданной свежести. Взгляните хотя бы на местных девушек. Они очаровательны.

– Глупости! – с жаром оборвал ее Этьен. – Вы – самая очаровательная женщина на этом балу, и отлично это осознаете! Все эти юные прелестницы и в подметки вам не годятся.

– Думаю, вы заблуждаетесь, – откликнулась «самая очаровательная женщина» с таким профессиональным кокетством, что меня замутило. – У них есть передо мной огромное преимущество: они так молоды!

И она вздохнула с показной тоской.

– Ерунда, – страстно зашептал Этьен. – Поверьте человеку с опытом. Юные угловатые девицы, которые ничего не умеют и знают жизнь лишь по сентиментальным романам, никогда не сравнятся с истинной женщиной.

Краска стыда залила мои щеки. Казалось, лицо пылает так, что еще чуть-чуть – и огонь перекинется на колонну. Кстати, это было бы даже неплохо, особенно если бы Этьена хоть немного обожгло.

– Между прочим, вы не хотели бы взглянуть на мою коллекцию портсигаров? Там есть весьма интересные экземпляры.

Его голос с внезапно проявившейся хрипотцой действительно обещал нечто весьма интересное, но отнюдь не портсигары.

– Здесь, в этом поместье? Вы что же, возите всю коллекцию с собой? – весело изумилась женщина.

– Не всю, конечно. Но с десятков самых ценных и необычных, признаться, вожу. Люблю, знаете ли, поразглядывать их перед сном.

– А вы, оказывается, большой оригинал!

– Есть немного. Так как же? Поверьте, вы не пожалеете. Есть серебряный портсигар с изображением единорога. А есть и золотой, он, конечно, потяжелее и потому менее практичен, но какая инкрустация! И совсем редкий экземпляр, купцу пришлось полматерика объехать, чтобы его раздобыть. Настоящая слоновая кость и даже замок с секретом!

– Вы действительно интересно рассказываете, граф! Пожалуй, вы меня убедили. Я и вправду не прочь посмотреть на эти диковинки.

– Не будем терять время? – Этьен поспешил взять быка за рога. – Или вы желаете еще потанцевать?

В ответ женщина вновь рассмеялась.

Они степенно, даже величаво, направились к лестнице на второй этаж, где, вероятно, среди прочих комнат находились и покои, отведенные Этьену. Я смотрела им вслед, испытывая чувство, чрезвычайно напоминающее искреннюю детскую обиду. Даже хотелось заплакать, но я запретила себе это делать. Слишком много чести для некоторых коллекционеров.

Кстати, любопытно, у него действительно имеются все эти хваленые портсигары? Или это исключительно предлог, призванный убедить даму подняться наверх? Жаль, я никогда этого не узнаю. А впрочем... Почему бы и нет?

Я решительно вскинула голову. Конечно, такой поступок противоречит всем возможным правилам приличия, но, с другой стороны, ситуация и без того давно уже вышла за рамки приличий.

По лестнице, устланной тяжелым зеленым ковром, сновало не так много людей, как обычно бывает на столичных балах, и все же достаточно, чтобы на меня не обращали внимания. Я старалась держаться на несколько ступенек ниже, чем интересующая меня пара. Веер также был наготове: он позволял быстро скрыть лицо в случае, если бы Этьен надумал обернуться. Однако же этого не произошло.

Несколько ближайших к лестнице комнат второго этажа были предназначены для нужд гостей, об этом свидетельствовали распахнутые настежь двери. Здесь можно было передохнуть, написать срочное письмо, поправить прическу и даже заняться кое-чем совсем непристойным, если верить намекам нашей наставницы, мисс Клавдии. Этьен и его спутница прошествовали дальше, вероятно, к тем покоям, где поселили молодого графа радушные хозяева. После

поворота коридор был совершенно пуст, и я не решилась туда заходить. Лишь осторожно высунула голову, чтобы увидеть и запомнить, какая именно дверь захлопнется за страстной парой.

Какое-то время я стояла, тяжело дыша, прижимаясь спиной к прохладной стене, не в силах ни на что решиться. Затем рассудила, что уж лучше стоять в пустом коридоре, рискуя быть замеченной случайным слугой, чем здесь, на виду у массы гостей. В крайнем случае притворюсь, будто заблудилась. Приняв такое решение, я переместилась ближе к заветной двери. Потом – тихонько, ненавязчиво, словно стараясь сама этого не заметить, – сделала шаг в нужном направлении. Еще шаг и еще...

Наконец я замерла у двери и прислушалась. Изнутри не доносилось никаких звуков, или же их заглушал шум бала, достигавший и этой части дома.

– Мм... Какой вкусный запах источают эти пирожные! – Я чуть не подпрыгнула от неожиданности, когда из-за двери весьма отчетливо послышался голос дамы. – И как только вы успели об этом позаботиться?

– У меня весьма расторопный слуга.

Гарри! Еще один предатель! И вообще, они сюда что, сладости есть пришли? Если так, может, позвать Амелию? Она со своей любовью к конфетам наверняка будет рада. При мысли о подруге в голове слегка прояснилось.

– Итак, – выразительно произнес Этьен, – немного вина и это замечательное пирожное?

– Пожалуй, но чуть позже. Прежде я бы хотела освежиться.

– Ванная комната вон там. Чувствуйте себя как дома. На ширме висят чистые полотенца. Если чего-нибудь не хватает, вам стоит только сказать.

– Благодарю вас.

Застучали по полу каблучки, дважды скрипнула (открываясь и закрываясь) внутренняя дверь.

– Я буду в соседней комнате! – предупредил Этьен, повысив голос, что позволило мне расслышать его слова особенно отчетливо.

Последовал стук, издаваемый обувью потяжелее, и снова дверной скрип.

Я осторожно взялась за ручку. Сделала пару вдохов и выдохов, заставила себя вспомнить, кто находится внутри, – и решилась.

В первой комнате, как и следовало ожидать, никого не было. Справа доносился шум льющейся воды. На столе, помимо двух пустых бокалов и бутылки вина, стояли фарфоровые блюда с потрясающими воздушными пирожными, которые так и хотелось попробовать. Одно из них уже было посыпано сахарной пудрой. Сосуд с остатком пудры, по форме напоминающий соусницу, стоял рядом. Что ж, они действительно не теряют времени зря.

Гнев, еще недавно притупленный страхом разоблачения, вновь поднял голову, и я снова испытала это чувство во всей его мощи. Значит, он подготовил для нее коллекцию портсигаров, десерт и последующие приключения в спальне, где в данный момент, вероятно, и находился. Полагаю, при такой насыщенной культурной программе они не будут в обиде, если я угощусь одним-единственным пирожным? Я ведь имею право хотя бы на такую мелочь?

Я схватила первое попавшееся пирожное, откусила. Оно действительно было вкусным, а сахарная пудра таяла приятной сладостью на языке. Обожаю эту посыпку.

Я взяла чайную ложку с длинной изящной ручкой, зачерпнула пудры прямо из «соусницы» (ложечка получилась полная, даже с верхом) и с каким-то мрачным удовольствием отправила в рот. Посмотрим, как отреагирует Этьен на мое присутствие. Посмотрим, что он скажет. Еще одна ложка (чем больше я съем, тем сильнее он разозлится) и еще.

Голова почти сразу отяжелела, ложечка чуть не выпала из рук. Видимо, я слишком разнервничалась, и это плохо отразилось на моем состоянии. Надо бы добавить еще немного глюкозы. Я с некоторым трудом набрала очередную порцию сахарной пудры (пальцы отказывались крепко держать ложку) и уже почти поднесла ее ко рту, когда из соседней комнаты появился Этьен.

– Что ты здесь делаешь?!

Несмотря на странное состояние (глюкоза определенно не помогла, голова закружилась, а ноги ослабели), я заметила, что с него слетел недавний лоск прожигающего жизнь аристократа. Этьен подлетел к столу, взглянул на надкусанное пирожное и побледнел:

– Ты его ела? Мейбл, ответь!

– Да, – протянула я. – Его и пудру... Очень вкусно.

– Ты в своем уме?

Я хотела высказать в ответ на такое невежливое замечание все, что накопилось в душе за последние полчаса, но язык ворочался с трудом.

– Сколько ты съела? – В глазах Этьена мне почудился неподдельный ужас. – Сколько ложек ты съела?

Я начала задумчиво загибать пальцы и, видимо, потратила на это занятие последние силы, поскольку внезапно осела ему на руки. Нет, сознания я не потеряла, но реакция замедлилась, и все происходило как в тумане.

Чертыхаясь, Этьен уложил меня прямо на ковер (нет бы до ближайшей кушетки донести!) и что есть мочи заорал:

– Гарри!

Меж тем меня начала сковывать дрема, приятно отяжелели веки. Но досадное похлопывание по щекам заставило распахнуть глаза. Я попыталась возмутиться столь неподобающим поведением, но с губ слетело лишь невнятное бормотание.

– Я тут, ваша милость! – послышалось с другой стороны комнаты.

– Выпроводи нашу гостью, быстрее! – процедил Этьен.

– Конечно, это мы мигом! – пообещал преданный слуга и склонился надо мной. – Барышня! Вам пора!

– Да не эту! – рявкнул граф. – Ту, вторую!

Но в этом не было необходимости. Гостья, внимание которой, без сомнения, привлек шум в гостиной, уже выскользнула из ванной.

– Я вижу, у вас здесь сложности, – заметила она, проявив, прямо сказать, чудеса наблюдательности. Жаль, что у меня слишком плохо ворочался язык для колкого комментария. – Пожалуй, не буду вам мешать.

Она ловко шмыгнула за дверь.

– Крысы бегут с тонущего корабля.

Удивительно, но я произнесла это вслух, пусть и не слишком отчетливо.

– Да что же стряслось? – всплеснул руками слуга, предварительно убедившийся, что гостья не осталась подслушивать за дверью.

– Она съела несколько ложек порошка, – зачем-то наябедничал Этьен.

– Ох ты, батюшки!

И почему их всех так шокирует этот факт? Неужели настолько жалко сахарной пудры?

– Что же теперь делать-то? – продолжал причитать Гарри.

– Помоги дотащить ее до ванной!

Это еще зачем?

– Не хочу! – запротестовала я, когда эти двое совершенно бесцеремонно подхватили меня с двух сторон.

– Не надо было ходить куда не просят и есть что попало! – не останавливаясь, отчитал меня Этьен.

Я обиженно насупилась. Кто он такой, в конце концов? И почему именно ванная?

Вскоре меня опустили на пол, и я получила возможность немного отдышаться. В глазах двоилось, и все же мне удалось более-менее осмотреться. Ванна, над которой было закреплено новомодное изобретение – магический бойлер, нагревающий воду. Ширма, которую, кажется, упоминал Этьен в разговоре со своей пассией. Небольшой камин (не мерзнуть же во время купания зимой!). И чугунный унитаз, предмет, постепенно заменявший ночную вазу в богатых домах.

Ненадолго отлучавшийся граф принялся зачем-то гладить мои волосы, в то время как Гарри поддерживал меня в сидячем положении. Ситуация нравилась мне чем дальше, тем меньше. Это еще что за неуместные ласки? И почему, черт побери, так кружится голова?

Меж тем Этьен, быстро собрав мои волосы в пучок, обвязал их то ли лентой, то ли еще чем-то в этом роде, а затем приказал:

– Открой рот.

– Что п-происходит? – с трудом выдавила я, но ответа не дождалась.

Вместо того чтобы давать объяснения, Этьен запихнул мне между зубами какую-то зеленую гадость.

Я чуть не задохнулась: запах у этого средства был отвратительный. Но спустя несколько секунд мне стало не до запахов. Желудок отреагировал быстро. Острый спазм заставил содрогнуться. Я попыталась остановить рвотный позыв, глубоко вдохнув, но мужчины безжалостно подтащили меня вплотную к унитазу и заставили наклонить голову. Второй спазм, третий... Рассказывать о дальнейшем

приличной девушке не пристало. Больше того, после обучения в пансионе я уверена: с желудками приличных девушек подобное в принципе не происходит.

Потом меня, совершенно изможденную, умыли и перенесли на кровать. Должно быть, я задремала, но совсем ненадолго, а когда проснулась, услышала негромкие голоса.

– Как думаете, обошлось? – озабоченно спросил Гарри.

– Похоже, что обошлось, – отвечал Этьен. – Повезло, что вовремя успели. При такой дозе...

Фраза осталась невысказанной и повисла в воздухе жутковатым предостережением.

– Это хорошо. Жаль только, что вы эту Беатрису упустили.

– Ничего, в другой раз найду – не вырвется. А сейчас что было делать? Пирожное с порошком она поест не успела.

– Не успела – ну и ладно. Надо было тюкнуть чем-нибудь по маковке, да и в сундук, пока никто не видит. Вынесли бы ее преспокойно. Внутри хоть ворчи, хоть кричи – никто не услышит, не раз ведь проверено. А если совсем уж беречься, рот кляпом закрыли – и вперед, в карету. А там и до леса недалеко, в лесу и вовсе никто не услышит.

– Я не меньше тебя сожалею, что мы упустили Беатрису, – сердито оборвал запоздалые советы Этьен. – Но спасти Мейбл было важнее. Она съела яда столько, что вполне могла отправиться на тот свет.

– Вот ведь принесла нелегкая, – проворчал Гарри.

– Замолчи, – резко оборвал его хозяин.

Я лежала, не решаясь открыть глаза. Лежала и чувствовала, как выступает на спине холодный пот. Все пережитое за последний час казалось совершенно ненормальным, болезненным, диким. И мое собственное поведение, и грубые окрики Этьена, и его руки, запихивающие мне в рот какие-то зеленые листья, и состояние, когда перед глазами все плывет, а ноги подгибаются... Страшно. Но куда более страшным было то, что я слышала сейчас.

Сахарная пудра оказалась ядом. Невинная на вид сладкая посыпка – на деле смертоносный порошок. И похоже, почти то же самое можно

сказать и про Этьена. Милый, ироничный, достойный мужчина – в действительности похититель и убийца?

Увы, по всему выходило именно так. Он приготовил пирожные для этой женщины – как там они ее называли, кажется, Беатриса? Это однозначно следовало из разговора. Отравить он ее собирался или усыпить – не знаю. Но точно запихнуть в сундук, тот самый злосчастный сундук, который все не давал покоя Амелии.

Подруга оказалась достаточно умна, чтобы догадаться: что-то тут неспроста. Не будет человек просто так путешествовать с большим, тяжелым, но пустым сундуком, который в придачу не отпирается изнутри, работает по принципу мышеловки. Он и был в сущности мышеловкой, только не для грызунов, а для людей.

Теперь исчезновение того парня, игравшего в карты, как раз в день нашего отъезда, не казалось случайностью. Я была уверена: живым или мертвым, Этьен вывез его в сундуке с помощью Гарри. Нагловатого, лезущего не в свои дела, но такого милого и преданного Гарри! Впрочем, в преданности его сомневаться не приходилось и сейчас, раз он помогал хозяину проворачивать настолько грязные делишки. Но подумать только: я так близко подошла к самому страшному человеку, какого когда-либо встречала на своем жизненном пути! Куда там бедолаге мистеру Годфри.

Что же Этьен собирался сделать с Беатрисой и зачем? Всего час тому назад я почти ее ненавидела. Да что там почти? Ненавидела – и точка. Теперь же сердце сжималось от сочувствия – и от радости, что я невольно помешала коварному плану, и женщина, сама того не подозревая, вовремя выскользнула из лап преступника. Он хотел убить ее и закопать тело где-нибудь в лесу? Но зачем? Предварительно ограбив? На ней было немало дорогих украшений, а заядлому игроку наверняка давно уже не хватает средств, что бы он сам ни утверждал на этот счет.

А может быть... Меня буквально передернуло от пришедшей в голову мысли. Хорошо, что в данный момент мужчины отошли и не могли этого увидеть. Что, если он собирался всего лишь похитить ее, а потом использовать... ну... как женщину? Держать взаперти в каком-нибудь охотничьем домике, где, как сказал Гарри, хоть кричи – никто не услышит...

Так, стоп. Я чуть не закричала, лишь бы заглушить подобные мысли. Этьен успел за короткий срок стать слишком близким для меня человеком. Подозревать его в подобном было слишком болезненно. К тому же у него милые родители, и сын таких людей просто не мог вырасти безжалостным убийцей.

Будет лучше относиться к ситуации иначе. Толком я ничего не знаю. Совершенно очевидно, что он замешан в некой незаконной деятельности, но все остальное – не более чем догадки. Пусть догадками и остается. Этьен в любом случае многое для меня сделал. Я ему благодарна и отплачу тем, что никогда не сдам его, в чем бы он ни был повинен. Но больше оставаться в его обществе нельзя. Это слишком опасно. Поэтому надо бежать. Забирать подругу (не бросать же ее на произвол судьбы в такой ситуации!) – и бежать. Сломая голову, куда угодно.

Трудно сказать, чего я боялась больше: опасности, которая исходила от Этьена, или той правды о нем, которую я пока не знала (догадывалась, но не знала точно). Но решение было принято, и затягивать я не собиралась.

Дождавшись, когда мужчины удалятся, я спешно обулась и, как была, выскочила из комнаты. Прическу поправляла уже на ходу.

Гости расходились. Стараясь лишней раз не попадаться никому на глаза, я отправилась к выходу. Высматривала среди немногочисленных припозднившихся гостей Амелию, но так ее и не увидела. Зато меня окликнул кучер. Окинув меня удивленным взглядом, парень распахнул дверцу и отрапортовал, что подруга ждет меня на постоялом дворе. Что ж, оно и к лучшему.

Прохлада ночи немного взбодрила, и к постоялому двору я подъезжала уже почти в здравом рассудке. Насколько он мог быть здоровым после всех приключений. Срочно забирать Амелию, прихватить самые необходимые вещи и бежать, пока Этьен не спохватился, заметив мое исчезновение, и не добрался сюда!

Я рванула на себя дверь, пробежала к лестнице под меланхоличным взглядом хозяина заведения. Должно быть, он был ранней пташкой: за окном как раз занималась заря. Громко стуча каблуками, я поднялась по ступенькам, добралась до нашей с Амелией комнаты и... застыла на пороге.

Нет, это был не Этьен. Картина, которую я застала, оказалась намного неожиданней. На кровати, ерзая и поджимая губы, сидела моя подруга и соседка. А вот на отсутствовавшем прежде стуле расположилась... директриса нашего пансиона мадам Клодиль.

Я замерла, тяжело дыша. Перед глазами поплыли яркие точки, я только сейчас осознала, насколько ослабела и устала, и задумалась: а не видение ли это? Быть может, от злосчастного порошка у меня начались самые настоящие галлюцинации?

Однако мадам Клодиль казалась отвратительно реальной. Она восседала с идеально ровной спиной, тщательно зачесанными назад и собранными в пучок волосами, что немало уродовало ее лицо, с бледными щеками и испепеляющим взглядом, устремившимся в мою сторону, едва я вошла. Завязки темного короткого плаща, который она не сочла нужным снять, наверняка давили на горло, но эту женщину не беспокоили подобные мелочи. Рука ее опиралась на длинный черный зонт. Нет, это точно не галлюцинация. Мое воображение не способно на создание такой жуткой картины.

Амелия тоже уставилась на меня и принялась вращать глазами, подавая какие-то знаки. Увы, в них не было особой нужды: самое главное я уже увидела, а если подруга и хотела добавить что-то еще, я все равно не сумела бы ее понять.

– Ну что ж, все в сборе. Леди Фэйтон, – после непродолжительной паузы заговорила директриса, – вы выглядите ужасно. Впрочем, это неудивительно после вашего крайне непристойного поступка.

– Какого именно? – уточнила я.

В висках набатом стучала мысль: неужели мадам Клодиль умудрилась проведать о моей связи с Этьеном? Или, быть может, она намекает на недавние события на балу?

В этом отношении полученный ответ немало меня успокоил.

– Побега из пансиона, разумеется. Не отпирайтесь, я знаю, что это было вашей идеей!

– Ах, это, – расслабленно выдохнула я. И тут же поспешила исправиться, видя возмущенный взгляд наставницы: – То есть да, конечно, я признаю, что поступила несколько опрометчиво.

– Опрометчиво? Вы так это называете? Это был постыдный поступок, недостойный леди, – отчеканила она. – Хорошо, что нам удалось быстро вас найти и свести неприятные последствия к

минимуму. Это касается и вас, леди де Кресси, – добавила она, видимо, просто ради того, чтобы подруга не расслаблялась. – А теперь будьте любезны собрать свои вещи. Мы уезжаем.

– В пансион? – зачем-то уточнила я. Как будто мадам Клодиль могла ответить: «Нет, в столицу, развлекаться!»

Чуда, конечно же, не произошло.

– Разумеется, – холодно ответила директриса, будто студеной водой окатила. Я даже поежилась.

Потом покосилась на Амелию. Та неуверенно приподняла и снова опустила плечи. Это удивляло: в моем представлении подруга, если бы по-настоящему не желала уезжать, выскочила бы в соседнюю комнату и возвратилась оттуда с ружьем. Значит, у нее есть свои причины для временного послушания. У меня, увы, они тоже имелись.

Я снова перевела взгляд на мадам Клодиль. Посмотрела ей прямо в глаза, чего никогда не бывало прежде и что директрисе явно не понравилось. Но это теперь было мне безразлично.

– Хорошо, мадам Клодиль. Я поеду с вами. Но при одном условии.

– Условию? – возмутилась наставница. – *Вы* ставите *мне* условие?!

– Да, – спокойно ответила я. И продолжила, прежде чем она, опомнившись, высказала бы мне новую порцию нотаций. – Я вернусь вместе с вами в пансион, если вы расскажете, как узнали о нашем с Амелией местопребывании.

– Вообще-то я совершенно не обязана этого делать.

– Не обязаны, – согласилась я. – А я не обязана выходить отсюда спокойно и не поднимая шума. Вы же не хотите, чтобы я вцепилась сейчас в изголовье кровати и завопила, перебудив весь постоянный двор? Чтобы слуги и постояльцы сбежались сюда и стали свидетелями весьма неприятной сцены, которая потом вполне может попасть в газеты? И тогда репутация пансиона...

На лице мадам Клодиль проступили красные пятна. Это было заметно даже в слабом свете едва поднявшегося над горизонтом солнца да пары не погашенных еще свечей.

– Это угроза?

– Нет, – пожалала плечами я. – Просто я ставлю условие, которое вам очень легко выполнить. Ответ на элементарный вопрос против всей моей будущей судьбы. Разве это высокая плата?

Я обязана была знать. Почти ничто не имело сейчас большого значения: ни гнев наставницы, ни утраченный шанс на свободу, ни даже вновь замаячивший в перспективе мистер Годфри. Но мне необходимо было выяснить, имел ли Этьен отношение к появлению мадам Клодиль на постоялом дворе. Если именно он сообщил обо мне в пансион, то можно – как там говорила Амелия? – утопиться в пруду. Если же виноват Рейнард, это еще можно пережить. Тем более не исключено, что он действовал из лучших побуждений, искренне считая, что побегом проблемы не решить.

Директриса колебалась, но недолго.

– Хорошо, – сдалась она наконец. – Мне, конечно, совершенно не нравится ваше поведение. Но писать эссе о послушании и уважении к старшим вы будете по приезду в пансион.

Со стороны кровати раздался нечленораздельный утробный звук, заставивший меня всерьез подумать, что Амелия все-таки кинется за ружьем.

– Вы написали о месте своего пребывания вашей подруге, Лизетте, – продолжала мадам Клодиль, ничего не подозревая о грозящей ей опасности. – А она, как ответственная и послушная девушка, известила меня.

Мои глаза расширились в недоумении, рот сам собой раскрылся, и вещи я собирала в задумчивом молчании, стараясь не замечать многозначительного фырканья Амелии. К ружью моя единственная, как оказалось, подруга все-таки не притронулась.

Глава 13

Возвращение в пансион

Мейбл

Пансион встретил нас тишиной, запахом отсыревших стен и полутьмой, характерной для пасмурных дней. Свечи были дороги, и в коридорах их жгли только вечером. Занятия уже начались, так что эхо не подхватывало ни оживленных голосов, ни цоканья каблучков – не считая, конечно, наших.

В этот день нас милостиво освободили от занятий. Мы много часов провели, трясясь в карете, и лично я, несмотря на то что большую часть поездки подремала (а может быть, именно поэтому), чувствовала себя сейчас совсем разбитой. Впридачу меня еще и сильно укачало: не следовало, наверное, пускаться в путь на голодный желудок, да к тому же после ненароком принятого яда.

Каждой клеточкой своего тела ощущая любую неровность дороги, я лишь плотно сжала губы и выпрямила спину, чтобы не позволить мадам Клодиль увидеть мою слабость. И только Амелия обеспокоенно косилась в мою сторону: видимо, понимала, что для меня, в отличие от сбежавшей игуаны, нехарактерен зеленый цвет лица. Интересно, что все-таки случилось с этой ящерицей?

Странно, но нас не расселили по разным комнатам. То ли директрисе не пришло в голову, что не стоит держать вместе двух непокорных пансионеров, то ли нас возвратили в прежнюю спальню умышленно, в назидание, чтобы мы понимали: ничего нельзя изменить.

Несмотря на то что нас почти сразу предоставили самим себе, разговора в тот день не получилось. Я чувствовала себя плохо и быстро заснула, а когда проснулась спустя несколько часов, обнаружила умиротворенно посапывающую Амелию. Тихонько подошла к ней и осторожно поправила одеяло: оно почти сползло на пол, как у ребенка. Прежде чем как следует укрыть подругу, я успела заметить, что ее ресницы слиплись, будто бы от слез, а в кулаке она сжимает, как сокровище, фантик от шоколадной конфеты. Улыбнувшись, я отправилась в ванную приводить себя в порядок, а

затем – на поиски какой-нибудь еды. Больше из комнаты не выходила, не желая ни с кем встречаться. Но назавтра этого уже было не избежать.

Мы вместе спустились на первый урок, одетые и причесанные как положено. Амелия сжала губы, вздернула подбородок и поглядывала вокруг с вызовом. Себя я со стороны не видела, но, конечно, была не менее напряжена. Соученицы взирали на нас кто с сочувствием, кто со злорадством, а кто с банальным любопытством. Мы заняли привычные места.

– Мейбл, как я рада тебя видеть! – тут же защебетала Лизетта. – Я так соскучилась!

– Ни секунды в этом не сомневаюсь, – вежливо улыбнулась я. – Ты так сильно соскучилась, что даже донесла на меня мадам Клодиль, чтобы мы поскорее встретились вновь.

Бывшая подруга словно заледенела. Застыла без движения, только глаза лихорадочно бегали. Вне всяких сомнений, она не ожидала, что вскрыется правда о ее участии в нашем с Амелией возвращении.

– Это правда?

– Ты рассказала о Мейбл мадам Клодиль?

Совершенно неожиданно для себя я обнаружила, что девушки глядят на Лизетту с нескрываемым порицанием. Даже те, кто прежде злорадствовал по поводу нас с Амелией. Не иначе, последним Лизетта невольно предоставила возможность почувствовать себя хорошими: может, они и были рады узнать о чужих неприятностях, но во всяком случае не приложили к этим самым неприятностям руку.

– Как ты могла? Она же твоя подруга!

– Право слово, видали мы таких «подруг»! О женской дружбе даже среди мужчин ходят байки.

– Глупости! Женщины ничем не хуже мужчин дружат! – не выдержала Амелия. – И даже лучше. Этим джентльменам только бы шпагами друг в друга тыкать.

– Верно, – поддержала я. – Не то что дамам. Те, в крайнем случае, в волосы друг дружке вцепятся. Обидно, но совсем не так смертоносно.

– Я ни на ком волосы не рвала! – принялась защищаться Лизетта. – И поступила именно как подруга. Я беспокоилась о Мейбл. Ей было опасно там, снаружи. – Она произнесла это так, будто сразу за

стенами пансиона начинался бушующий океан и только здесь был островок безопасности и спокойствия. – Без старших, без помощи, без совета. В обществе сомнительных личностей.

Пару одобрительных кивков она заработала, но в основном девушки отреагировали совсем иначе. Судя по взглядам, они были очень даже не прочь незамедлительно оказаться за стенами безопасного пансиона вместе с парой-тройкой сомнительных личностей.

Однако ответить никто не успел. Ни мы с Амелией, ни наша группа поддержки, которая совершенно неожиданно оказалась столь многочисленной. В класс чинно ступила мисс Маргарет, и все притихли, принимая правила игры. Какие бы чувства ни владели каждой из нас, занятия должны были идти своим чередом. Так же, как и взрослая жизнь, которая не остановится только оттого, что кто-то не успел совладать со своими эмоциями. На этот урок можно опоздать, но вот добиться хороших результатов, не умея владеть материалом, не выйдет.

И все-таки я не отказалась от намерения прояснить с Лизеттой некоторые моменты. И потом, когда наступил достаточно длинный перерыв, пригласила ее в свою комнату для беседы. Там, больше не стесняясь чужих ушей, прямо спросила:

– Так почему же ты меня выдала? Только не подумай, пожалуйста, – я сочла нужным прояснить все до конца, – это не обида, даже не разочарование. Уже нет. Мне уже пришлось столкнуться с настоящими разочарованием и обидой, на фоне которых наша с тобой история – детский лепет. Мне просто любопытно понять, что же заставило тебя поступить так странно. Ведь никакой выгоды тебе от этого не было. Или я что-то упускаю? Может быть, это была месть? В таком случае за что?

Взгляд недавней подруги быстро утратил выражение гордой невинности. Он стал жестким, а постепенно – даже ненавидящим.

– А как ты сама думаешь? – прошипела Лизетта, тщетно ожидая от меня понимания, каковое мне, не иначе по скудоумию, никак не давалось. Пришлось «подруге» давать объяснения: – Изображаешь из себя принцессу, несчастную и обиженную жизнью? Сперва я тоже думала, что мы – товарищи по несчастью. Но оказалось, что все это была фальшь с самого начала.

– Какая фальшь? – спросила я с недоумением, к которому примешивалось все возраставшее раздражение. – Разве я хоть раз солгала тебе с самого начала нашего знакомства?

Обвинения в нечестности глубоко меня задели, хоть я и старалась не демонстрировать бывшей подруге свою внутреннюю уязвимость.

– А как еще это назвать? – парировала Лизетта. – Бедная несчастная сиротка, которую злая мачеха выпихнула в пансион. Вот только ты не Золушка, дорогая моя. Тебя никто не заставлял мыть полы да перебирать крупу. И «злая мачеха» устроила тебе весьма неплохую партию. Со взрослым, состоятельным мужчиной, имеющим свой дом, положение в обществе, деньги, наконец. Подумаешь, он не похож на героя романтического романа! Зато в его обществе ты получишь возможность выйти в свет и вести достойную жизнь. И поладить с ним вполне сможешь, если только будешь подходить к браку с умом. Ты действительно получаешь все, кроме разве что бесцельных романтических бредней. И при этом ты безумно недовольна. Да половина пансионеров обзавидовались, а ты даже этого не замечаешь, усердно изображаешь оскорбленную невинность. Тебе хоть раз пришло в голову, что это твое «несчастье», из-за которого ты так глупо сбежала из пансиона, – это огромная удача для многих из нас? Так хоть постеснялась бы жаловаться!

– Я и не жаловалась, – возразила я. – Только тебе. Но тогда я думала, что ты – моя подруга, и значит, тебе есть дело до моих чувств. Иначе я ни за что не стала бы навязывать тебе свою откровенность.

– Да одна только твоя кислая физиономия чего стоила! И потом, не надо изображать из себя идеальную подругу. Много ты думала о моих чувствах? Можно подумать, тебя интересовало, как отнеслась бы к подобному браку я? А я тебе скажу. Я была бы на седьмом небе от счастья! Потому что меня, четвертую дочь, без приданого и не из слишком знатной семьи, ждет монашеская келья. Потому что замуж меня ни один более-менее достойный мужчина не возьмет.

– Точно не возьмет, – уверенно подтвердила я. – И не из-за приданого.

Одобрительный смешок, раздавшийся из-за двери, просветил меня о том, что у нашего разговора тет-а-тет имелся свидетель. Вернее, свидетельница, об имени которой я догадывалась. А вот Лизетта, покрасневшая отнюдь не от стыда, а скорее от чувства, которое

считала праведным гневом, была слишком занята собственными эмоциями, чтобы обратить внимание на негромкий звук.

– И не пытайся вызвать во мне угрызения совести, – продолжала я, не позволяя бывшей подруге вставить свое веское слово. – Твое положение и вправду незавидное, мое тоже не самое радужное. Наверное, именно потому мы и сошлись в свое время. Но знаешь что, ты – не первая девушка, у которой возникли проблемы с замужеством. Не все в этой ситуации отправляются в монастырь. И на подлость тоже идут не все. Можно, в конце концов, стать гувернанткой или наставницей в таком пансионе, как этот!

Впрочем, напрасно я вспомнила в тот момент про мисс Уэлси. Лизетте никогда не стать такой, как она, и дело, опять же, отнюдь не в деньгах или общественном положении.

– Ты! – сказала, как выплюнула, Лизетта. – Наглая избалованная девчонка!

Я уже собиралась уйти, но тут обернулась.

– Не вздумай со мной связываться. – Я подошла к девушке совсем близко и посмотрела в глаза. – Хуже будет. И не говори потом, что я тебя не предупреждала.

Разумеется, я не имела в виду ничего определенного, но, видимо, решимости в моем тоне оказалось достаточно. Во всяком случае, ответить Лизетта не рискнула и молча проводила меня взглядом.

За дверью предсказуемо обнаружилась Амелия.

– Молодец! – одобрительно высказалась она, подстраиваясь под мой резкий от нервозности шаг. – Мне даже вмешиваться не пришлось. Не ожидала! Но почему она назвала тебя наглой избалованной девчонкой?

– Не знаю, – передернула плечами я. – А почему тебя покорило именно это?

– Обычно так называют меня!

– Видимо, за время нашего отсутствия в пансионе мы стали похожи.

Некоторое время мы шли молча. Возможно, Амелия прокручивала в голове мое последнее высказывание, а может, думала о другом.

– Послушай, Мейбл. – Она потянула меня за рукав, и я остановилась. – А может, нам правда стоит уйти в монастырь?

Я взвесила это предложение, но вскоре отрицательно покачала головой.

– Жалко, – отрезала я.

– Что? Попусту потраченную жизнь? – скептически спросила она.

– Нет. Монастырь жалко. К тому же там не будут давать конфеты.

– Да, это большая жертва, – со вздохом согласилась подруга.

На улице было пасмурно и сыро, как и положено поздней осенью. Дождь перестал, но тучи пока не собирались расходиться. Задержавшиеся на деревьях капли то и дело, срываясь, падали в лужи, тревожа темную водную гладь. Этому немало способствовал порывистый ветер, раскачивавший ветки, а заодно сухие опадающие листья, из тех, на какие любят наступать мальчишки (а когда никто не видит, то и девчонки), дабы услышать хруст под ногами. Возле забора, отгораживавшего от прохожих пансион Святой Матильды, стоял высокий человек в длинном, прикрывающем колени пальто с высоко поднятым воротником, защищавшем от промозглого ветра. Мужчина чего-то или кого-то поджидал. Нетерпение проявлялось в том, что он то и дело покачивался с каблука на носок либо постукивал по камням мостовой модной тростью, которую крепко сжимала затянута в белую перчатку рука.

Вскоре стороннему наблюдателю стало бы ясно, чего именно ждал незнакомец: со стороны дверей пансиона быстро приближался другой человек. Он был немного ниже ростом и производил не столь внушительное впечатление, однако же походка его была уверенной, а одежда свидетельствовала о благородном происхождении и хорошем достатке.

– Ну как? – полюбопытствовал Рейнард, когда кузену оставалось пройти всего пару шагов.

– Плохо, – отозвался тот, правильно оценивая погоду и скидывая на плечи капюшон непромокаемого плаща. – Пускать внутрь меня не пожелали, передать письмо тоже отказались. Уговоры, предложенные деньги, завуалированные угрозы – все бесполезно.

Рейнард улыбнулся уголками губ.

– Именно так я и думал, – кивнул он. – Что ж, теперь моя очередь. Смотри и учись.

– Не споткнись по дороге. Здесь, знаешь ли, скользко! – едко крикнул ему вслед Этьен.

Наблюдал он, однако же, встревоженно, в душе надеясь, что попытка кузена окажется более удачной, чем его собственная. Хорошо, что он не мог в этот момент прочесть мысли Рейнарда, который был уверен в успехе значительно менее, чем старался показать.

Оказавшись на пороге, он подкинул трость, перехватил ее поудобнее и постучал ручкой по двери. Ожидать пришлось недолго. Незваному гостю открыл не слишком довольный привратник, недоумевавший, с чего это вдруг посторонние мужчины принялись напрашиваться в посетители один за другим. Тем не менее он сумел превозмочь свои чувства и с ничего не выражающим, каменным лицом вежливо осведомился:

– Что вам угодно, господин?

– Я – граф Рейнард Аттисон. – Гость предельно четко произнес свое имя. – Я бы желал переговорить с леди Амелией де Кресси, моей невестой.

– Одну минуту, ваша светлость! – привратник угодливо поклонился. Мотивы этого визитера, похоже, показались ему более весомыми, нежели у предыдущего. – Извольте обождать.

Дверь снова затворилась. Внутри Рейнарда не пустили, но это было не страшно: дождь возобновляться не спешил, а строгость порядков всегда была характерна для пансионеров благородных девиц. Пансион Святой Матильды не стал исключением.

Значительно сильнее граф удивился, когда в следующий раз обнаружил за распахнувшейся дверью не только привратника, но и директрису заведения, мадам Клодиль.

– Ваша светлость? – директриса пристально смотрела на молодого человека сквозь очки, словно решая, действительно ли тот достоин перешагнуть порог вверенного ей учебного заведения.

– Мадам Клодиль, – Рейнард коротко поклонился. – Я бы хотел видеть свою невесту, леди Амелию де Кресси.

– Боюсь, это невозможно, – губы раздвинулись в подобии улыбки, но глаза, смотревшие на просителя поверх пенсне, были холодны как лед.

– Невозможно? – граф Аттисон нахмурился. – Могу я поинтересоваться причиной?

– Разумеется, – мадам Клодиль кивнула, выдержала соответствующую случаю паузу и продолжила: – После возвращения леди де Кресси я была вынуждена рассказать ее родителям о побеге. Также я проинформировала лорда де Кресси, что именно после встреч с вами его дочь покинула стены этого заведения. Мы все пришли к выводу, что юному неокрепшему разуму леди де Кресси пока вредны встречи с посетителями мужского пола.

Даже если Рейнард и хотел что-то возразить, то высказывание о неокрепшем разуме невесты привело его в состояние замешательства. Он даже усомнился, что речь идет именно об Амелии.

Мадам Клодиль торжествующе улыбнулась. Слова подруги, графини Ламбер, о трудностях, которыми должна сопровождаться любовь, пришлись ей по сердцу, и она готова была приложить все силы, чтобы мужчины дорожили своими избранницами.

– Всего вам доброго! Ждем вас весной!

Она торжествующе захлопнула дверь прямо перед носом незадачливого жениха.

Рейнард так и остался стоять, пока к нему не подошел Этьен.

– О да, кузен, ты преподал мне прекрасный урок! – воскликнул он, хлопая Рейнарда по плечу.

Тот моргнул и обернулся.

– Скажи, ты знал, что у Амелии неокрепший разум, которому вредны волнения? – задумчиво спросил он.

– Прости, что? – Этьен озадаченно посмотрел на кузена, опасаясь, что у того самого неокрепший разум.

– Только что мне сказали, что у Амелии неокрепший ум...

– Знаешь, мне кажется, что они правы, к тому же это весьма заразно, – хохотнул Этьен, на всякий случай отходя в сторону.

– Может быть... – Рейнард вновь посмотрел на дверь. – Вот только скажи мне, как люди с окрепшим умом вроде нас с тобой смогут теперь поговорить с девушками?

Этьен задумался, внимательно осматривая неприступные на первый взгляд стены пансиона.

– У меня есть одна идея, – хищно прищурившись, проговорил он.

Мейбл

Той ночью я долго не могла уснуть. Бессонница вообще стала одолевать меня все чаще. Амелия посапывала совсем тихонько и почти безмятежно, так что не помешала мне услышать довольно-таки громкий удар в окно. Сперва я решила, что начался дождь, но вскоре сообразила, что капля, пусть даже крупная, не смогла бы шлепнуться о стекло с таким громким звуком. Выходило, что это град. Повторный удар, казалось бы, подтверждал такое предположение, и третий тоже. Вот только времени между ними проходило слишком много. Это было бы естественно, если бы наше окно ограждал от непогоды, к примеру, широкий навес. Но с этой стороны пансион был, поэтически выражаясь, открыт всем ветрам, а потому уж если град зарядил, ему следовало бы биться в окно с завидной настойчивостью.

Словом, что-то меня смущало, и, дабы разобраться, я совершила поступок, пугающий любую женщину в это время года. А именно вылезла из-под одеяла. Дрова в пансионе тоже сэкономили, угли в камине еле тлели. Тело сразу же покрылось мурашками, зубы застучали, и я поспешила закутаться в широкий пуховый платок. Соскользнула босыми ногами на потрепанный ковер, подошла к подоконнику и, опираясь на него, выглянула наружу.

Ну что ж, теперь многое становилось понятно. Не знаю только, как им удалось перебраться через ограду, но, видимо, банальнейшим образом перелезли. Я с трудом удержалась от желания выругаться сквозь зубы. Можно сказать, опора короля, оплот монархии, представители знатнейших аристократических домов решили перемахнуть через забор на чужую территорию, как беспризорные мальчишки. Для полного сходства оставалось только заняться воровством яблок, но это точно не входило в их планы. Во-первых, сезон этих замечательных фруктов давно закончился, а во-вторых, предметом интереса мужчин были мы. Об этом свидетельствовали камешки, которые они, иногда метко, а иногда и не очень, однако с неизменным старанием кидали в наше окно.

Я даже не стала гадать, как эти двое узнали, где наша комната – наверняка подкупили одну из горничных.

При моем появлении обстрел прекратился.

– Что вам нужно? – громким шепотом спросила я.

Вряд ли с такого расстояния они хоть что-то услышали, но это было и к лучшему.

– Уходите! – вновь зашептала я, на этот раз сопровождая слова весьма выразительной жестикуляцией.

И, решив, что этого окажется достаточно даже для самых непонятливых, принялась задергивать занавески.

– Что такое? – сонно спросила Амелия.

Я застыла, стараясь вести себя еще тише, чем прежде. Эх, все-таки разбудила!

– Ничего страшного. Спи!

Но так просто подругу было теперь не утихомирить. Она уже сообразила, что происходит что-то интересное, и соскочила с кровати. Сонливость как рукой сняло.

– Да я же вижу: что-то случилось! – оживилась она. – Рассказывай!

– Взгляни туда. – Я вынужденно кивнула в сторону окна. – Там Этьен с Рейнардом. Камушки нам в окно кидают.

Глаза подруги вспыхнули, а сама она с надеждой повернулась к окну, но подходить не спешила.

– Зачем это? – голос звучал очень ровно, подруга явно сдерживалась, чтобы не кинуться к подоконнику.

Я пожала плечами.

– Внимание привлечь.

– Об этом я и сама догадываюсь, – проворчала Амелия. – Что им от нас нужно-то?

– Не знаю. Они не сказали. Здесь далеко и не слышно. И вообще я им показала, что нечего тут околачиваться. Пусть отправляются восвояси. Так что давай просто занавески до конца задернем – и спать.

Камушек опять чиркнул по стеклу.

– Ну нет, так просто он у меня не отделается! – внезапно распалилась Амелия. – Камушки, значит, в окно кидать? Раньше поговорить ему слишком сложно было? А теперь репутацию портить – это, значит, пожалуйста? Ну все!

Амелия решительно взобралась на подоконник и стала остервенело пытаться открыть окно. Именно пытаться, поскольку на практике это действие производилось крайне редко, щеколду, которую необходимо было отодвинуть, заело, и она никак не желала сдвинуться с места.

– Я ему покажу! – приговаривала девушка, продолжая вести эту неравную борьбу с рычажком. – Пусть знает: я ни на шаг его к себе не подпущу! Слова ему больше не скажу! Он меня больше никогда не увидит!

– Амелия! – взмолилась я. – Ради всего святого, слезь с подоконника! Ты показываешься Рейнарду в одной ночной рубашке, да еще и в свете яркой свечи. И все это для того, чтобы доказать ему, что он больше никогда тебя не увидит? Поверь, это не самый лучший способ донести такую мысль!

– Ой! – подруга ошеломленно посмотрела на себя, потом взглянула в окно и поспешно соскочила на кровать, а затем, завернувшись в тяжелое, зато теплое одеяло, помогла мне задвинуть занавески так, чтобы даже маленькой щелочки не осталось.

Камни вновь застучали по гладкой поверхности.

– Раньше надо было думать! – Амелия мстительно посмотрела в сторону окна, после чего направилась к своей кровати, гордо волоча одеяло, точно королевскую мантию.

Я потушила свечу и долго лежала, отвернувшись к стене и с замиранием сердца ожидая, станут ли камушки снова биться в наше окно. Но недавнее безобразие не возобновилось. Не выдержав, я встала и снова подошла к окну. Заглянула в щелочку. В парке уже никого не было.

– Ну что там? – громким шепотом спросила Амелия.

Я покачала головой:

– Они ушли.

– Так им и надо! – в голосе подруги слышалось разочарование. – Пусть знают, что они нам безразличны!

Я кивнула и потушила свечу, а потом еще долго вслушивалась в ночные шорохи и мерное дыхание все-таки уснувшей соседки. Лишь когда по щеке потекла обжигающе горячая капля, я поняла, что глаза мои наполнились слезами.

Утро выдалось таким же безрадостным. Небо за окном хмурилось больше обычного. Или же мне так казалось из-за событий прошлой ночи. Амелия тоже была какой-то притихшей. Странно, но она так и не рассказала мне о причинах, заставивших ее вернуться в пансион. Спрашивать я не решилась, опасаясь невольно задеть душевные раны.

О ночных визитерах мы больше не говорили. Частично из-за опасения, что нас могут подслушать, частично из-за того, что каждая из нас была погружена в свои переживания. Я до сих пор не знала, стоит ли тревожить подругу своими опасениями по поводу Этьена, а Амелия явно не горела желанием рассказывать о том, что произошло между ней и Рейнардом на балу.

Мне оставалось лишь гадать, что же столь вопиющее совершил граф Аттисон, чтобы так разозлить мою подругу.

Единственным местом, куда пансионерок регулярно выводили, был храм Святого Иониса, располагавшийся в конце той же улицы, что и пансион. Охраняли нас при этом не хуже, чем особо опасных преступников, переводимых из одной тюрьмы в другую. Наставницы торжественно вышагивали впереди, позади, справа и слева, а кто-нибудь, как правило, шествовал и непосредственно среди учениц. Но если все остальные ходили на богослужение один раз в неделю, нас с Амелией после возвращения решили водить в церковь дважды: по воскресеньям и вторникам. Похоже, мадам Клодиль решила, что нам, как заблудшим овечкам, особенно требуются молитва, исповедь и, конечно же, покаяние.

В тот вторник мы тоже ступили под свод высокого величественного здания, сопровождаемые мисс Клавдией и мисс Маргарет. Послушно преклонили колени и застыли, опустив головы, чувствуя, как прожигают спину взгляды наставниц.

– Исповедоваться я точно не буду, – едва слышно прошипела подруга. – Не дождутся.

Я промолчала, поскольку тоже не желала открывать всю правду священнослужителю. У меня не было уверенности в том, что он не донесет мой рассказ директорисе, хоть это и означало бы нарушение тайны исповеди.

В это время суток, в будний день, храм был практически пуст. Одна старушка в старом, выдавшем виды платке сидела на деревянной скамье и то ли молилась, то ли дремала. Какой-то мужчина, на вид торговец, с интересом разглядывал украшавшие стену фрески. Двое священнослужителей неспешно шагали к исповедальням.

Внезапно Амелия ущипнула меня за ногу, да так больно, что я чуть не вскрикнула, нарушая тем самым всю конспирацию. Но все-

таки сдержалась и сердито воззрилась на подругу. Та скосила глаза, указывая мне на жрецов. Я осторожно повернула голову... и оторопела. Фигуры стоявших к нам спиной служителей храма кого-то напоминали, но я бы списала это на разыгравшееся воображение. Однако начищенные до блеска сапоги для верховой езды, видневшиеся из-под монашеского одеяния, были реальными, равно как и едва заметные под рясами очертания шпаг. Сердце заколотилось.

Строгий голос мисс Маргарет возвратил меня к реальности.

– Девушки, вам пора исповедаться.

Мы с Амелией послушно поднялись и неспешно двинулись по проходу, с двух сторон от которого тянулись ряды скамей.

– Ты налево, я направо! – хищно шепнула Амелия, и я осторожно кивнула.

Этьен был немного ниже Рейнарда и угже в плечах, так что понять, какое место занял каждый из кузенов, было несложно.

Я прошла в исповедальню и опустилась на колени на узкую скамеечку, специально предназначенную для этой цели. От соседней кабины меня отделяла тонкая стенка и квадратное решетчатое оконце. При этом решетка была настолько частой, что рассмотреть того, кто сидит по соседству, не вышло бы при всем желании.

– Этьен, я знаю, что это ты, – проговорила я, прежде чем он успел бы начать морочить мне голову. Если, конечно, собирался.

Молчание, в действительности непродолжительное, показалось мучительно долгим.

– Ты умеешь видеть сквозь стены? – с вынужденным смешком спросил Этьен, и от звучания его голоса у меня зашло сердце.

– Нет, – ответила я, стараясь никак не выдать своего волнения. – Просто наша общая знакомая наблюдательна, а ваша обувь не слишком вписывается в традиционный наряд жреца.

Слово, невольно слетевшее с губ Этьена, столь же мало вписывалось в окружающую обстановку. Вряд ли стенам исповедальни прежде доводилось слышать подобное.

– Я просто хотел с тобой поговорить, – поспешил оправдаться он. – А в ваш пансион иначе как штурмом не прорвешься.

– Это правда, – улыбнулась я. – Но, Этьен, поверь, в разговоре нет необходимости.

– Послушай, Мейбл, – настойчиво перебил меня он. – Все не так, как кажется. Я знаю, сейчас ты думаешь... да бог знает что ты обо мне думаешь! Что я игрок, мот, да к тому же еще и отравитель. Но на самом деле всему этому есть другое объяснение. Ты просто должна меня выслушать.

– Я ни секунды не сомневаюсь, что объяснение есть, – настала моя очередь перебивать. – Но это неважно. Что бы ты ни поведал, это не имеет никакого значения. Нет, послушай, Этьен! – Я слегка повысила голос, поняв, что он собирается что-то сказать. – В конце концов, именно ты находишься сейчас на месте человека, первостепенная цель которого – выслушать. Не думай, будто я перечеркнула все что было. Я бесконечно благодарна тебе за помощь, которую ты оказал мне в трудную минуту. Те дни, которые мы провели вместе, навсегда останутся в моей памяти. Это были лучшие дни в моей жизни. И я никогда – слышишь, никогда! – не предаю тебя. Никто не узнает ни о женщине, которая должна была вкусить белого порошка, ни о карточном игроке, таинственным образом исчезнувшем из «Оазиса». В этом ты можешь быть совершенно уверен. Но, Этьен, существует черта, которую я не в силах перешагнуть. По какой бы причине ты все это ни делал, я не могу быть рядом с человеком, способным на подобное. Поэтому прости, но не надо больше искать со мной встреч. Только если с тобой случится беда и понадобится помощь. Но до тех пор прощай. Да хранит тебя Бог!

Я вылетела из исповедальни в слезах. Полагаю, наставницы были уверены, что на сей раз я воистину покаялась в своих грехах.

* * *

Рейнард прикрыл за собой резную дверь и огляделся, насколько это можно было сделать в той крошечной клетушке, где он оказался. По размеру эта часть исповедальни не отличалась от соседней, предназначавшейся для прихожан. Только здесь вместо низкой скамеечки для коленапреклонения имелась обычная, на которую можно было сесть. Для удобства жреца также прилагалась подушка. Рейнард сделал вывод, что находиться на этой половине значительно удобнее.

Прошло совсем немного времени – и шорох юбок возвестил о том, что одна из девушек также вошла в исповедальню. Вот только которая?

– Я хочу покаяться, отче.

Звук этого голоса несказанно порадовал графа. Конечно, он был готов к тому, что может появиться Мейбл и нужно будет говорить именно с ней. Даже постарался подобрать нужные слова. Но сразу же объясниться с невестой – это значительно лучше.

– Я согрешила, – продолжала та.

Следовало, конечно, первым делом во всем признаться, но столь горячее желание исповедаться, казавшееся ему совершенно нехарактерным для Амелии, заставило Рейнарда изменить тактику.

– Слушаю тебя, – следовало добавить «дочь моя», но уж в роли дочери Рейнард хотел видеть Амелию меньше всего. Хотя... мысль о том, что у него будет дочь с огромными черными глазами и взрывным характером, показалась весьма интересной. Особенно же интересным было, что должно предшествовать рождению дочери.

– У меня очень много грехов, – тем временем вдохновенно произнесла девушка. – Я даже не знаю, с которого из них лучше начать.

– Начни с того, что представляется тебе самым важным, – предложил «святой отец», выныривая из своих не слишком благопристойных мыслей.

– Это тоже трудно. – Рейнард живо представил, как она хмурит брови, а на лбу появляются вертикальные морщинки. До боли в пальцах захотелось провести по ним рукой, разглаживая смуглую кожу. – Вот, например, очень тяжелый грех. Чревоугодие. Я очень люблю шоколадные конфеты. Могу за один раз съесть целую коробку!

Граф Аттисон с трудом подавил смешок.

– А это отражается на твоей фигуре, дочь моя? – приглушенным голосом спросил он.

– Нет, – с гордостью, не слишком уместной во время исповеди, ответила девушка.

– В таком случае не печалься. Раз ты ешь конфеты и не толстеешь, стало быть, Создатель не гневается на тебя за эту слабость, – милостиво изрек Рейнард.

– Вот как? – Амелия задумалась и наверняка прикусила губу. – Да, наверное, вы правы, святой отец...

– В любом случае будь осторожна, ведь кто-то может и воспользоваться этой слабостью, – наставительно произнес Рейнард.

– О, спасибо за совет! Но это не единственный мой грех, – продолжила Амелия. – Два года назад я совершенно неподобающим образом залезла на дерево, чтобы снять с ветки котенка.

– Котенок это пережил?

– Да. Теперь он живет у нашей кухарки.

– Тогда это не грех, а, наоборот, благородный поступок! – Рейнарду начинала нравиться эта игра. Было что-то забавное и по-детски наивное в том, как Амелия перечисляла свои проказы.

– А измена жениху считается тяжелым грехом?

Вопрос заставил Рейнарда подскочить. Ударившись макушкой о потолок кабинки, он сдавленно охнул и пробормотал ругательство.

– Простите, отче, что вы сказали? – Амелия прищипнула глазом к решетке, пытаясь рассмотреть, что происходит с другой стороны.

– Ничего, – пробурчал тот. – Сначала поведай, в чем суть измены.

– Ну... Начну с того, что мой жених – человек весьма дурного нрава.

Граф Аттисон втянул носом воздух и с силой сжал кулак, чтобы не раскрыть себя прежде времени. Уж теперь-то он должен был пойти до конца и узнать всю правду.

– Такого уж дурного?

– О да! Практически невыносимого. Он постоянно сквернословит, совершенно не разбирается в моде и запоминает женщин лишь по платью.

Рейнард закатил глаза: далось же Амелии это платье!

– Может быть, за ним водятся более тяжкие грехи? – поинтересовался он.

– Что может быть тяжелее перечисленного мной? – фыркнула девушка.

– И что же, у него нет никаких достоинств?

– Святой отец, да кому он здесь интересен? – возмутилась Амелия. – Мы же говорим не о нем, а обо мне, не правда ли?

– Верно, – сквозь зубы процедил Рейнард.

– Мне кажется, вы не слишком одобряете меня, отче...

– Я – лишь слух Божий, – графу Аттисону пришлось поднапрячься, чтобы вспомнить стандартную фразу, которую жрецы обычно говорят исповедующимся. – Продолжай, в чем твой грех?

– Понимаете, я... я изменила своему жениху.

– Когда?

– Не так давно... В помыслах. Засмотрелась на кузена одной воспитанницы нашего пансиона и подумала, что было бы неплохо, если бы этот юноша меня поцеловал... ведь мой жених так до сих пор и не удосужился это сделать!

Рейнард испытал чувство облегчения, но следующие слова девушки заставили его снова насторожиться.

– А потом... я... я решила поцеловаться с нашим привратником.

Через решетку Амелия наверняка могла услышать зубовой скрежет. Рейнард изо всех сил пытался вспомнить того привратника! Молодой он? Вроде бы не слишком... С другой стороны, и сам Рейнард гораздо старше своей невесты...

Впервые в жизни граф Аттисон пожалел, что мало внимания обращает на прислугу. Впрочем, мысли о преимуществах социального равенства не захватили его надолго, ибо, как оказалось, девушка еще не закончила.

– А потом в конюшнях я встретила Джонни, – всхлипнула она.

– Джонни?

– Да, конюха... Вот ему я отдалась на сеновале по-настоящему!

По звукам, донесшимся из второй части исповедадьни, юная прихожанка могла заключить, что кто-то роет в скамье яму при помощи когтей.

– Вы не представляете себе, как он божественно красив, святой отец! У него такие мягкие светлые кудри, такие чувственные губы, такие нежные пальцы! И потом, он одинаково легко узнает меня и в платье, и без него, не то что мой жених!

– Далось же вам это платье! – прорычал «святой отец».

– Потом еще был молочник Хьюго, свинопас Пит и часовщик мистер Донеллан...

– Да у вас там не пансион, а проходной двор! – взревел Рейнард, даже не заботясь, что его могут услышать в храме.

– Все дело в ограде, через нее очень легко перелезть! – доверчиво сообщила Амелия. – Вы, например, с легкостью сделали бы это!

Особенно в ваших начищенных до блеска сапогах. На вашем месте, граф, я бы маскировалась более тщательно! Всего вам доброго!

С этими словами девушка буквально-таки вылетела из исповедальни. Рейнард на несколько секунд замешкался, силясь отыскать хоть какую-то логику во всем, что услышал. Когда он распахнул наконец дверцу, увидел лишь спину Амелии, покидавшей храм в сопровождении наставниц. Он немного постоял, глядя ей вслед, а затем громко расхохотался.

– Не удосужился поцеловать! Часовщик мистер Донеллан! Это же надо было такое придумать!

Немногочисленные посетители храма моментально вскинули головы, в ужасе взирая на священнослужителя, от души веселящегося сразу после исповеди. Рейнард прокашлялся, пониже опустил капюшон рясы и зашагал подальше от любопытных глаз.

– Ну что же, милая невеста, этот раунд остался за вами! – прошептал он, с трудом сдерживая рвущийся наружу смех.

Амелия

Воинственное настроение, испытываемое после встречи с женихом, испарилось, стоило мне взглянуть на Мейбл. Похоже, ее беседа с Этьеном прошла не так уж и хорошо. Но расспрашивать подружку, пока мы возвращались в пансион, я не рискнула. Как назло, наставницы считали, что после посещения храма идти надлежит медленно, дабы полностью осознать все наставления жрецов. Хорошо хоть, голову можно было опустить, чтобы скрыть выражение лица.

– Что случилось? – набросилась я на Мейбл, как только мы оказались в нашей комнате.

– Ничего, – она присела на кровать и принялась разглаживать складки на покрывале, старательно избегая моего взгляда.

– Мейбл, брось, ты же знаешь, что, в отличие от Лизетты, я не буду никому доносить! Ты говорила с Этьеном?

– Да.

Складки на покрывале закончились, и она принялась за подол платья. Мейбл так тщательно разглаживала ткань руками, что у меня мелькнула мысль подсунуть ей пару своих мятых платьев.

– И что он сказал?

– Да какая разница, – Мейбл вздохнула. – Важно же, что он сделал, верно?

Я внимательно посмотрела на подругу. Все это время она категорически отказывалась поведать мне, что же произошло на злополучном балу между ней и Этьеном.

– Знаешь, иногда, рассказывая другому, ты можешь сама взглянуть на проблему по-новому, – осторожно предложила я, видя, что Мейбл колеблется между нежеланием распространяться о случившемся и стремлением поделиться хоть с кем-то своими горестями.

– Там нет проблемы, – вяло отмахнулась подруга. – Просто Этьен – не тот человек, с кем следует связывать свою жизнь.

– Раньше тебя это не останавливало.

– Просто потому, что раньше я не все знала...

Мейбл еще раз нерешительно посмотрела на меня и тоскливо вздохнула.

– Дело в той женщине? С которой Этьен танцевал на балу? – догадалась я. Подруга молчала, и я продолжила, почти уверенная, что именно в этом и кроется ее нежелание общаться с графом Ренье. – Нарумяненная старуха, обвешанная фальшивыми бриллиантами?

– Она отнюдь не старуха, – Мейбл горько усмехнулась. – Наоборот, в ней есть все, чего мужчине не хватает в молодых девушках: опыт, лоск...

– Морщины! – выпалила я.

– Нет у нее морщин! – Мейбл вздохнула и решилась: – В любом случае это не имеет значения, поскольку Этьену от этой женщины нужно было совсем другое...

Слегка запинаясь, она начала рассказывать мне о событиях той ночи. Я слушала, затаив дыхание. Признаться, я испытывала легкую зависть: это же надо, такое приключение... Но подруга выглядела очень удрученной, потому я решила попереживать над несправедливостью жизни в другой раз.

– Словом, я поняла, что мне не следует больше встречаться с Этьеном, – решительно закончила Мейбл.

Я задумчиво покусала губу:

– Вряд ли это получится. Даже если ты выйдешь замуж за мистера Годфри, тебе придется бывать в обществе, и тогда встречи с графом Ренье неизбежны.

– Он не слишком-то жалуется столицу, – напомнила подруга. – Да и я не буду выезжать. Вряд ли мистер Годфри станет возражать. Скорее, наоборот, обрадуется.

– То есть ты действительно собираешься за него замуж? – ахнула я. – Мейбл! Это невозможно!

– У меня нет выбора.

– Я думаю, ты должна поговорить с Этьеном, – непререкаемым тоном заявила я. – Выслушать его версию событий!

Мейбл покачала головой:

– Поверь, для всех будет лучше оставить все как есть.

Я задумчиво посмотрела на подругу, но не стала продолжать, опасаясь, что в нынешнем состоянии Мейбл наш разговор может закончиться банальной ссорой.

Глава 14

Похищение

Амелия

Дни потянулись один за другим. Учеба, вечные эссе, посещения храма. Больше ни Рейнарда, ни Этьена мы не видели. И даже камушки не стучались ночами в наше окно. По всей видимости, оба жениха попросту решили отказаться от нас и вернуться к прежнему образу жизни.

К воскресенью мое настроение окончательно испортилось, и я даже написала родителям, что отказываюсь выходить замуж за графа Атисона. А если они будут настаивать, то уйду в монастырь и стану отшельницей. На что моя мама напомнила, что тоже обучалась в пансионе Святой Матильды и с отличием сдала курсовую по манипуляции, а в монастыре нет моих любимых конфет, так что морочить ей голову совершенно бессмысленно. Но она рада, что обучение пошло мне на пользу.

Я отшвырнула письмо и прошлась по комнате, раздумывая, как быть. Последняя конфета была съедена неделю назад, и разумные идеи отказывались появляться в голове. Понимая, что без сладкого мне не обойтись, я выскользнула в коридор и направилась в учительскую. В отличие от нас, наставницы себя не ограничивали, и в их комнате всегда имелись сладости.

Как я и предполагала, дамы уже разошлись, тщательно заперев дверь на ключ, но для меня это не являлось проблемой: слишком простым был замок, а наш конюх Джонни (да-да, он действительно существовал, хотя я с ним и не целовалась) научил меня в свое время открывать такие замки, взяв честное слово никогда не использовать это умение, если только вопрос не будет касаться жизни и смерти. В данный момент вопрос действительно касался моей жизни: я чувствовала, что умру, если не съем хотя бы одну конфетку.

К сожалению, не то замок все-таки был сложнее, чем казался, не то я за восемь лет утратила квалификацию, но заветного щелчка не было. Я уже почти собиралась сдать, когда замок вдруг все-таки провернулся, дверь резко распахнулась, а я буквально ввалилась в

комнату и уткнулась носом в белоснежный фартук горничной. Очень высокой горничной, у которой к тому же была достаточно твердая грудь, к каковой меня и прижали так, чтобы я не могла поднять голову.

Впрочем, мне этого и не требовалось. От горничной едва заметно пахло лошадыми, а скосив глаза, я обнаружила, что из-под форменного платья виднеются сапоги для верховой езды.

– Рейнард! Это опять вы?

Объятия чуть ослабли, я подняла голову и изумленно моргнула, а затем расхохоталась. Слишком уж потешно смотрелось лицо моего жениха, обрамленное кружевами чепца.

– Тише! – прошипела вторая горничная, вернее, Этьен, все еще придерживающий дверь.

– Что за маскарад вы устроили? – все еще хихикая, спросила я.

– А как прикажете сюда проникнуть? – пожаловался граф Ренье. – Привратник нас не пускает, окна вы не открываете, а мне просто необходимо объяснить с Мейбл!

– Думаете, она станет вас слушать? – фыркнула я. – После того, как вы сначала появились на балу с другой женщиной, а потом пытались эту женщину отравить? И я даже не знаю, какой из этих двух поступков считать более тяжким преступлением!

Мужчины быстро переглянулись.

– Справишься? – поинтересовался Рейнард у кузена.

– Сделаю все, что в моих силах, – ответил тот.

– Наша дверь – пятая по коридору справа, – сухо сообщила я, решительно отстраняясь от Рейнарда. – Господа, не смею вас задерживать!

Я отвернулась и подошла к столу, но лишь затем, чтобы обнаружить, что вазочка для конфет пуста. Это было последней каплей. Я опустилась на стул, старательно смаргивая слезы. Белоснежный платок возник перед моим носом. Я подняла взгляд на своего жениха.

– Как, вы не ушли? – поинтересовалась я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно более холодно. Правда, из-за шмыгающего носа эффект был испорчен.

– Не хочу мешать кузену, – Рейнард сел на стул напротив моего и задумчиво посмотрел на меня. – К тому же я пробрался сюда не для того, чтобы составить ему компанию.

– Вам тоже захотелось конфет? – вырвалось у меня.

– Что? – он моргнул.

– Наставницы... только у них есть конфеты, и они хранятся здесь.

Я с тоской посмотрела на пустую вазочку.

– Амелия! Вы хоть на минуту можете стать серьезной?

– И это говорит мне мужчина в костюме горничной и чепце, – невинно заметила я. Рейнард поспешно сдернул вышеупомянутый предмет с головы. – Зачем вам вообще весь этот маскарад?

– Чтобы попасть в пансион, разумеется.

Он пожал плечами. Ткань угрожающе затрещала.

– Интересно, где вы взяли эти платья? Они же вам явно малы! – вырвалось у меня, как будто это было главной проблемой такого наряда.

– Купили. Это был самый большой размер.

– Зачем же так тратиться! Тем более на постылую невесту! – не выдержала я. – Или вы все-таки решили эдак прогуляться за компанию с кузеном?

– Сказать по правде, я просто хотел поговорить с вами.

– Мы уже говорили, – напомнила я ему, хотя, признаться, мое глупое сердце забилось часто-часто. – Мы только и делаем, что говорим... а потом вы злитесь.

– Я злился всего лишь один раз! И, признайтесь, тогда вы это заслужили! – вспыхнул он.

– Когда я поехала на бал с Мейбл?

– Когда я застал вас в объятиях какого-то хлыща!

– Он меня не обнимал!

– Неужели?

– Да, лишь сказал, что уйдет, если я его поцелую, но мы не обнимались!

– Амелия, – Рейнард как-то обреченно посмотрел на меня. – Что вы хотите?

Мне припомнились условия, которые прекрасные дамы обычно ставили рыцарям в книжках из нашей домашней библиотеки.

– Чтобы вы принесли мне голову дракона! – фыркнула я.

Граф Аттисон тяжело вздохнул.

– И где, по-вашему, я должен взять дракона?

– Откуда я знаю? Следуя вашей просьбе, я всего лишь озвучила свои желания.

– И это все ваши желания?

– Ну почему же? – Я вдохновенно начала загибать пальцы, перечисляя: – Хочу летать, как птица, хочу выйти замуж по любви, хочу есть конфеты в любом количестве и не толстеть...

– Хорошо, хорошо, – жених вскинул руки, признавая свое поражение. – Голову какого именно дракона я должен вам принести?

Понимая, что Рейnard явно насмеяется, я выдохнула и прикрыла глаза. Только что я дала ему шанс, а он... Надо же, из всей моей речи услышал только про дракона!

– Никакого. Не стоит ради меня изводить безвинную зверушку. Довольно будет экзистенциального кризиса несчастной игуаны. – Мой голос звучал глухо. – Извините, мне надо идти.

Я резко поднялась и направилась к выходу. Слезы застилали глаза, поэтому идти приходилось медленно. За спиной грохнул упавший стул, а потом меня схватили, развернули и вновь бесцеремонно прижали к широкой груди.

– Амелия! – в этом возгласе слилось все: укор, готовность выпороть, радость от близости, обещание чего-то невероятного... а потом наконец меня поцеловали. Неистово, страстно, так, что голова закружилась, а по телу вновь начали бегать и порхать несуществующие насекомые.

Голова закружилась, мне казалось, что я куда-то лечу. Поцелуй прекратился так же внезапно, как и начался. Понимая, что самостоятельно устоять на ногах мне не удастся, я прижалась лбом к плечу Рейнарда.

– Вот с чего надо было начинать наше знакомство, – прошептал он.

– Ты его так и начал... – отозвалась я, моментально приходя в себя. – Только целовался с Мейбл!

– По-моему, мы уже обсудили это и пришли к выводу, что у меня отвратительная память на лица и что тебе придется все время ходить в одном и том же платье!

– В одном и том же?

– Конечно, ты же не можешь допустить, чтобы я целовался с кем-то еще, – лицо графа Аттисона оставалось серьезным, хотя плечи

подрагивали от едва сдерживаемого смеха.

– Рейнард! – я в шутливом негодовании шлепнула его по плечу. Он усмехнулся и снова притянул меня к себе.

На этот раз поцелуй был другим: нежным и почти невесомым. Когда он закончился, я сама потянулась вслед за губами жениха, но он удержал меня.

– Амелия, если мы сейчас не остановимся, то брачная ночь наступит гораздо раньше самого венчания, – хрипло пробормотал Рейнард. – А мне бы не хотелось проводить ее здесь.

Он обвел взглядом учительскую, выразительно поглядывая на огромный круглый стол. Я невольно покраснела, слишком хорошо понимая, что имеется в виду.

– Тогда... мне надо идти?

– Ну уж нет, – граф Аттисон вдруг подхватил меня на руки. – После письма, которое я сегодня получил от твоего отца, я не отпущу тебя так просто!

– П-письма? – движение было таким стремительным, что я невольно ухватила за темную ткань платья. – Мой отец написал тебе?

– Да, с требованием разорвать помолвку, поскольку ты не хочешь выходить за меня замуж.

– О... – только и сказала я. – А мама написала мне... И что теперь?

– Как что? По всей видимости, ты была недостаточно скомпрометирована мной в прошлый раз, поэтому я решил усугубить свои прегрешения...

– Рейнард, – я почти взвизгнула от восторга. – Ты меня похищаешь?

Он задумчиво взглянул на меня.

– Вообще-то не собирался, но это действительно хорошая идея! – стремительным шагом он направился к выходу. Мне оставалось лишь довольно улыбаться, прижимаясь к широкой груди жениха.

Мейбл

Я сидела на кровати и нервозно теребила покрывало. Амелия куда-то ускользнула, мне было холодно, тоскливо и одиноко. Внезапно

дверь распахнулась, и я уже успела обрадоваться возвращению подруги, когда поняла, что в комнату вошла горничная.

Н-да, похоже, после побега с нами совсем перестали считаться в этом пансионе. Раньше прислуга не позволяла себе заходить без предварительного стука. Настроение было настолько отвратительным, что я подняла голову с намерением высказать наглой девице все, что думаю по поводу такого поведения, и пораженно застыла. Передо мной стоял Этьен! В черном платье, какие носили горничные, с новеньким белоснежным передником, никогда не знавшем уборки, и в таком же ослепительно чистом чепце!

– Что ты здесь делаешь? – выдохнула я самый банальный вопрос, какой только можно было задать в этой далеко не банальной ситуации.

– Пришел, чтобы наконец с тобой поговорить, – безапелляционно заявил Этьен, решительным жестом стягивая с головы чепец.

Все-таки хорошие манеры – это бесценно. Даже сейчас, на уровне инстинктов, он помнил, что в присутствии дамы следует снимать головной убор.

– Нам не о чем с тобой говорить! – воскликнула я. – Ты меня компрометируешь, неужели ты не понимаешь? Что, если сюда кто-нибудь заглянет? Уходи немедленно!

Может быть, мои слова бы подействовали, если бы я говорила с более серьезным выражением лица. Но внешний вид незваного гостя, точнее сказать – сочетание решительно сомкнутых губ и гордо приподнятого подбородка с белым передником, выбивал у меня почву из-под ног, заставляя буквально давиться хохотом.

– Я никуда отсюда не уйду, пока не сообщу тебе все, что нужно, – отрезал Этьен.

– Послушай, не испытывай мое терпение! – Я постаралась придать себе максимально серьезный вид. Это сработало секунды на две. – Мы все обсудили в храме. К этому нечего добавить.

– Обсудили? – возмутился Этьен. – Да ты мне и слова не дала сказать!

– И сейчас не дам!

Я не успела ответить на эту наглость: послышался осторожный стук.

– Да! – рявкнула я, не подумав, и лишь затем прикусила губу.

Слишком поздно: дверь отворилась. Этьен, успевший сориентироваться, быстро натянул на голову чепец.

– Я принесла сменное постельное белье, госпожа, – произнесла Джекки, наша горничная, опуская на стул свежевыглаженные и аккуратно сложенные простыни и наволочки. – Простите, что так поздно, но... А это кто такая?!

Она подозрительно уставилась на Этьена.

– Я – новая горничная, – сказал он таким тонким голоском, на какой только был способен.

– С какой стати у нас новая горничная? – уперла руки в бока Джекки. – А я, в таком случае, на что?

– Не знаю. Может быть, вы плохо справляетесь со своими обязанностями?

При звуках срывающегося на писк фальцета я прикусила губу, чтобы скрыть улыбку. Стоило даже почувствовать Этьену: такой голос наверняка давался ему с огромным трудом.

– Слушай, ты! – Настоящая горничная выпятила свою немаленькую грудь. – Я ведь не посмотрю, что ты эдакая крупная. Задам такую взбучку, что на всю жизнь запомнишь!

Она грозно двинулась вперед. Этьен невольно попятился, его рука замерла у пояса, явно пытаюсь нащупать эфес шпаги, и я поняла, что эту сцену пора прервать.

– Джекки, по-видимому, это просто недоразумение, – выпалила я, вставая между ними. – Девушка не виновата, и тебя никто не собирается лишать места. Должно быть, кто-то что-то напутал. Завтра все станет на свои места. А теперь мне пора спать.

Я подтолкнула горничную к двери, и долго упираться она не решилась. Но, удаляясь по коридору, что-то недовольно бубнила себе под нос.

– Скорее всего, она не станет дожидаться утра! – воскликнула я, плотно прикрыв дверь. Пережитый страх разоблачения заставил настроиться на серьезный лад. Внешность Этьена меня больше не веселила. – Сейчас же пойдет возмущаться. Потом выяснится, что новых слуг не нанимали, и сюда придут. Ты должен как можно скорее исчезнуть.

– Не раньше, чем ты меня выслушаешь. Для этого времени хватит.

– С ума сошел? Да что ты о себе возомнил? – Мои нервы не выдержали, и я все-таки сорвалась. – Ты понимаешь, что из-за тебя у меня вся жизнь пошла наперекосяк? Может быть, я бы уже добралась до своей кухни! Начала бы жизнь заново! Но мне встретился ты, и ты казался таким прекрасным, таким правильным! Даже при всей твоей тяге к картам. А потом выяснилось, что ты совсем другой, но было поздно! Меня вернули в пансион. И теперь мне придется выйти замуж за мистера Годфри. А я не хочу, понимаешь ты это или нет? Я снова должна быть жертвой, а я не хочу быть жертвой, я только поэтому тогда и сбежала!

– Мейбл... – он выглядел обескураженным.

– Молчи! Я не должна и не желаю тебя слушать!

Я сама не заметила, в какой момент набросилась на него с кулаками. Сообразила, только когда он вынужденно схватил меня за руки.

– Мейбл, успокойся, ради Создателя! Я все объясню тебе, обещаю, ты поймешь, что все совсем не так плохо, и никакому Годфри я тебя не отдам. Но у нас действительно совсем мало времени...

Он не собирался уходить, это я поняла отчетливо. После всего, что я сказала! После всего, чем грозило мне его присутствие.

– Убирайся! – прошипела я. – Все равно не стану тебя слушать! Зажму уши ладонями, если понадобится!

– Мейбл! – почти закричал он.

– Замолчи!

Я была готова снова наброситься на Этьена, но теперь, кажется, терпение лопнуло уже у него.

– Ну все, хватит! – рявкнул он и неожиданно повалил меня на кровать.

Я была уверена, что надо мной вот-вот совершат насилие. Но, увы, рано обрадовалась. Вместо того чтобы срывать мою одежду, Этьен, наоборот, принялся заворачивать меня в покрывало! Я взвизгнула, но это его не остановило. Через каких-нибудь десять секунд я оказалась замотана так, что едва могла пошевелиться. Этьен перекинул меня через плечо, как купленный на базаре ковер, пинком ноги распахнул дверь и вышел в коридор. По-моему, встань кто-нибудь у него на пути, граф Ренье спустил бы бедолагу с лестницы, сам того не заметив.

– Отпусти немедленно! – из-за покрывала, падавшего на лицо, голос звучал приглушенно, и Этьен попросту сделал вид, что не слышит.

Наверное, мы смотрелись очень странно: высокая горничная, несущая на плече извивающееся покрывало. Однако, насколько я могла судить (а из моего положения это было сделать довольно трудно), нам никто не встретился. Да это и неудивительно в столь поздний час.

Даже снаружи загадочным образом не обнаружилось привратника. Перед самым крыльцом стояла карета. Этьен рывком распахнул дверцу, уложил меня на сиденье (поскольку усадить меня в данный момент возможности не представлялось), крикнул: «Гони!» – и тоже заскочил внутрь. Экипаж немедля тронулся с места.

– Ого, Этьен, ты это что, серьезно? – ошарашенно протянул голос, в котором я без труда опознала Рейнарда. – Кажется, тебе и вправду пора переходить на другой род занятий.

– Помолчи! – устало и рассерженно оборвал Этьен, однако и ему тоже высказаться не дали.

– Вот это настоящее похищение! – с восторгом воскликнула Амелия. – Не то что у нас, – расстроено добавила она. – Вот ты, Рейнард, ничего не можешь сделать как положено. Хотя, наверное, если бы ты похищал Мейбл, то тоже с самого начала правильно бы все обустроил!

– Ты хочешь сказать, – я тряхнула головой и попыталась хоть немного откинуть покрывало с лица, – что это я вызываю в мужчинах патологическое стремление завернуть меня во что-нибудь и потащить черт знает куда?

– Вы знаете, Мейбл, это далеко не самое плохое стремление, какое может пробудить в мужчине женщина, – задумчиво заметил Рейнард, многозначительно посматривая то на меня, то на своего кузена.

– Благодарю вас, но я нахожу этот комплимент весьма сомнительным. Быть может, кто-нибудь все-таки поможет мне принять нормальное положение?

– Конечно! – подскочил Этьен, вот только развернуть меня в условиях не слишком большой кареты, в которую забились четыре взрослых человека и которая к тому же пребывала в постоянном движении, покачиваясь то в одну, то в другую сторону, оказалось совсем не шуточным делом: пеленал Этьен на совесть.

– Где ты так научился? – Рейнард даже не попытался вмешиваться, лишь крепче обнял свою невесту, препятствуя ей устремиться нам на помощь.

– Да так, приходилось, – отмахнулся Этьен. Он устало посмотрел на меня. – Знаешь, наверное, сейчас проще оставить все как есть! К тому же мы приехали!

В доказательство его слов карета остановилась.

– Что это? – спросила я, глядя на возвышавшийся перед нами особняк.

– Один из моих домов, – ответил Этьен. – Я здесь почти не бываю, и о нем мало кто знает.

Я снова помрачнела. Все яснее ясного. Учитывая род деятельности Этьена, ему, конечно же, нужны вот такие тихие места, где нет посторонних глаз и ушей и где его не станут искать в первую очередь.

На пороге нас встретил Гарри. Он казался чем-то обеспокоенным, но Этьен знаком дал понять, что сейчас не до разговоров, быстро избавился от платья горничной и вновь подхватил меня на руки. Амелия попыталась рвануть за нами следом, но Рейнард легко удержал ее.

Мы же оказались в гостиной. Все еще спеленатую, точно младенца, меня бережно устроили на диване.

– Скажи, если я развяжу тебя, ты не накинешься на меня с кулаками? – умоляюще поинтересовался мой похититель.

Я зло сверкнула глазами, но отвечать не стала, считая это слишком для себя унижительным. Желание кое-кого убить просто полыхало во мне, и я ни секунды не сомневалась, что в самое ближайшее время найду возможность приступить к этому процессу.

– Прости, Мейбл, я не хотел, чтобы все происходило вот так, но ты просто не оставила мне другой возможности высказаться!

Я все-таки позволила себе нечто, напоминающее саркастический смешок, – во всяком случае, я надеялась, что вышло похоже.

– Да выслушай же ты меня, наконец!

Я демонстративно отвернулась, но уши зажать, к сожалению, не могла, на что, по-видимому, и делался расчет.

– Я знаю, ты с самого начала думала, что я – праздный прожигатель жизни, растрачивающий родительские деньги в игорных

домах и прочих увеселительных заведениях, – приступил-таки к объяснениям Этьен.

Несмотря на недавнее намерение никак не реагировать на его слова, я все-таки легонько пожала плечами. Дескать, может, и не точно так, но да, именно что-то подобное я и думала.

– Потом ты оказалась свидетельницей моего... м-м-м... общения с Беатрисой Парси, да к тому же так неудачно наглоталась фальшивой сахарной пудры, и, должно быть, решила, что я отравитель. В придачу еще и тот шулер из «Оазиса» – честное слово, Мейбл, представления не имею, как тебе удалось разузнать об обстоятельствах его исчезновения.

Я гордо вздернула подбородок, давая понять, что я не поверю ни единому слову.

– Я отлично понимаю, какие ты сделала из всего этого выводы, но, уверяю тебя, они ошибочны.

Тут следовало бы презрительно фыркнуть, но я была по-прежнему намерена не издавать ни звука. Я всерьез задумалась, как, не используя ни рта, ни рук, изобразить идиоматическое выражение «вешать лапшу на уши».

– Я действительно удалился от двора после известной тебе истории и действительно предпочитаю с тех пор держаться подальше от столицы. Но суть в том, что я не порвал со всеми окончательно. На самом деле я продолжаю служить короне, просто по-своему. Да, я забросил прежние дела, уехал в провинцию, взял чужое имя, точнее сказать, мало кому известное имя моей матери, но вовсе не для того, чтобы прожигать жизнь. На самом деле... Черт, как же это сказать, чтобы вышло короче? Словом, я состою на службе в Тайной канцелярии. Не совсем официально и больше как свободный игрок, – счел нужным добавить он, заметив, как у меня округлились глаза. – Но, разумеется, с ведома короля. В то время как раз произошла одна неприятная история. Барона, путешествовавшего по южным городам королевства, взяли в оборот. Опоили (причем алкоголем дело не обошлось), усадили играть в карты. Ну, он и просадил все свое состояние, и даже немного больше. Сам он готов был честно заплатить и остаться без гроша, но вмешалась супруга. Она настояла на аудиенции у короля. А я как раз находился в тех краях. И взялся отыскать удачливого игрока и выяснить, как обстояло дело в

действительности. С задачей справился, причем довольно-таки легко. С тех пор так оно и закрутилось. Я езжу по королевству под видом молодого хлыща, которому некуда девать папины деньги. Словом, изображаю легкую добычу для всевозможных шулеров, воров и аферистов, работающих по-крупному и потому ищущих богатых и знатных жертв. Подставляюсь, затем нахожу повод встретиться наедине, ну а потом – ты сама догадалась. Тем или иным образом они оказываются в моем сундуке. Живыми, разумеется. Я всего лишь доставляю их в пункт назначения – участок городской стражи, тюрьму, изредка непосредственно в Тайную канцелярию, но то исключительные случаи.

Я молчала, и Этьен продолжил:

– Я понимаю, может, все это и не самое достойное дворянина занятие. Вон расспроси Рейнарда: он-то уж точно в подробностях распишет, какой я идиот. Но каждому свое. Для меня это была оптимальная возможность оставаться полезным даже на расстоянии после того, как пришлось уехать из столицы. Да, я был на всех рассержен, но преданность трону это не пошатнуло. А сейчас... я втянулся, и, пожалуй, такой образ жизни мне подходит. Иногда я просто путешествую по провинциям, смотрю, не происходит ли где что-нибудь интересное. Иногда получаю информацию о конкретных преступниках и специально выезжаю туда, где их замечали в последний раз. Когда мы с тобой в первый раз встретились, я направлялся в «Оазис», поскольку знал, что в тех краях орудует известный шулер, и был практически уверен, что он не пропустит большую игру. И про аферистку Беатрису мне тоже сообщили заранее.

Я сидела, затаив дыхание, боясь спугнуть этот момент откровенности.

– Понимаю, тебе кажется подозрительной история с порошком, но в действительности я совершенно не собирался травить Беатрису. Просто усыпить, чтобы без лишних сложностей вывезти из поместья. Она должна была получить очень маленькую дозу этого вещества. К тому же, по имевшейся у меня информации, ей доводилось принимать самые разные препараты, так что ее организм намного лучше приспособлен к подобному, чем твой. Когда я понял, что ты приняла приличную дозу, чуть с ума не сошел. Заодно осознал наконец, какому риску подвергал тебя все это время. С одной стороны, я должен был

все тебе объяснить, с другой – не имел права. Строго говоря, я и сейчас не имею такого права, но...

Громкий стук в дверь вынудил его прервать объяснения.

– Что там происходит? – нахмурился Этьен.

Словно в ответ, в комнату ворвались Рейнард с Амелией.

– Этьен, прости, не хочу прерывать вас, но за дверью король.

– Какой король? – изумилась я, позабыв, что решила хранить гордое молчание.

– Обычный. Наш. Георг Пятый.

Если бы я стояла, непременно схватилась бы рукой за стул, чтобы не упасть. Впрочем, нет, учитывая, что мои руки были замотаны в покрывало, я бы все-таки упала.

– А он разве не Шестой? – глупо уточнила Амелия.

– Дорогая, может быть, я и не разбираюсь в моде, но считать я умею! – Рейнард прислушался к шуму, раздававшемуся все ближе. – Не думаю, что Гарри рискнет удерживать самого короля.

Этьен кивнул и вновь посмотрел на меня.

– Что будем делать? – спросил он у кузена.

– Пока не знаю, но, полагаю, девушек лучше спрятать, – последовал ответ. – Георг не из тех, кому следует показывать юных девиц, тем более что обстоятельства их пребывания здесь несколько... запутанные.

– Интересно куда?! Он уже за дверью!

Рейнард повертел головой и уверенно распорядился:

– В шкаф!

– Я не хочу в шкаф! – возмутилась Амелия.

– Извини, дорогая, но тебя не спрашивают! – отрезал граф Аттисон, хватая ее за руку и решительно направляясь к вышеупомянутому предмету мебели.

Должно быть, именно так волокли женщин в свою пещеру древние люди.

Этьен подхватил меня на руки гораздо аккуратнее, зато в связанном состоянии.

– Прости, Мейбл, я потом тебя сразу же освобожу, обещаю! – заверил он. – Сейчас просто не остается времени.

Двери шкафа закрылись с тихим щелчком, оставив нас в темноте.

– Хорошо хоть, в сундук не запихнули! Не то лежали бы там сейчас, как дохлые рыбки в коробочке! – заявила Амелия, сгибаясь в три погибели, дабы попробовать хоть что-то разглядеть через мизерную щелку.

– Амелия, распутай меня! – прошипела я, стараясь говорить тихо.

– Не могу. Мы шумом привлечем внимание, и тогда...

– И что тогда?

– Понятия не имею, но не просто же так нас спрятали! – она снова прильнула к щелке.

Не знаю, много ли ей удалось увидеть (предполагаю, что почти ничего), но я уж точно имела возможность полагаться исключительно на слух. Который, впрочем, позволил безошибочно утверждать, что в комнату вошло несколько человек.

– Ваше величество! Счастливы видеть вас в этом скромном жилище.

Интересно, кузены прижали руки к груди и склонили головы или же пали на колени? Я легонько толкнула Амелию, давая понять, что неплохо было бы поделиться с лучшей подружкой местом под солнцем (то есть у щели), но та сделала вид, что не поняла. Вот ведь жадина! Не угощу ее в следующий раз шоколадными конфетами, сама все съем! И неважно, что мне больше одной никогда не хочется...

– Не тратьте понапрасну ваше красноречие, господа.

Я вздрогнула от звука этого голоса, столько в нем было властности. Кажется, Амелии тоже стало не по себе. Пожалуй, теперь мы обе обрадовались, что находимся именно здесь, в шкафу, невидимые для короля – а говорил, несомненно, именно он.

– Как вам будет угодно, – смиренно произнес Рейнард. – Могу ли я поинтересоваться, чем мы с кузеном заслужили такую честь?

– Я прибыл сюда, чтобы сообщить вам пренеприятное известие, – последовал ответ. – Мне надоели ваши чудачества, господа, и я намерен положить конец этой комедии! От графа Ренье я, конечно, ожидал чего-то подобного, но вы, граф Аттисон! Я полагал, что вы более ответственны!

– Благодарю за столь лестную оценку, но чем я имел несчастье рассердить ваше величество?

– Не играйте со мной, граф. Я довольно наслышан о ваших приключениях. Они подходят для авантюрного романа, но никак не

для вашего общественного положения, не говоря уже о родственных связях с королевским семейством. Напоминаю, что ваши сумасбродства ложатся пятном в том числе и на мою репутацию. А этого я потерпеть никак не могу. Мне прекрасно известно о той роли, которую вы двое сыграли в побеге из пансиона двух приличных девушек.

– Приличных? – с ярко выраженным скептицизмом уточнил Рейнард.

Амелия обиженно засопела.

– Все еще не может простить мне того, что я съела последнюю конфету! – пробормотала она себе под нос.

– Во всяком случае, считавшихся таковыми до встречи с вами! – отрезал король. – Но это еще полбеды. Мне стало известно, что леди снова покинули пансион, и на этот раз они были похищены. Иными словами, их увезли против воли. Что вы можете сказать на сей счет?

– Насчет «против воли» – это чрезвычайно спорный вопрос, – проронил Рейнард.

Я пришла к выводу, что он вообще высказывается в обществе короля достаточно вольно. Впрочем, рисковать и излишне препираться граф Атгисон не стал.

– Где они? – резко спросил Георг. – Я желаю их видеть.

– А почему ваше величество полагает, что мы имеем отношение к их исчезновению?

Видимо, лгать королю Рейнард все же не решался, зато был мастером хитрых формулировок.

– Мое величество полагает, что вам отшибло память и что неделя в королевской тюрьме вполне может ее освежить! – холодно бросил король и, уже не встречая возражений, распорядился: – Антуан, проверь в шкафу. Это единственное место в комнате, где можно спрятать одновременно двоих.

Я съежилась, Амелия отпрянула от щели, и тут в глаза ударил яркий свет. Какой-то человек в черной суконной одежде помог нам по очереди выбраться наружу. Вернее, помог Амелии. Меня же попросту вынесли на свет и поставили посредине комнаты. Мужчины замерли неподалеку от нас. Рука Этьена покоилась на эфесе шпаги, а Рейнард стоял так, чтобы успеть остановить кузена, если тот вдруг в гнев кинется на королевского слугу.

Сам монарх – невысокий, коренастый, в ярком, расшитом драгоценными камнями одеянии, которое не позволяло усомниться в его статусе, – взирал на нас, сурово прищурившись. Признаться, мы представляли собой забавное зрелище. Обе простоволосые, если не считать широкие ленты, которыми мы имели обыкновение перевязывать волосы на ночь. Обе растрепанные, потому что упомянутые ленты мало помогают при похищении с последующим запихиванием в шкаф. Обе в ночных рубашках, только Амелия куталась в длинную шаль, я же и вовсе была поначалу замотана в прихваченное из спальни покрывало.

К слову, о моем положении: Антуан наконец-то освободил меня, а потом зачем-то протянул покрывало королю. Георг взглянул на искусно вышитый герб пансиона, хмыкнул и вновь обернулся к кузенам, помрачневшим еще больше:

– Итак, что вы можете сказать, господа? По-прежнему станете утверждать, что эти девушки прибыли сюда по своей воле? Или вы и вовсе не знаете, где они находятся?

Я взглянула на Этьена и сделала шаг вперед.

– Ваше величество, если мне только будет позволено. – Тело затекло, и реверанс вышел неловким. – Это, право, не совсем то, что вы думаете. Мы не имеем никаких претензий к графам Аттисону и Ренье.

Вновь молчание. Рейнард все еще преграждал путь Этьену, Амелия с тревогой поглядывала на обоих, а Георг внимательно изучал меня, словно я была зеленой игуаной редкого подвида.

– Вы заступаетесь за них после всего, что здесь случилось? Весьма занятно. Кажется, существует синдром некоего города, не могу припомнить название. Что-то связанное со столицей одного из северных королевств. Видимо, это как раз ваш случай.

Я не решилась на это ответить.

– Антуан, проверь, нет ли здесь кого-нибудь еще, – вновь обратился к своему сопровождающему король. – Скажем, в этом сундуке.

Этьен выглядел спокойным – настолько, насколько это вообще возможно в такой ситуации, – до тех пор, пока не встретился взглядом с Гарри. Слуга, явно не решавшийся перешагнуть порог, завращал глазами так активно, что я невольно испугалась за его здоровье. Этьен

же опустил веки, приоткрыл рот, будто собирался что-то сказать, резко выдохнул, да так и застыл на месте.

Меж тем Антуан послушно приложил к замку королевскую печать, беспрепятственно откинул крышку – и оттуда показалась голова, а затем и туловище уже знакомой мне красотки. Я услышала, как за спиной ахнула Амелия.

– Ваше величество.

Дама с бала величаво присела в реверансе, будто не вылезла только что из сундука, а прибыла на карете, запряженной четверкой породистых лошадей.

– Это еще кто такая?

Вопрос Георга был обращен отнюдь не к женщине.

– Это Беатриса Парси, аферистка, – вынужденно подал голос Этьен. – Промышляет похищением драгоценностей, денег, ценных бумаг и статуэток. Самое нашумевшее ее дело – кража бриллиантового ожерелья леди Бранье. Поймана, чтобы быть доставленной в Тайную канцелярию.

– Счастлива быть представленной вашему величеству.

Дама вновь склонилась перед королем, демонстрируя глубокое декольте. Впрочем, глаз, как положено в таких случаях, не опустила. Оправдываться и отрицать сказанное Этьеном она даже не пыталась.

– И как это понимать? – король снова взглянул на Этьена.

Тот неопределенно пожал плечами. Судя по всему, граф Ренье и сам понятия не имел, как дама оказалась запертой в его сундуке.

– Знаете, мне уже любопытно: у вас в каждом предмете мебели спрятано по девушке? – поинтересовался Георг.

– Ваше величество, – Гарри смело шагнул вперед, – это я запер леди в сундуке.

– Что? – охнули мы все разом.

– Я поймал ее, когда она проникла в дом, и решил, что раз уж хозяин все равно искал ее... – Под пристальными взглядами присутствующих Гарри слегка смутился.

Георг скривился:

– И вы считаете, что я поверю в очередную сказку? Слуга всегда выгораживает своего господина!

Беатриса вздохнула:

– Ваше величество, – произнесла она проникновенным голосом, – это правда. Именно этот человек схватил меня и закрыл в сундуке. Видимо, я теряю хватку...

– В вашем возрасте это не удивительно, – не сдержалась я.

– Что поделать, дитя, – слишком ласково отозвалась Беатриса.

– Скажите, а вы никогда не думали оставить свою... свое ремесло? – вдруг спросила Амелия.

Беатриса повела плечом.

– По всей видимости, мне все равно придется это сделать? – она внимательно взглянула на короля, с хищным прищуром разглядывавшего красавицу.

– Будьте любезны никуда не уходить, пока мы не закончим разговор, – бросил Георг и, кажется, тут же утратил к ней интерес.

Как будто у нее была возможность куда-то уйти! Да после всех треволнений, которые Этьену довелось из-за нее пережить, он бы грудью загородил дверь, причем вне зависимости от того, что сказал бы по этому поводу его величество! Впрочем, дама улизнуть и не пыталась. Послушно осталась стоять на месте, с задумчивой улыбкой наблюдая за королем.

– А вот ты, Антуан, подожди снаружи, – распорядился Георг, и его сопровождающего как ветром сдуло. – И ты тоже, как тебя там! – окликнул он Гарри. – Можешь подслушивать, но где-нибудь подальше.

Гарри только и сумел, что выдать некий гортанный звук малопонятного значения, и тоже скрылся из виду.

Мы же остались, понимая, что настало время приговора.

– Итак, – повернулся к нам король. – Как я уже говорил, ваши сумасбродства мне порядком надоели. Поэтому им надлежит положить конец здесь и сейчас. Господам следует возвратиться к достойным их делам, а дамам – либо в пансион, либо замуж.

Беатриса склонила голову и очень тихо, едва размыкая густо на помаженные губы, пробормотала, что оба варианта ей не по душе и потому она предпочла бы третий. Георг сделал вид, что не расслышал.

– Замуж? Но, ваше величество, надеюсь, вы не собираетесь выдать Мейбл замуж за мистера Годфри! – воскликнула Амелия, игнорируя нахмуренные брови своего жениха. – Это невозможно.

Судя по взгляду, Рейнард разрывался между невестой и кузеном, не зная, кого из них в первую очередь удерживать от опрометчивых

поступков. Георг задумчиво взглянул на Амелию.

– Вашей подруге невозможно выйти замуж за вышеуказанного Годфри, поскольку вчера он сочетался браком с ее мачехой, виконтессой Фэйтон, – снисходительно пояснил король, едва сдерживая улыбку.

– О... – От потрясения я не сразу обрела способность произнести нечто более осмысленное. Прошла пара секунд, прежде чем я вполне осознала, что следует из слов короля, и ощутила, как с души падает тяжкий груз нежеланной помолвки. – Надеюсь, они будут счастливы... Признаться, не подозревала, что такой брак входил в планы моей мачехи.

– Такой брак входил в мои планы, – поправил король. – Всем остальным пришлось соответствовать. Да, и еще одна деталь, – небрежно добавил он, в то время как я пыталась осмыслить предыдущую фразу. – Согласно завещанию вашего отца его вдова теряет право на имение в случае, если выходит замуж за обеспеченного человека. Годфри, несомненно, таковым является. Так что теперь имение Фэйтон переходит к вам и становится вашим приданым.

Теперь я и вовсе не знала, что сказать. Никогда в жизни не чувствовала себя столь сбитой с толку и счастливой одновременно.

Георг хмыкнул и вновь обвел всех взглядом, словно что-то для себя решая.

– Итак, все очень просто, – изрек он наконец. – Нас здесь шестеро: трое мужчин и три женщины. Одну из женщин заберу я. С остальными предстоит разобраться вам. Исключительно теми способами, которые я перечислил.

Теперь уже Этьен с трудом удержал Рейнарда, кажется, намеревавшегося высказать королю все, что он думает по поводу такого расклада.

Обстановка накалилась до предела. Казалось, даже воздух в комнате сгустился и потрескивал от напряжения. У меня отчаянно стучало сердце, Амелия побледнела и дышала тяжелее обычного, Рейnard мрачно смотрел на короля, явно замышляя убийство. Лишь Беатриса стояла совершенно спокойно, наблюдая за Георгом с едва заметной улыбкой.

– Простите, ваше величество, но какую именно даму вы собираетесь забрать и с какой целью? – не выдержал Этьен.

– Ту, которую пожелаю, – пожал плечами король. – И с той целью, которую сам выберу. Надеюсь, вы понимаете, что в моем случае о браке речь не идет.

Это понимали все. Догадывались и о том, что именно явилось бы в данном случае заменой браку. Короли женятся на тех, кто отвечает государственным интересам. Но это ничуть не мешает им приближать к себе и других женщин, тех, кого они пожелаю. И если такое желание появится, встать на дороге у монарха не посмеет ни один человек, будь он хоть тысячу раз знатен, богат и смел.

Как-то само собой случилось, что мы с Амелией и Беатрисой выстроились почти что в ряд, а Георг подошел ближе и принялся разглядывать нас со всевозможным вниманием. Я безумно пожалела о том, что не нахожусь в заветной темноте шкафа. На лице Рейнарда играли желваки; оно приобрело пунцовый оттенок. Этьен стиснул зубы. Пальцы, сжимавшие шпагу, побелели. Внезапно Амелия вскинула голову и начала дергать глазом, точно у нее был нервный тик. Я опустила взгляд, скрывая досаду. Ну отчего мне не пришло в голову сделать то же самое? Ее-то теперь король точно не выберет!

Наконец, выдержав должествующую случаю паузу, Георг протянул руку Беатрисе:

– Мадам, надеюсь, вы не будете против того, чтобы скрасить мое одиночество?

– О большем я не могла бы и мечтать.

– Предупреждаю, что в моей спальне нет ценностей.

– Думаю, как минимум одну я все-таки там обнаружу...

Аферистка с обворожительной улыбкой ухватила за предложенную ей руку.

Мы вчетвером облегченно выдохнули, даже этого не тая.

– Что ж, господа, надеюсь, вы получили прекрасный урок за все ваши сумасбродства! Учтите, что в дальнейшем я жду от вас большего благоразумия, – обратился к кузенам его величество, и на этот раз в его голосе мне почудилась насмешка. – В декабре в моем столичном дворце состоится бал, и я рассчитываю видеть вас там, всех четверых. И отношения ваши должны быть к тому моменту, скажем так, предельно ясными. Иначе я могу и изменить свой выбор... Леди де

Кресси, приходите непременно. Я оценил вашу сообразительность, однако надеюсь, что при дворе вы станете вести себя как полагается. Граф Ламбер, я рад наконец встретиться с вами после долгого перерыва. Надеюсь, теперь вы станете чаще появляться в столице. Для этого давно настало время. Всего хорошего, дамы и господа.

И он покинул комнату, ведя за руку довольную Беатрису.

Хлопок входной двери заставил нас вздрогнуть и наконец выйти из оцепенения.

– Создатель! – выдохнула я, хватаясь рукой за спинку ближайшего кресла.

– Да, история вышла не для слабонервных, – признал Рейнард.

– Мейбл! – Этьен подошел ко мне ближе. – Ты заступилась за меня перед королем. Значит, ты все-таки меня простила?

– Нет, просто мне захотелось с ним поспорить забавы ради, – пробормотала я, отводя глаза. – И вообще, слышал, что сказал его величество? Пора возвращать меня в пансион.

– Ну уж нет! – отрезал Этьен. – На это даже не надейся. Ты туда не вернешься. И нашу дочь мы тоже никогда не отдадим в пансион. Пусть овладевает искусством манипуляции в домашней обстановке.

– Ты... Что ты хочешь сказать? – выдохнула я, но вопрос, должно быть, прозвучал глупо, поскольку Этьен уже опустился на одно колено.

Мужчины крайне не любят эту позу и принимают ее, как правило, только один раз в жизни.

– Пойдем! – Рейнард, закатив глаза, подтолкнул Амелию к выходу. – Не могу смотреть на этот детский сад!

– Вот это, я понимаю, предложение руки и сердца! – Удаляющийся голос подруги был все еще слышен весьма отчетливо. – А ты ничего как следует сделать не можешь: ни похитить, ни замуж позвать. Вот будешь теперь тренироваться. Пока как положено не справишься, свадьбы не будет!

– Гарри, пошел вон! – гаркнул где-то за дверью Рейнард, видимо, решив сорвать свое раздражение на слуге, дабы лишний раз не ссориться с невестой.

– Почему это? – обиженно спросили в ответ. – Мне сам король разрешил подслушивать!

В коридоре продолжали препираться, но нам с Этьеном очень быстро стало не до них.

Эпилог

Мейбл

– Нет, вы только почитайте!!! – размахивая газетой, Амелия ворвалась в гостиную, где мы сидели вместе с родителями Этьена.

Вернее, из родителей сидел лишь лорд Август, игравший с сыном и племянником в карты. Графиня, исполняя данное нам когда-то обещание, пыталась испечь пирог. Судя по грохоту, доносившемуся с кухни, получалось пока что не очень. Впрочем, ни нас с Этьеном, ни Рейнарда с Амелией, только что вернувшихся из свадебного путешествия, это не смущало.

Лишь свекор обеспокоенно посматривал в сторону дверей.

– Милая, что случилось? – Рейнард небрежно бросил карты на стол и повернулся к жене. – Господа, я – пас.

– Я тоже, – поддержал его кузен.

Лорд Август довольно открыл карты.

– Я выиграл, хотя и блефовал! – довольно заявил он. – Что ж, поддержу ваш моральный дух: выпивка за мой счет!

– Разумеется, это же твой дом! – пробормотал Этьен.

Очередной грохот заставил отца и сына многозначительно переглянуться.

– Пойду взгляну, цела ли кухня.

Лорд Август сгрэб медяки со стола и вышел, а мы остались вчетвером.

– Ну, вы будете меня слушать или нет?! – Судя по всему, Амелию буквально-таки распирало от новостей.

– Конечно, – отозвалась я, сгорая от любопытства, что же так взволновало подругу.

– Вот! – Она небрежно кинула газету на стол и ткнула пальцем в заметку.

– Чудесное превращение... молодожены счастливы... – прочитал Рейнард и поморщился. – Терпеть не могу броские заголовки.

– Перестань, – оборвала его жена. – Прочти дальше!

Не в силах сдерживаться, она вновь схватила газету и начала читать сама:

– «Недавно гости постоялого двора «Зеленая игуана» стали свидетелями настоящего чуда. Любимая игуана хозяина наконец нашлась. На радостях трактирщик поцеловал ее, и она на глазах у изумленных гостей превратилась в прекрасную женщину. Оказалось, что это была постоялица, которая таинственно исчезла несколько месяцев назад. Пораженный хозяин признался, что с самого начала испытывал к этой гостье чувства, и тут же сделал ей предложение. Которое было благосклонно принято. Свадьба состоялась в часовне неподалеку...»

– Подожди, это же тот самый двор! – перебила ее я.

– И та самая игуана! – Амелия торжествующе взглянула на кузенов. – А почему вы так побледнели?

– Я же говорил – не надо ее целовать, – сдавленным голосом произнес Этьен, обращаясь к Рейнарду.

Тот кивнул, судорожно сглотнув.

– Что значит «не надо целовать»? – начала было Амелия, но договорить ей не дали.

Сначала раздался очередной грохот, а потом и выстрел.

– Это на кухне! – Этьен слегка побледнел. – Там же мама... отец...

Не сговариваясь, мы кинулись туда, слегка замешкавшись в недостаточно широких дверях. Внутри все было в дыму. Запах горелого пирога смешивался с запахом пороха. Лорд Август стоял у стены, с уважением посматривая на жену, которая сжимала в руках ружье.

– Мама, что здесь происходит?! – воскликнул Этьен.

– О, всего лишь какая-то птица, – успокоила сына графиня. – Она так глумливо орала, сидя на дереве, что я решила напугать ее и выстрелила... кажется, все-таки попала. Или она просто упала в обморок от испуга.

Словно в подтверждение этих слов за окном раздалось пронзительное карканье, и огромная ворона взлетела в небо, по всей видимости ругаясь на «гостеприимных» хозяев сада.

– А что ружье вообще делало на кухне? – поинтересовался Рейнард, когда птица была уже высоко в небе, а дым развеялся.

Графиня недоуменно взглянула на племянника:

– Милый, наша кухарка миссис Бинкс готовит на Рождество такой восхитительный окорок! Мало ли кому придет в голову нас ограбить!

– Сомневаюсь, что кто-нибудь рискнет сюда сунуться, – пробормотал Этьен, выждав, пока граф Август заберет из рук жены ружье. – Мама, прошу тебя, в следующий раз будь осторожнее!

– Не думаю, что следующий раз состоится, – отмахнулась графиня. – Пирог все равно сгорел, и мне не понравилось готовить! Придется отправить твоего Гарри в пекарню за булочками!

Мы вновь вернулись в гостиную. Взгляд леди Розалинды упал на газету, все еще лежащую на столе.

– Кто бы мог подумать! – задумчиво произнесла она, всматриваясь в текст.

– Вы про игуану? – оживилась Амелия. – Вы тоже ее помните?

– Нет, – покачала головой графиня. – Кто бы мог подумать, что мой визит к королю приведет к таким последствиям!

– Тетушка, о чем вы? – насторожился Рейнард.

– О королевской фаворитке, некой Беатрисе... похоже, на этот раз у Георга не просто увлечение. Придется какое-то время не появляться при дворе... неудобно смотреть в глаза королеве.

– Мама, ты-то тут при чем? – возмутился Этьен, моментально сообразив, о ком идет речь.

– Ну как же? Ведь это я тогда настояла, чтобы он поехал в твой городской дом.

– Что?! – воскликнули мы все хором.

Графиня лишь улыбнулась:

– Вы были так увлечены друг другом, но боялись это признать. Вас просто необходимо было немного подтолкнуть.

– Но как вы узнали о похищении? – изумилась Амелия.

– Я и не знала, – отмахнулась она. – Зато отлично помнила, что, когда встречаются эти двое, – она покосилась на кузенов, – жди беды. Вот и попросила Георга поспешить.

– То есть тогда он приехал... – Этьен выразительно посмотрел на мать.

– Потому что я ему сказала, – кивнула леди Розалинда, ничуть не смущаясь. – В конце концов, король задолжал тебе, мой мальчик, и это был прекрасный шанс отплатить тебе за услугу. Да и упустить такую невесту, как Мейбл, было бы весьма обидно.

– Спасибо, – пробормотала я, слегка смутившись.

– О, можете не благодарить! – отмахнулась графиня. – Мне и самой понравилось, что так удачно все получилось! Возможно, мне даже стоит заделаться свахой...

Мы переглянулись.

– Мама, – проникновенно произнес Этьен. – Твой поступок прекрасен, но, надеюсь, ты никогда и никому больше не станешь устраивать помолвку.

– Конечно, милый, – уверила его графиня. – Но, надеюсь, твоему Гарри понравится наша булочница... Она вдова и прекрасно ведет хозяйство!

– Мама! – простонал Этьен.

Его дальнейшие слова утонули в нашем раскатистом хохоте.